



Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия



Научный журнал
2017 Том 17

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Быченко Ю. Г., Ершов В. В.** Проектное развитие культурного человеческого капитала военнослужащих-контрактников 247
- Рассадина Т. А.** Факторы успешности избирательной кампании (на примере выборов депутатов Законодательного собрания Ульяновской области) 254
- Mogilevich B. R.** Global and Local Contradictions: Fundamentalism Versus Globalization 262
- Оставная А. Н., Волкова О. А.** Метод онлайн фокус-группы: опыт изучения мнения населения о проблемах реформирования системы пенсионного обеспечения в Приднестровье 265
- Сайганова Е. В.** Особенности проявления преступного поведения в подростковой среде: региональный аспект 274
- Шахбанова М. М.** Земельная реформа в Республике Дагестан: проблемы, противоречия и оценка в общественном сознании дагестанских народов 280
- Степанов С. В., Мозговая Е. И., Кулабухов Д. А.** Проблемы формирования профессиональной культуры муниципальных служащих (на основе результатов социологического исследования) 287
- Уфимцева Е. И.** Социальные модели преодоления бездомности: российская практика 291

Слово молодым социологам

- Загирова Э. М.** Традиции и инновации в институциональном пространстве дагестанской семьи 298
- Макеев Ф. А.** Развитие антикоррупционной политики как фактор интеграции современного российского общества 304

Политология

- Шестов Н. И.** Качество политического исследования: проблема критериев оценки 308
- Мирзаханов Д. Г., Исрапилова З. А.** «Исламская мечта»: методологическое и прикладное значение теоретического концепта 314
- Вилков А. А., Толкунов Н. С.** Этнокультурная политика в Саратовской области: проблемы и перспективы 320
- Аникин Д. А., Казаков А. А., Козлова М. С.** Информационная открытость депутатов Саратовской городской думы четвертого созыва и Саратовской областной думы пятого созыва: сравнительный анализ 326
- Россошанский А. В., Цаплин А. Ю.** Пути развития современных демократий в информационном обществе 331
- Вестов Ф. А., Глухова Е. О., Фаст О. Ф.** Правоохранительные органы и политико-правовые механизмы защиты личности в российском Интернете 337

Слово молодым политологам

- Чистякова Е. В., Яковлев И. В.** Гражданский контроль в программных документах и публичном дискурсе политических партий 341
- Зорина Е. Г.** Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения 345
- Токарева О. В.** Типы имиджа российских женщин-парламентариев в условиях кризиса 349
- Селиванова А. О.** Формы политического участия: проблема типологизации 354
- Шестов Б. Н.** Медийные технологии влияния на политическую культуру 358

Сведения об авторах

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Багаева Ольга Львовна

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 28.08.17.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 500 экз. Заказ 92-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2017



ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Bychenko Yu. G., Ershov V. V.** Project Development of Contract Serviceman Human Cultural Capital 247
- Rassadina T. A.** The Factors of a Successful Election Campaign (on the Example of Election of Deputies of Legislative Assembly of Ulyanovsk Region) 254
- Mogilevich B. R.** Global and Local Contradictions: Fundamentalism Versus Globalization 262
- Ostavnaya A. N., Volkova O. A.** Method Online Focus Groups: Experience of Studying the Population's Opinion on Problems of Reforming the Pension System in Pridnestrovie 265
- Saiganova E. V.** Peculiarities of the Implementation of Criminal Behavior in the Adolescent Environment: Regional Aspect 274
- Shakhbanova M. M.** Land Reform in the Republic of Dagestan: Problems, Contradictions and Evaluation in Public Consciousness of the Dagestan Peoples 280
- Stepanov S. V., Mozgovaia E. I., Kulabutov D. A.** Problems of Formation of Professional Culture of Municipal Employees (on the Basis of Results of the Sociological Research) 287
- Ufimceva E. I.** Social Model of Overcoming Homelessness: the Russian Practice 291

A Word to Young Sociological Scientists

- Zagirova E. M.** Traditions and Innovations in Institutional Space of Dagestan Family 298
- Makeev F. A.** The Development of Anti-corruption Policy as a Factor of Integration of Modern Russian Society 304

Politology

- Shestov N. I.** Quality of Political Research: the Problem of Evaluation Criteria 308
- Mirzakhonov D. G., Israpilova Z. A.** "Islamic Dream": Methodological and Applied Significance of this Theoretical Concept 314
- Vilkov A. A., Tolkunov N. S.** Ethnocultural Policy in Saratov Region: Problems and Prospects 320
- Anikin D. A., Kazakov A. A., Kozlova M. S.** Information Openness of the Deputies of the 4th Convocation Saratov City Duma and the 5th Convocation Saratov Regional Duma: Comparative Analysis 326
- Rossoshansky A. V., Tsaplin A. Yu.** The Development of Modern Democracies in the Information Society 331
- Vestov F. A., Glukhova O. E., Fast O. F.** Law Enforcement and the Political and Legal Mechanisms for the Protection of the Person in Russian Internet 337

A Word to Young Politological Scientists

- Chistyakova E. V., Yakovlev I. V.** Civilian Control in Policy Documents and Public Discourse of Political Parties 341
- Zorina E. G.** Informational Sovereignty of Contemporary State and the Main Instruments of its Ensuring 345
- Tokareva O. V.** Types of Image of Russian Women-Parliamentarians under Conditions of Crisis 349
- Selivanova A. O.** Forms of Political Participation: the Problem of Typology 354
- Shestov B. N.** Media Technologies of Influence on Political Culture 358

Information about the Authors

365



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Aleksey N. Chumachenko (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksei A. Koronovskii (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Victoria A. Khalova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Olga S. Balash (Saratov, Russia)

Irina Yu. Buchko (Saratov, Russia)

Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Leonid Yu. Kossovich (Saratov, Russia)

Vladimir Z. Makarov (Saratov, Russia)

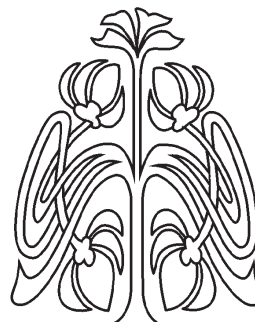
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia)

Dmitry A. Usanov (Saratov, Russia)

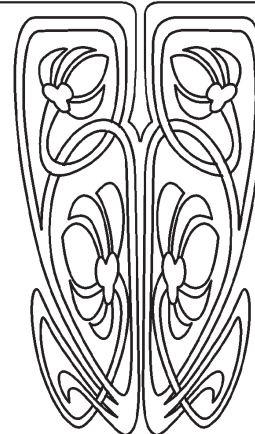
Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

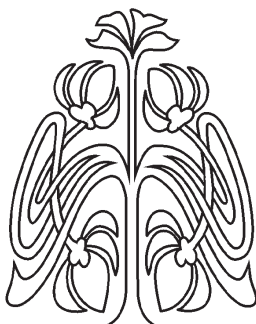
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

Gennadiy V. Shliakhtin (Saratov, Russia)



РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ





**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

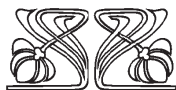
Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

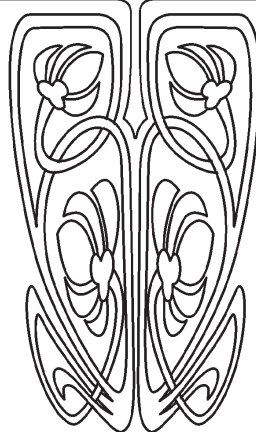
Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)



**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**



Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Jim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolai I. Shestov (Saratov, Russia)



СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.77

ПРОЕКТНОЕ РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-КОНТРАКТНИКОВ

Ю. Г. Быченко, В. В. Ершов

Саратовский военный институт внутренних войск МВД России
E-mail: bychenkoug@gmail.com, strelok-6622@yandex.ru

Раскрыты факторы торможения процесса развития культурного человеческого капитала военнослужащих солдат и сержантов, проходящих военную государственную службу по контракту. Представляются пути преодоления выявленных проблем, разрабатываются предложения, направленные на конструирование процессов проактивного развития культурного человеческого капитала военнослужащих-контрактников. Предложены три направления данного проектного конструирования: 1) формирование программы поэтапного роста дохода военнослужащих; 2) создание дополнительной системы социальной защиты контрактников; 3) разработка и внедрение программы проактивного образовательного развития культурного капитала акторов.

Ключевые слова: человеческий культурный капитал, военнослужащие, проактивное развитие, конструирование, проектирование.

Project Development of Contract Serviceman Human Cultural Capital

Yu. G. Bychenko, V. V. Ershov

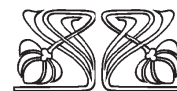
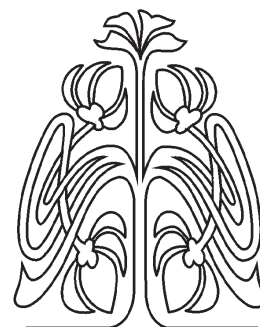
Suppressive factors of cultural human capital development of contract soldiers and sergeants are revealed. Solutions of ascertained problems are presented, propositions directed to designing of proactive development processes of cultural development of contract military personnel are developed. Three directions of project construction are offered: 1) shaping of step-by-step program for income growth of contract military personnel; 2) creation of additional social defensive system of contract military personnel; 3) development and implementation of proactive educational program for development of actor's cultural capital.

Key words: human cultural capital, military personnel, proactive development, construction, designing.

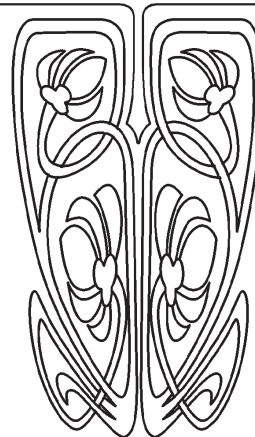
DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-247-253

Становление информационного общества подразумевает индивидуализацию стратегий труда в различных государственных социально-экономических системах, в том числе и военного типа. Последнее актуализирует проблему культурного человеческого капитала в аспектах освоения и применения знаний, прав личности, многообразия форм участия военнослужащих в социальной жизни, эффективности социальной и экономической деятельности военной организации. Стимулирование научного, образовательного, культурного развития военнослужащих-контрактников в современных условиях имеет стратегическое значение. Оно определяет не только ход социальных реформ в военной сфере, но и их социально-экономические результаты, способствуя укреплению общего ресурсного потенциала общества.

Социальная реформа военной организации России направлена, прежде всего, на оптимизацию процессов развития человеческого культурного капитала военнослужащих¹. В результате реализации данной реформы, с одной стороны, увеличивается состав граждан, идущих служить по контракту на государственную военную службу на должности солдат (рядовых) и сержантов (младших команди-



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





ров). При этом они не только осваивают новые военные и универсальные специальности, но и частично переоценивают собственные ценности, осуществляют карьеру военного, постоянно повышают свой социально-экономический статус (т. е. развивают собственный культурный человеческий капитал). С другой стороны, в рамках достижения цели социальной реформы в военной организации реализуются программы целевого социокультурного развития солдат и сержантов контрактников. Эти программы нацелены на социальное конструирование процессов развития культурного человеческого капитала данной группы военнослужащих. Для достижения поставленной цели проектируется процесс освоения новых ценностей, идеалов, норм социального взаимодействия, повышается уровень жизни военнослужащих. Последнее обуславливает рост качества потребительской способности семьи военного, привлекая основные ресурсы домохозяйств на удовлетворение не только базовых физических потребностей, но и потребностей образовательного, интеллектуального и культурного развития.

В России за годы реформы вооруженных сил сложилась тенденция устойчивого развития культурного человеческого капитала контрактников. Растет состав военнослужащих с высокими показателями физического здоровья. Динамично развивается система профессиональных знаний, умений, навыков, растут интеллектуальные способности военнослужащих и, как итог, расширяются возможности карьерного роста, повышаются доходы. Солдаты получают возможность расти по служебной лестнице, им присваивают звание ефрейтора, сержанта, прапорщика. Расширяются возможности получения направления на обучение в военном институте и последующего получения должности офицера.

Складывающиеся положительные тенденции требуют научного анализа и осмысления. Необходимо исследовать новые процессы социокультурного совершенствования, выявить факторы торможения данного процесса и разработки целевых проектов, направленных на обеспечение проактивного развития культурного человеческого капитала солдат и сержантов, проходящих военную службу по контракту. Именно проактивность представляет собой новую форму динамичного развития культурного человеческого капитала, востребованного не только в настоящем, но и в будущих периодах².

Мы исследуем тенденции развития культурного капитала в рамках состава солдат и сержантов как основной группы военнослужащих-контрактников Вооруженных сил России. Ведь данная группа является самой многочисленной среди военнослужащих-контрактников, а также имеет существенную специфику трансформации не только потенциального, но и реально профессионально накопленного культурного челове-

ского капитала. Повышение количественных и качественных показателей развития культурного капитала военнослужащих солдат и сержантов является локомотивом повышения всеобщей эффективности военной организации России в целом.

Культурный человеческий капитал военнослужащих солдат и сержантов исследуется как система базовых субъективных ценностей, норм, представлений, обретаемых акторами в процессе формальных и неформальных служебно-трудовых отношений. Культурный человеческий капитал индивида можно исследовать на нескольких уровнях. Первый уровень – декларируемый потенциальный культурный человеческий капитал индивида. Это характеристика трудовых потребностей, знаний, провозглашаемых ценностей и идеалов трудового поведения индивида (нормы и правила, лежащие в основе обыденных инструментальных принципов, которыми руководствуется индивид). Второй уровень проявления – реальный деятельный культурный человеческий капитал. Это базовые знания, ценности, принципы и представления, лежащие в основе конкретных действий индивида, субъективные правила и нормы его трудового поведения. Третий уровень – профессионально накопленный культурный человеческий капитал, проявляющийся в процессе развития социально-трудовых практик, обновления мотивационных основ деятельности личности и стиля его служебно-трудового поведения. Данный уровень определяет возможность преодоления факторов торможения развития, карьерных изменений, обновления рамок восприятия актором окружающей действительности. Он показывает, как индивид «видит, воспринимает и реагирует на окружающую действительность, как он считает правильным и неправильным поступать в различных ситуациях»³. Важно исследовать процессы развития культурного капитала военнослужащих на последнем, третьем уровне.

В рассматриваемом контексте трудовое накопление культурного капитала солдат и сержантов как социально-экономической группы военнослужащих зависит и должно рассматриваться как реализация условий и конкретных образовательных проектов целевого конструирования культурного потенциала, оптимизации трудовых отношений, роста применяемого профессионального капитала, карьерных изменений.

Для уточнения путей совершенствования процессов развития культурного капитала военнослужащих, проходящих военную государственную службу по контракту, необходимо решить две задачи. Первая – выявить основные проблемы, связанные с реализацией трудовой деятельности военнослужащих, препятствующие динамичному развитию культурного капитала (в потенциальной и профессиональной формах). Конкретизация проблем, связанных с реализацией трудовой деятельности военнослужащих, в



перспективе может помочь представить эффективные предложения, направленные не только на преодоление противоречий развития, но и на разработки проекта оптимизации всей системы культурного капитала военнослужащих. Вторая задача – представить обобщенные предложения, направленные на социальное проектирование процесса развития культурного человеческого капитала военнослужащих-контрактников. Решение данных задач ориентировано не только на достижение роста профессионализма, карьеры, дохода военнослужащих, но и на повышение результативности труда, прогрессивного изменения всего образа жизни человека, поступившего на военную службу на условиях государственного контракта.

Предпримем попытку решения задач в контексте анализа данных проведенного В. В. Ершовым социологического эмпирического исследования «Культурный капитал в оценках солдат и сержантов, проходящих военную службу по контракту в системе внутренних войск» (опрошены все солдаты и сержанты контрактники Саратовского военного института ВВ МВД России, N = 252). Анализируя данные эмпирического исследования, можно условно выделить пять основных групп проблем, препятствующих динамичному развитию культурного капитала военнослужащих.

Первая группа проблем – низкий уровень заработной платы (отмечают 60,31% военнослужащих СВИ ВВ МВД). Несмотря на существенное повышение заработной платы в результате последних реформ военной организации, данный фактор по-прежнему является актуальным. Военнослужащие сравнивают уровень заработной платы своих зарубежных коллег и приходят к выводу о том, что при относительно равной трудовой нагрузке рост заработной платы солдат и сержантов в России происходит крайне низкими темпами.

Вторая группа – неэффективность системы организации трудовой деятельности, ненормированный рабочий день (отмечают 39,68% военнослужащих СВИ ВВ МВД). Данные проблемы приводят не только к излишней загруженности, перегрузкам солдат и сержантов, но и к постепенному падению результативности их труда. Одновременно важно отметить, что ненормированный рабочий день является специфической чертой деятельности военнослужащих, проходящих государственную военную службу по контракту, и не может подвергаться изменению.

Третья группа – неэффективность системы карьерного накопления культурного капитала военнослужащих. Отсутствие гарантий быстрого карьерного роста отмечают 37,30% военнослужащих СВИ ВВ МВД. Несмотря на серьезные шаги государства, направленные на формирование оптимальной системы профессионального и карьерного роста военнослужащих, данная про-

блема на сегодняшний день так и не решена. При сохранении программы кадровой социальной политики в военных организациях важно выявить новые механизмы оптимизации карьерного роста солдат и сержантов контрактников.

Четвертая группа – оторванность практической профессиональной деятельности от возможностей получения формального дополнительного образования (без отрыва от процессов осуществления военной службы). На отсутствие реальных временных возможностей получения дополнительного формального образования указывают 23,01% военнослужащих СВИ ВВ МВД. Система предоставления государством права получения дополнительной профессии без отрыва от реализации контрактниками военной службы явно провалилась. Солдаты и сержанты не имеют ни механизма осуществления, ни временных рамок вести дополнительную формальную образовательную деятельность. А система предоставления права обучения военнослужащим без отрыва от основной деятельности находится только в стадии разработки и не получила на современном этапе практических форм воплощения.

Пятая группа проблем – косность и материальная односторонность системы мотивации труда. Неэффективность системы мотивации труда отмечают 19,05% военнослужащих СВИ ВВ МВД. В военных организациях по-прежнему действует классическая система мотивации труда. Стимулирование реализуется в рамках традиционных ставок и тарифов. В данном контексте особенности, качественные проявления, трудовая активность военнослужащих, как правило, не фиксируются и не учитываются в полной мере. Крайне неудовлетворительно действует система нематериальной мотивации труда военнослужащих: практически отсутствует стимулирующий механизм социального одобрения и порицания тех или иных форм трудовых действий, неэффективно функционирует механизм реализации социальных пособий и льгот, крайне редко в организациях вручают ценные подарки отличившимся, отсутствует традиция вручения символических знаков, практически не предоставляются в качестве стимула выходные дни за высокие конечные результаты в труде и боевой подготовке.

Усугубляется ситуация также в результате падения у солдат и сержантов интереса к военной службе. Причину данного явления респонденты видят в следующем: 1) 30,15% – низкий уровень заработной платы (социально-экономический, материальный фактор); 2) 18,25% – низкая эффективность работы военной организации, 14,28% – чрезмерная загруженность работой, 8,73% – ненормированный рабочий день, 6,34% – отсутствие возможности получения дополнительных выходных (организационный фактор); 3) 5,56% – отсутствие свободного времени,



4,77% – неудовлетворение регламентом рабочего времени, 4,77% – отсутствие жилья (личный фактор). По сути, мы видим, что социально-экономический, материальный, организационный, а также личный факторы являются основными причинами снижения у солдат и сержантов интереса к военной службе. Представленные выше проблемы, с одной стороны, показывают недостатки внешних условий культурно-образовательного развития контрактников, с другой – определяют внутреннее проявление противоречия развития культурного человеческого капитала военнослужащих.

Можно обобщенно сформулировать внутренние противоречия развития культурного капитала военнослужащих. Первое противоречие – несоответствие заявленных (декларируемых) условий функционирования солдат и сержантов по контракту и реальных практик трудового служебного взаимодействия. Декларируются трудовые права, возможность дополнительного профессионального образования, право на получение служебного жилья, право на карьеру. На практике выполнение данных формальных деклараций осуществляется только частично, определенных сроков выполнения прав военнослужащих не существует. Второе противоречие – несоответствие темпов роста социально-трудовой нагрузки на военнослужащих (как результат модернизации военной организации России) и уровня повышения, а также индексации их заработной платы. За последние годы введен новый трудовой стандарт военнослужащего-контрактника, который многократно повысил требования к физическому, интеллектуальному потенциалу, представил более высокие характеристики необходимого уровня боевой, психологической и политической подготовки солдат и сержантов Вооруженных сил, проходящих государственную военную службу по контракту. Между тем рост уровня заработной платы осуществляется крайне низкими темпами. Третье противоречие – оторванность механизма карьерного роста и системы дополнительного профессионального образования, осуществляемого военнослужащими без отрыва от военной службы. Можно предположить, что совершенствование процессов развития культурного капитала военнослужащих предполагает разрешение выявленных противоречий социально-трудового взаимодействия военнослужащих.

Далее подробно остановимся на уточнении путей преодоления выявленных недостатков в контексте решения второй задачи – разработка предложений, направленных на социальное проектирование процесса развития культурного человеческого капитала военнослужащих. Анализируя данные эмпирического исследования, можно выделить наиболее значимые направления совершенствования процессов развития культурного капитала военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

1. Формирование карты-программы поэтапного роста дохода военнослужащих-контрактников (мнение 67,46% военнослужащих СВВ МВД). Необходимо не только выделить этапы и доли повышения оплаты труда, но и определить порядок дополнительных выплат, связанных с различными стимулирующими надбавками за длительную, активную и безупречную военную службу. Рост дохода военнослужащих-контрактников необходимо рассматривать как результат системных разнонаправленных мер проактивного (опережающего) стимулирующего воздействия на служебно-трудовую деятельность. Наиболее значимые компоненты данной системы следующие: 1) индексация и реальный рост основной заработной платы (социально-экономическая основа восстановления человеческого капитала военнослужащих); 2) индексация и реальный рост дополнительной заработной платы, оптимизация постоянного премиального материального стимулирования, разовых выплат социальной поддержки, материальных компенсаций и поощрений, целевых материальных выплат на образование, лечение, отдых (социально-экономическая основа развития человеческого капитала военнослужащих); 3) организационная и финансовая поддержка системы нематериальных факторов стимулирования трудовой деятельности (социальная основа развития человеческого капитала военнослужащих).

2. Создание дополнительной системы социальной защиты военнослужащих-контрактников, включающей предоставление нескольких дополнительных выходных к основному отпуску. На необходимость предоставления дополнительных выходных, а в перспективе и дополнительного отпуска указывают 46,83% военнослужащих СВВ МВД. Предлагают предоставить государственные гарантии трудоустройства лицам, уволенным из рядов Вооруженных сил, 21,42% военнослужащих СВВ МВД. Важно разработать график поэтапного внедрения данного проекта, прописать социальные возможности, связанные не только с дополнительным выходным пособием, но и с предоставлением государственных гарантий трудоустройства лицам, уволенным из рядов Вооруженных сил, а также нового пакета социальной защиты как самого военнослужащего, так и членов его семьи.

3. Разработка программы проактивного (опережающего) образовательного развития культурного капитала военнослужащих-контрактников (мнение 48,41% военнослужащих СВВ МВД). 30,15% респондентов акцентируют внимание на необходимости предоставления государственной гарантии поступления в вузы лицам, проходящим военную службу по контракту. 19,84% респондентов предлагают усилить профессиональную направленность процессов переподготовки и повышения квалификации.



Данная программа определяет становление новой модели формирования культурного капитала солдат и сержантов, ориентированной, прежде всего, на интеграцию процессов развития трудовых способностей и потребностей военнослужащих, а также активизацию механизма накопления их культурного капитала и, как итог, карьерного роста. Основной акцент должен делаться на развитие профессиональных способностей акторов собирать, обрабатывать, создавать профессионально необходимые знания и использовать их в качестве инновационного ресурса военной организации. Интенсификация образовательного развития культурного капитала военнослужащих призвана интегрировать процессы количественного и качественного развития расширенного состава структурных компонентов культурного капитала: 1) формирование лидерских ценностей, норм, установок; 2) обновление профессионально значимых знаний, умений, навыков, совершенствование интеллектуальных способностей акторов; 3) оценка профессиональной компетентности; 4) карьерный рост военнослужащих, предоставление возможностей получения последующего образования военного, направление для поступления в военный институт (с отрывом или без отрыва от основной службы).

Таким образом, пути совершенствования процессов развития культурного капитала военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, можно концентрированно изложить в рамках трех направлений: 1) формирование карты-программы поэтапного роста дохода военнослужащих; 2) создание дополнительной системы социальной защиты военнослужащих-контрактников, включающей предоставление нескольких дополнительных выходных к основному отпуску; 3) разработка и внедрение программы проактивного (опережающего) образовательного развития культурного капитала военнослужащих-контрактников, включающей в себя в том числе и механизм карьерного роста на основе тестирования и профессиональной оценки культурного капитала акторов.

Программа проактивного (опережающего) образовательного развития культурного капитала военнослужащих-контрактников имеет основную (стратегическую) цель, связанную с общим совершенствованием процессов развития культурного капитала военнослужащих. Проактивность данной системы проявляется в том, что последняя ориентируется не только на цели и задачи сегодняшней практики поведения и деятельности военнослужащих, но и во многом конструирует совершенствование и развитие данных поведенческих практик в будущем, пытается забежать вперед и смоделировать культурный образовательный потенциал военнослужащих, необходимый в будущих периодах военной государственной службы.

Программа проактивного (опережающего) образовательного развития культурного капитала военнослужащих имеет и несколько дополнительных (тактических) целей.

1. Активизация внутриорганизационного образовательного развития, обеспечивающего решение задач профессиональных практик в настоящем и будущих (прогнозируемых) периодах. Деятельность образовательного комплекса военной организации должна оцениваться и ориентироваться на необходимые конечные показатели аттестации военнослужащих, технологии обучения признаваться эффективными только по результатам сдачи нормативов военнослужащими. Нужно достичь органического единства образовательного развития военнослужащих и практических требований к преобразованию системы их трудового потенциала. В рамках данного направления необходимо обеспечить четкую взаимосвязь изменений потребности в культурном капитале военнослужащих военной организации и обновления образовательных технологий, моделей поведения, проектов культурного развития.

Переподготовка военнослужащих-контрактников в целом должна быть подчинена не только задачам формирования навыков выполнения тех или иных действий по определенным параметрам, выполнению контрольных функций, но и формированию профессиональной компетентности по той или иной профессии, что в перспективе должно приводить к карьерному росту обучаемых. Положительные результаты подготовки могут быть зафиксированы в рамках оценки полной готовности военнослужащего не только выполнять те или иные действия, но и формировать устойчивые мотивы активизации самопознавательной функции контрактника, движения его по карьерной лестнице. В рамках данного направления необходимо решить две задачи. Первая задача – формирование у военнослужащих практически необходимых навыков трудового несения военной службы, мотивация готовности к поиску и внедрению нетрадиционных решений, эффективному поиску, обработке и применению новых знаний, информационных потоков (мнение 19,84% опрошенных). Вторая задача – обеспечить реальную возможность получения формального высшего военного образования без отрыва от несения военной государственной службы по контракту (предлагают 30,15% опрошенных).

Таким образом, военный профессионал-контрактник, находясь на должности солдата (рядового) или сержанта (младшего командира), должен иметь возможность не только реального образовательного развития, но и роста статуса в результате карьерного роста, определяющего переход на военную службу в роли прапорщика или офицера-контрактника. Военнослужащий, осваивая новые знания, стремится не только к



росту собственной профессиональной компетенции, но и осознанию возможностей перспективы карьерного роста в результате трудовой потребительской реализации своего собственного культурного человеческого капитала.

2. Внедрение проактивной (ориентированной на будущие требования и потребности) системы стимулирования самообразовательных и взаимообучающих процессов на индивидуальном и групповом уровнях военной организации. Здесь представляется важным применение социально-экономических методов внешней диагностики и оценки карьерных перспектив, реального состояния и динамики развития профессиональных знаний, умений и навыков различных групп военнослужащих. Важно также постепенное внедрение и институционализация практик социальной самооценки, самоанализа, самодиагностики процессов осознания и применения профессиональных знаний, обоснования и стимулирования процессов саморазвития профессиональных навыков различных трудовых групп военнослужащих. Именно нацеленность на создание профессиональных трудовых команд военнослужащих призвана обеспечить условия и мотивацию процессов взаимопомощи, взаимовыручки, самовыявления недостатков и противоречий, а также реальной групповой самооценки и самокорректировки профессионализма и его преобразования в форму культурного человеческого капитала.

В рамках данного направления также необходимо решить две задачи. Первая задача – образовательному комплексу военной организации необходимо ориентировать деятельность не только на образовательный рост профессионализма военнослужащих, но и на систематическое проведение формальных (специальным подразделением организации) и неформальных (на уровне групповой самооценки) мониторингов знаний, умений и профессиональных навыков военнослужащих. Данная оценка позволит, с одной стороны, ранжировать военнослужащих по уровню их образовательно-культурного потенциала, с другой стороны, позволит администрации учитывать и быть ориентированной на кадровую политику в контексте индивидуальных способностей и потребностей военнослужащих. В последующем данная информация поможет адаптировать и изменять образовательные технологии в целом под влиянием способностей к освоению акторов, а также требований трудовых практик военнослужащих.

Вторая задача – внедрение органической системы профессионального наставничества. Военнослужащие, приходящие, а также в первые периоды осуществляющие военную службу по контракту, должны быстро адаптироваться и осваивать изменяющиеся правила и нормы трудовой военной деятельности. В рамках данной задачи важно спланировать комплекс мер, на-

правленных на конструирование и наставническое сопровождение военной трудовой деятельности в первые годы службы. Именно система наставничества призвана, с одной стороны, обеспечить интенсивное усвоение и обновление военного опыта несения военной службы контрактниками первых лет службы без отрыва от процесса выполнения основных обязанностей. С другой стороны, данная система позволяет сгладить процессы адаптации служащих к процессам осуществления военной службы, учесть и развить индивидуальные способности работников к осуществлению труда в военной организации, создать максимально комфортные условия трудового взаимодействия военнослужащих, обеспечить непрерывное совершенствование военно-трудовых взаимоотношений работников, выполняющих как чисто военные, так и универсальные трудовые функции.

3. Внедрение проекта культурного развития военнослужащих, формирование проактивной (ориентированной на саморазвитие и инновационные преобразования) групповой культуры военной организации (10,32% респондентов СВВ МВД акцентируют внимание на необходимости формирования проактивной групповой культуры в системе военных организаций). Третье направление предусматривает формирование социально-культурной системы как важнейшего объекта управления внутри военной организации. Результатами данного управления, по сути, является процесс конструирования духовной культуры военнослужащих. В рамках этого подхода важно выделить два новых системных блока профессиональной компетенции военнослужащего-контрактника: 1) трудовая мотивация; 2) профессиональные ценности, нормы, принципы поведения акторов. Мы можем сформировать гипотезу, согласно которой профессиональная компетентность военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, не будет ограничиваться набором знаний, общих и специфических умений, конкретизированных навыков. Данные традиционные компоненты должны дополняться системой трудовых мотивационных предпочтений, а также показателей культурных ценностей, норм, принципов поведения контрактника.

В рамках третьего направления необходимо решить две задачи. Первая задача – проектное формирование проактивных групповых ценностей акторов военной организации. Новые ценности должны отвечать требованиям не только в настоящем, но и в будущих периодах служебно-трудовой деятельности. Для достижения поставленной цели необходима разработка и реализация специального проекта, направленного не только на поддержание традиционных военных организационных ценностей – дисциплины, обеспечения порядка и четкости взаимодействия вышестоящего начальства и подчиненных, но и



достижения социально-группового консенсуса, ценностей трудовой ответственности в трактовке основных норм и проактивных принципов обновления стиля трудового взаимодействия. Вся деятельность военной организации в целом и каждого сотрудника в частности должна быть нацелена на профессиональное совершенствование, отвечающее не только требованиям сегодняшнего дня, но и потребностям будущих периодов функционирования военной организации. Здесь важно обеспечить единство понимания военнослужащими основного видения, целей, стратегий, миссии и задач военной организации в стратегической перспективе ее развития.

Вторая задача – формирование комплекса конкретных проектов и мероприятий, направленных на культурное индивидуальное развитие военнослужащих, становление ценностных приоритетов военного творчества, новаторства в рамках формальных программ кружковой, секционной, клубной, воспитательно-патриотической

аудиторной деятельности. В рамках данного направления должны развиваться индивидуальная физическая и духовная культура военнослужащих, формироваться навыки участия в военных многоборьях, деятельности секции стрельбы, спортивного военного ориентирования.

Примечания

- ¹ См.: Ершов В. В. Некоторые проблемы развития культурного капитала военнослужащих // Социальные проблемы модернизации российского общества : сб. ст. Саратов, 2015. С. 55–61.
- ² См.: Быченко Ю. Г., Баландина Т. М. Трансформации управленческих процессов в условиях становления обучающейся хозяйственной организации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 3. С. 22–26.
- ³ Баландина Т. М. Формирование организационной культуры инновационного типа. Саратов, 2004. С. 54.

Образец для цитирования:

Быченко Ю. Г., Ершов В. В. Проектное развитие культурного человеческого капитала военнослужащих-контрактников // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 247–253. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-247-253.

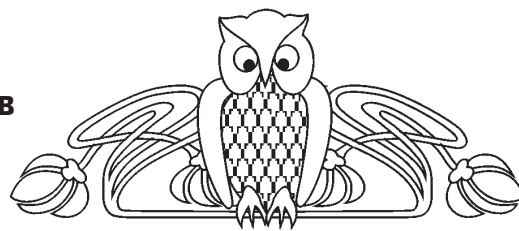
Cite this article as:

Bychenko Yu. G., Ershov V. V. Project Development of Contract Serviceman Human Cultural Capital. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 247–253 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-247-253.



УДК 316.75

ФАКТОРЫ УСПЕШНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ (на примере выборов депутатов Законодательного собрания Ульяновской области)



Т. А. Рассадина

Ульяновский государственный университет
E-mail: t.rassadina@mail.ru

Статья посвящена анализу ключевых факторов успешности современной избирательной кампании в России; исследованию способов политического PR, сопровождающих предвыборные кампании разных политических акторов и способствующих успешности/неуспешности избирательной кампании по выборам депутатов регионального парламента.

Ключевые слова: успех, успешность, избирательная кампания, факторы успешности избирательной кампании, политический PR, PR-сопровождение предвыборной кампании.

The Factors of a Successful Election Campaign (on the Example of Election of Deputies of Legislative Assembly of Ulyanovsk Region)

Т. А. Rassadina

The article is devoted to the analysis of the key factors of a successful modern election campaign in Russia. Also it deals with the research of the role of political PR in election campaigns of different political actors. The article is about the ways of political PR which can promote success or failure of election of deputies of legislative assembly.

Key words: success, successful, election campaign, factors of a successful election campaign, political PR, PR support of election campaign.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-254-261

Важнейший институт современной демократии – выборы – в условиях многопартийности и плюрализма приобретает характер острой конкурентной борьбы. Демократические выборы в органы политической власти в современном обществе представляют собой крупное социально-политическое мероприятие, основная цель которого – легитимное воспроизводство отношений общественного представительства в системе государственного руководства и управления. Политический PR как деятельность субъектов политики, которая направлена на эффективное управление их публичной коммуникацией и повышение политической конкурентоспособности за счет привлечения общественной поддержки, стал неотъемлемой частью избирательных кампаний, нацеленных на успех.

Что понимается под успешностью избирательной кампании?

Согласно «Современному толковому словарю русского языка» Т. Ф. Ефремовой¹, «успех»

означает: 1) удачу в каком-либо деле, удачное достижение поставленной цели; 2) признание такой удачи со стороны окружающих, общественное одобрение чего-либо или чьих-либо достижений; 3) внимание общества к кому-либо, признание чьих-либо заслуг. Понятия «успех» и «удача» не синонимичны. Об успехе можно говорить тогда, когда налицо некий достигнутый, социально оцененный результат. Поэтому успех зависит как от особенностей самого человека, его способностей и мотивации, так и от социальных условий.

Человек достигнет успеха в том случае, если: во-первых, у него будут сформированы необходимые качества; во-вторых, он найдет те социальные условия или факторы (обстоятельства, других людей, средства и т. д.), взаимодействие с которыми приведет его к успеху². Моменты случайности в достижении успеха играют очень небольшую роль. Действительно, в случае с избирательной кампанией важны не только качества кандидата, но и социальные условия, которые всегда обусловлены социально-экономическим, политическим и культурным развитием общества. Что касается понятия «удача», здесь к личностным особенностям и социальным факторам добавляется фактор случайности, когда формирование этих особенностей или столкновение с факторами достижения успеха произошло не как результат целенаправленной активности человека, а в силу случая. Действительно, успех на выборах определяется не случайностью, а целенаправленной и тщательно спланированной деятельностью кандидата и его команды. Успешная избирательная кампания – это система агитационных мероприятий, благодаря которым была достигнута поставленная цель, и этот результат оценен и признан социумом. Сегодня успешная реализация предвыборной кампании в избирательном процессе напрямую связывается с применением политических PR-приемов и технологий. Каковы факторы (причины, движущие силы, условия) успешности избирательной кампании?

Так, политтехнолог, директор компании стратегического консалтинга «Berta Communications» Т. Березовец считает, что основополагающими факторами успешной предвыборной кампании являются ставка на личные встречи кандидата, реализация программы «добрых дел», опора на лидеров общественного мнения³. Напротив, по



мнению Л. Богомоловой, никакие технологии не убедят избирателей проголосовать за кандидата, если характеристики его образа входят в противоречие с их стилем жизни и устремлениями. «Выбор средств ведения [предвыборной стратегии] должен определяться, с одной стороны, максимально точными социологическими данными о состоянии внешней среды во время выборов, а с другой – трезвой оценкой характеристик продвигаемого кандидата»⁴.

Г. Сатаров выделяет пять основных факторов, определяющих успех избирательной кампании: личные качества кандидата; политический ландшафт – соотношение политических сил; «дух времени» – определенная конфигурация сложившихся на данный момент массовых настроений; финансовые ресурсы; профессионализм команды⁵. М. Кошелюк характеризует два важнейших ресурса, которые обеспечивают успех в борьбе за власть⁶: общественная поддержка, которой можно достичь благодаря постоянной работе с населением, в том числе грамотному применению PR-приемов; финансовая поддержка. При этом оба ресурса конвертируются друг в друга в ходе кампании. Популярность делает кандидата привлекательным для спонсорской поддержки, а вложения, в свою очередь, создают возможности для проведения рекламной кампании, способствующей росту его популярности.

О. П. Кудинов и Г. А. Шипилов, в свою очередь, выделяют несколько ключевых ресурсов избирательной кампании: 1) время (чем раньше кандидат или партия начинает пропагандистскую кампанию, тем лучше; короткая кампания обычно требует больше финансовых затрат, чем та, которая развивается в течение достаточно длительного времени); 2) власть (те средства, использование которых обеспечивает влияние на объекты власти в соответствии с целями субъекта); 3) программа кандидата (тщательная ее разработка, основанная на знании экономической и хозяйственной жизни региона, данных социально-экономической диагностики, доведение положений этой программы до решения конкретных экономических и социально-бытовых проблем небольших социальных групп может стать ведущей темой всей избирательной кампании и привлечь дополнительных сторонников); 4) команда кандидата (популярные и уважаемые люди в команде прибавляют популярности и самому кандидату); 5) образ кандидата, сформированный у населения (соответствие образа и реальных результатов деятельности кандидата в представлении избирателей может определить исход кампании)⁷.

В. Королько определяет несколько принципов организации успешной предвыборной кампании: наличие плана действий, который охватывает организационные вопросы и общую стратегию проведения кампании; учет конкретной обстановки при организации кампании; на-

личие способных и талантливых людей в команде; соблюдение определенных «правил игры» как при организации (команды), так даже и тогда, когда кандидат решил снять свою кандидатуру; создание организации (команды) для проведения кампании с целью максимально эффективного использования имеющихся ресурсов для укрепления сильных сторон кандидата и нейтрализации их у его оппонента⁸.

Эффективность избирательной кампании – не синоним ее успешности. Известно, что термин «эффект» понимается как: 1) результат, следствие каких-либо причин, действий; 2) сильное впечатление, произведенное кем-либо, чем-либо; средство, прием, цель которых произвести впечатление, удивить или создать иллюзию чего-либо⁹. Эффективность – это не только умение производить нужное впечатление. С точки зрения экономической науки, эффективность – это достижение каких-либо определенных результатов с минимально возможными издержками¹⁰, т. е. выполнение задач с минимальными затратами ресурсов. Эффективность избирательных кампаний есть мера достижения ими цели при наиболее полном использовании и учете условий и факторов, влияющих на ход и результаты выборов, но с минимальными издержками. Если эффективность кампании оценивается по соотношению затрат и полученных результатов, то показателем ее успешности является достижение целей. Несмотря на эти различия, эффективность кампании может оцениваться по степени достижения цели, и тогда можно говорить о синонимичности данных понятий – «успешность» и «эффективность».

Таким образом, успешная избирательная кампания – это та кампания, в результате реализации которой достигнуты поставленные цели, а также итоги которой признаны социумом в качестве успешных. При этом для достижения успеха необходима разработка стратегии, алгоритма действий, поскольку элементы случайности в достижении успеха играют очень небольшую роль.

Важнейшим условием успешности современной избирательной кампании является ее грамотное PR-сопровождение. С целью изучения применяемых политиками PR-технологий, их влияния на успешность избирательной кампании выполнено исследование PR-сопровождения избирательных кампаний на примере выборов в Законодательное собрание Ульяновской области (далее – ЗСО) V созыва (2013 г.).

Эмпирическую базу исследования составили: анализ 58 текстов агитационных и иных печатных материалов кандидатов в депутаты ЗСО V созыва (52 текста агитационных материалов Т. А. Дмитриевой и 6 текстов А. В. Куринного); вторичный анализ данных социологического опроса электоральной активности избирателей, проведенного сотрудниками Московского



центра сравнительных социологических исследований (ЦССИ) по заказу Ульяновской городской избирательной комиссии в ноябре–декабре 2005 г.; вторичный анализ результатов рейтингового опроса, проведенного по заказу избирательного штаба кандидата в депутаты ЗСО V созыва Т. А. Дмитриевой в 2013 г.

Выборы депутатов ЗСО V созыва в Ленинском одномандатном округе прошли в острой конкурентной борьбе. Численность избирателей в округе составила 53 624 человека. Главной интригой выборов стало участие в них крупных политических фигур двух ведущих партий – Тамары Дмитриевой («Единая Россия») и Алексея Куриного (КПРФ). Дмитриева и Куриный являются харизматичными политиками с большим опытом деятельности в политической сфере. На тот момент они оставались действующими депутатами ЗСО IV созыва.

Приведем статистические данные по возрастному составу избирателей Ленинского одномандатного округа Ульяновска в 2013 г. (табл. 1).

Таблица 1

Возрастной состав избирателей Ленинского одномандатного округа Ульяновска в 2013 г.

№ п/п	Возрастные группы	%	абс.
1	18–20 лет	3,1	1684
2	21–30 лет	17,5	9383
3	31–45 лет	26,4	14 145
4	46–60 лет	27,6	14 816
5	61 лет и более	25,4	13 596

Самую многочисленную возрастную группу избирателей в округе составляли лица в возрасте 45–60 лет (27,7%) и старше 60 лет (25,4%). Исследование факторов электоральной активности, выполненное ЦССИ по заказу Ульяновской городской избирательной комиссии (объем выборки составил 535 человек (0,1% от общего объема генеральной совокупности – избирателей г. Ульяновск), выборка квотная по полу, возрасту и месту жительства; метод сбора информации – стандартизированное интервью, отбор респондентов случайно-бесповторный), а также регулярные опросы ульяновских социологов, включая наши исследования, показали, что наибольшая степень электоральной активности – у пенсионеров и домохозяек, а наименьшая – у безработных и учащихся/студентов.

По результатам опроса, проведенного по заказу избирательного штаба Дмитриевой перед выборами 2013 г., был определен общий электоральный рейтинг кандидатов от округа (табл. 2).

Таким образом, в Ленинском районе позиции Дмитриевой и Куриного почти равнозначны. Т. Дмитриева наиболее популярна среди молодых людей 18–29 лет, а также женщин в возрасте 30–49 лет. Не более 19% пенсионеров проголосовали бы за Дмитриеву, если бы выборы проходили в ближайшее воскресенье, против 26%, которые отдали бы свой голос за Куриного. Базовый электорат округа – пенсионеры – поддерживали А. Куриного.

Избирательная команда Дмитриевой выбрала направление продвижения имиджа политика.

Таблица 2

Общий электоральный (гипотетический) рейтинг кандидатов в депутаты на выборах в ЗСО 8 сентября 2013 г. среди различных групп населения округа, %¹¹

Доля опрошенных	Всего по округу	Район		Пол		Возраст				
		Ленинский	Железнодорожный	мужской	женский	18–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше
	100	72	28	49	51	21	16	18	22	23
Из них	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>Если бы выборы в ЗСО состоялись в ближайшее воскресенье, за кого из зарегистрированных кандидатов Вы бы, скорее всего, проголосовали?</i>										
Куриный А. В.	19	19	17	21	16	9	14	14	26	26
Дмитриева Т. А.	16	20	5	14	18	13	15	18	15	19
Маринина С. К.	7	9	1	2	12	8	6	8	9	3
Калмыков О. А.	5	7		7	3	7	6	42	2	5
Леонтьева С. Н.	5	5	4	8	2	12	2	6	3	2
Брагин А. А.	4	4	3	4	3	6	5	1	3	2
Гондаренко М. В.	2	2	1	3	1	2	3	0	3	1
Сапожникова Е. А.	2	2	0	2	1	0	3	6	0	0
Ни за кого	5	4	8	6	3	2	8	7	3	4
Затрудняюсь ответить	26	25	30	22	30	22	29	25	25	29
Не пошел бы на выборы	11	4	31	13	8	18	9	10	9	8



За время предвыборной кампании распространены: 9 имиджевых статей (объемом 1–2 полосы формата А2) в региональных СМИ; свыше 25 новостных материалов, освещающих деятельность Дмитриевой в качестве зампреда ЗСО; 12 комментариев авторитетных лиц (депутата Госдумы РФ, аудитора Счетной палаты РФ, губернатора области, главы г. Ульяновска и др.); 3 типа информационных бюллетеней «Ульяновск – здоровый город» (тираж – 25 тыс. экз.); мини-опросники, составленные с учетом места проживания и численности избирателей (для жителей центра Ленинского района, микрорайонов, пос. Тути). В зависимости от территориального аспекта распространения анкеты содержали вопросы, касающиеся проблем микрорайона и замечаний к работе управляющих компаний. Для жителей пос. Тути распространены тиражом 600 экз., для жителей микрорайонов – 2 тыс. экз., центра округа – 18 тыс. экз.¹²

При составлении агитационных материалов были учтены этнические (языковые – выпущены буклеты на русском, татарском языках); территориальные (по месту проживания – центр округа, микрорайон, пос. Тути) характеристики избирателей; не учтены их профессиональные и социально-демографические особенности, что позволяет говорить о невыполнении четкой сегментации электората.

В ряду способов PR-сопровождения предвыборной кампании Дмитриевой выделим следующие: продвижение образа «политика с историей» (основное направление работы избирательного штаба); предварительная работа по повышению узнаваемости политика (подобные публикации в региональных СМИ датируются апрелем 2013 г., т. е. за 2 месяца до официального начала избирательной кампании); создание публицити, максимальное использование СМИ (особенно телевидения) как средства формирования благоприятного имиджа; административный ресурс; обширная агитация (большое число агитационных полиграфических материалов – полноцветных буклетов, листовок, открыток, календарей, наружной рекламы в виде растяжек и баннеров).

В результате работы с избирателями избирательный штаб выявил следующие проблемы, которые волнуют электорат больше всего: высокие тарифы на ЖКУ; очереди в детских садах; низкое качество медицинского обслуживания; низкая зарплата бюджетников; проблемы социальной поддержки. В целом тезисы, сформулированные в агитматериалах Т. Дмитриевой, соответствовали наиболее актуальным для данного периода времени проблемам.

В качестве зампреда ЗСО Дмитриева приняла участие во множестве мероприятий, начиная со встреч с населением и заканчивая крупными благотворительными и праздничными мероприятиями, которые получили широкое освещение в

СМИ. Тем самым, не прибегая к прямой политической рекламе, члены избирательного штаба Дмитриевой добились повышения ее узнаваемости и выстроили положительный имидж.

В период с 11 июня по 6 сентября 2013 г. Дмитриева приняла участие более чем в 20 событиях, за счет которых СМИ формировали повестку дня. Среди них – День России (12 июня) (Дмитриева вручила детям из малообеспеченных семей школьные принадлежности в рамках акции «Помоги собраться в школу», а также поздравила горожан с праздником); День поля – 2013 (кандидат вручила грамоты и подарки работникам сельского хозяйства от регионального отделения партии); День медицинского работника (16 июня) (посетила городские медицинские учреждения, вручила благодарственные грамоты УРО «Единая Россия» лучшим медсестрам и врачам); заседание Правительственной комиссии по снижению алкоголизации населения Ульяновской области (1 июля) (Дмитриева выступила с докладом о продвижении инициативы по запрету производства и оборота энергетических напитков на территории РФ и подчеркнула: «Принятие такого закона – это лишь вопрос времени, и в наших силах сделать так, чтобы оно настало как можно быстрее»¹³); заседание областного правительства (3 июля) (зампред ЗСО подняла вопрос о жалобах ульяновцев на отсутствие в центре города качественных продуктовых магазинов); торжественная церемония передачи реанимобилей медицинским учреждениям города (5 июля); встреча с пожилыми слушателями ульяновской школы здоровья и активного долголетия (обязалась помочь школе с поиском помещения для занятий в зимний период времени); выездная Общественная приемная (23 июля) (общение с молодежью – абитуриентами и студентами); заседание коллегии УМВД (23 июля) (выступление по вопросам противодействия коррупции, работы участковых); празднование Дня Военно-морского флота (28 июля) (кандидат вручила военным морякам грамоты и поздравила их с праздником); встреча с директорами школ (2 августа) (разговор о проблемах современного образования, а именно: дефицит кадров, низкая зарплата педагогов, разнородность в учебной программе, коллапс в управлении, условно бесплатное образование); обсуждение пенсионной системы с представителями общественности и специалистами Пенсионного фонда России (5 августа) (участие в дискуссии); круглый стол на тему «Приоритет законодательных инициатив в реформировании ЖКХ» (15 августа) (обещание предпринять действия по ужесточению санкций в отношении управляющих компаний, повышению их подконтрольности жителям); встреча с жильцами дома по ул. Верхней Полевой (19 августа) (их проблемы с управляющей компанией были успешно разрешены при участии депутата ЗСО и представителей администрации); торжественное откры-



тие первого в России кинозала для инвалидов в кинотеатре «Люмьер» (23 августа); субботник в рамках акции «Зеленая Россия» (30 августа) (Т. Дмитриева вместе с волонтерами и работниками исполнительного комитета вышла на уборку территории двора по ул. Минаева). Очевидно, что активное участие Т. А. Дмитриевой в социально значимых мероприятиях в качестве действующего депутата ЗСО было направлено на формирование позитивного имиджа.

Мероприятия, в которых приняла участие женщина-политик, были направлены на молодежь (обсуждение проблем со студентами во время работы Общественной приемной); работающих избирателей (выступления на тему повышения заработных плат и улучшения качества жизни рабочего класса); пенсионеров (встречи с жильцами домов, председателями ТСЖ).

Избирательный штаб Дмитриевой активно использовал в качестве PR-приемов: еженедельное размещение имиджевых интервью и аналитических статей в печатных СМИ, на новостных интернет-порталах (в течение избирательной кампании было опубликовано 9 имиджевых интервью в печатных и электронных СМИ региона); ссылки на авторитет (в Ленинском районе размещено 13 агитационных баннеров, на девяти из которых вместе с Дмитриевой изображен губернатор Ульяновской области Сергей Морозов (лозунг «Поддержим людей дела!»), на четырех – депутат Госдумы РФ Владислав Третьяк (лозунг «Вместе победим!»); связь с новостью дня как средство создания информационных поводов (достигалась за счет участия кандидата в событиях, составляющих повестку дня); комментарии лиц в поддержку Дмитриевой (прием использовался в информационных бюллетенях «Ульяновск – здоровый город»).

Широко использовался прием создания чрезмерного позитива. Намеренно прием чрезмерного позитива используют, если хотят дискредитировать оппонента, при этом, применяя данный прием, противники рискуют сами попасть в ловушку, так как позитивные высказывания всегда могут дать положительный эффект в отношении того, против кого направлен этот PR-прием. В данном случае множество позитивных статей и телевизионных сюжетов с участием Т. Дмитриевой в качестве непредвиденного последствие привело к «эффекту бумеранга». Произошло информационное «перенасыщение», избиратели перестали воспринимать факты, представляющие политика в выгодном свете. Теперь подобная информация вызывала раздражение и негатив. Неслучайно для повышения рейтинга и придания правдоподобности часто используется распространение намеренно негативной информации о своем кандидате, которую затем можно поставить под сомнение. Промах, допущенный в работе избирательным штабом, оказался существенным и повлиял на результаты голосования.

Избирательным штабом Дмитриевой широко распространялись наглядные агитационные материалы. Общая сумма, затраченная на агитацию Дмитриевой, составила 3,06 млн руб., из которых около 90 тыс. руб. ушло на агитацию через редакции периодических печатных изданий, свыше 740 тыс. руб. – на выпуск и распространение всех агитационных материалов, более 2 млн руб. – на оплату работы агитаторов. В состав избирательной команды вошли более 100 агитаторов. Всего было распространено свыше 750 тыс. экземпляров информационных материалов разных форматов – брошюры, листовки, календари, открытки, буклеты, бюллетени. На одного избирателя в среднем пришлось около 15 экземпляров агитационных материалов. Таким образом, Дмитриева имела возможность контактировать с избирателем посредством листовок и других текстов около 15 раз.

В итоге, скорее, сформировался эффект ложной популярности. Его доказательством стали официальные результаты выборов, согласно которым Дмитриева уступила своему сопернику Куринному. Во время агитационного периода у команды Дмитриевой, вероятно, создалось ощущение, что Тамара Александровна находится на пике популярности. Число упоминаний Дмитриевой в СМИ достигло очень высокого уровня по сравнению с остальными политическими соперниками. Новостные сюжеты с ее участием транслировались региональными телеканалами ежедневно, в печатных СМИ размещались интервью и статьи, посвященные деятельности политика в должности зампреда ЗСО. Не был учтен ключевой момент: как избиратели отнесутся к такому активному позиционированию политика на телеэкране и в газетах?

Охарактеризуем PR-сопровождение предвыборной кампании Алексея Куринного. В основе: критика правящей партии, использование «черных» PR-технологий, подрывающих репутацию политических конкурентов (основное направление работы штаба); минимальное использование СМИ; ставка на личные встречи с избирателями, сходы (участие в которых принимают в основном пенсионеры); борьба против кандидатов от партий-дубликатов «Коммунисты России» и «Коммунистическая партия Социальной справедливости» (конкурент КПРФ по партийному списку); небольшой тираж агитматериалов (28 тыс. экз.).

Основное внимание Куринного было обращено на проблемы ветхого, аварийного жилья; высоких тарифов на ЖКУ; высокой стоимости медицинских услуг. Вышеупомянутые проблемы особо актуальны для лиц пенсионного возраста.

Подавляющая часть PR-приемов, которые использовала избирательная команда Куринного, была направлена на дискредитацию Дмитриевой, основного политического соперника данного кандидата.



Например, использовался прием размещения скандальных материалов, порочащих имидж оппонента. Так, 31 августа 2013 г. А. Куринный разместил в своем блоге пост под названием «Попытка подкупа избирателей в Художке со стороны штаба Дмитриевой» (Художка – кино-театр «Художественный». – Т. Р.). «Сегодня, прогуливаясь по ул. Гончарова, увидел около входа в Художку несколько человек в военной форме с лычками связистов. Спросил, что делают. Сказали, что курят, пока наверху кто-то агитирует. Естественно заинтересовался (мой избирательный округ), зашел на второй этаж. В зале весь 5 батальон. На сцене в берете и при орденах Николай Лазарев. Перед фильмом “Девятая рота”, не стесняясь, ведет перед бойцами агитацию в пользу “умной и помогающей всем” Тамары Дмитриевой. После фильма обещает всем раздать подарки. Выхожу в холл – на стульях коробки с пакетами. В пакетах печенье, конфеты, пряники и заботливое лицо Дмитриевой на совместной листовке с тем же Лазаревым. При попытке выяснить чье это добро – оказывается ничье. Хотя рядом на стульях сидят представители штаба Дмитриевой. Кто в приказном порядке привел батальон новобранцев для просмотра фильма, проведения агитации и вручения подарков от имени “добрый” Дмитриевой? Кто оплатил зал и подарки?»¹⁴ – пишет в блоге Куринный.

На следующий день Куринный заявил, что попытка подкупа была сорвана, но «подкуп все же имел место 25 августа, когда батальон проходил сеанс патриотического воспитания в Доме офицеров в виде агитационной речи Лазарева Н. А. в пользу Дмитриевой, показа кинофильма и раздачи в конце сеанса сладких подарков курсантам от лица той же Дмитриевой». Доказательств, которые бы подтвердили факт подкупа, предоставлено также не было. Данный прием был направлен на дискредитацию имиджа Дмитриевой.

Широко использовалась публикация сообщений о тяжелом положении региона. Этот метод эффективен в случае, если конкурент – представитель правящей партии. В интервью корреспонденту газеты «Симбирский курьер» Куринный говорит: «Чего стоят откровенные антинародные законы, чего стоит решение о массовом закрытии школ и закон, обязывающий всех жителей платить за капремонт... Сохраняется острейший дефицит средств на ЖКХ и медицину»¹⁵. В блоге Куринный высказывается о «подводных камнях» принятого ЗСО Закона «О регулировании некоторых вопросов в сфере обеспечения проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах Ульяновской области», подчеркивая, что следствием этого будет коррупция, неразбериха и подрыв доверия граждан к государственным институтам.

В ряду приемов отметим: жалобы в избирательную комиссию с целью дискредитации со-

перника (в территориальную избирательную комиссию Ленинского района поступила жалоба от представителей КППФ на то, что Т. Дмитриева приехала на встречу с избирателями на служебном транспорте, тем самым задействован административный ресурс, что запрещено законом); шпионаж (исходя из того, что Куринный узнал о задействованном административном ресурсе, за оппонентом велось видеонаблюдение с целью разоблачения и выявления скандальных фактов); указание на недостатки конкурентов, затрагивающие интересы избирателей («Единороссы задействуют огромный административный ресурс и фактически тратят бюджетные (наши с вами!) деньги на свою избирательную кампанию. Именно на бюджетные миллионы срочно проводятся всевозможные мегафорумы и конференции, мероприятия, цель которых – провести агитацию среди профессиональных сообществ – учителей, работников здравоохранения, культуры и т. д.»¹⁶, – такое заявление сделал Куринный во время агитационного периода); раскрытие методов воздействия (когда политик «открывает глаза» избирателям на то, какие методы воздействия использует его оппонент, это подрывает доверие электората к субъекту воздействия).

«Кандидаты от партии власти рассчитывали проскочить при минимальной явке избирателей. На это было нацелено назначение на 8 сентября единого дня голосования», – говорит Алексей Куринный. «Срочно включились все опробованные ранее способы. Сначала колоссальные финансовые вливания – газеты, глянцевые брошюры, радио, телевидение, потом практика “паровозов”, когда в качестве лидеров партийного списка выступают первые лица области и Ульяновска», – продолжает Куринный¹⁷.

На выпуск и распространение печатных агитматериалов Куринный потратил 61 620 руб., т. е. почти в 50(!) раз меньше, чем Дмитриева. За три месяца избирательной кампании было размещено одно интервью с Алексеем Куринным в газете «Симбирский курьер», в котором он обличал недостатки «единороссов».

Таким образом, масштабы PR-сопровождения лидеров «Единой России» и КППФ существенно отличаются друг от друга.

Согласно официальной электоральной статистике выборов 2013 г., по партийным спискам победила «Единая Россия» (57,62% голосов), второе место заняла КППФ (14,08%); по Ленинскому избирательному округу Ульяновска Т. Дмитриева уступила депутатское кресло А. Куринному. Дмитриевой свои голоса отдали 35,83% избирателей, а Куринному – 39,64%.

Таким образом, к факторам неуспешности избирательной кампании представителя «Единой России» Т. Дмитриевой следует отнести: отсутствие реакции на критику, продвижение имиджа без учета необходимости противодействия атаке политического конкурента, осуществ-



вление PR-сопровождения без учета результатов рейтингового опроса избирателей; ложная популярность. При ставке на освещение через телевидение произошло информационное «перенасыщение».

Факторами успешности избирательной кампании представителя КПРФ А. Куринного стали: ставка на критику правящей партии и «черную» PR-атаку конкурента (штаб Куринного реализовал эффективные PR-приемы, направленные на дискредитацию оппонента; атака велась по двум направлениям – распространение разоблачающей информации о сопернике; критика действий правящей власти путем указания на проблемы региона); учет возрастного состава избирателей округа. «Немаловажным фактором является то, что в избирательном округе № 14 очень сильный контингент людей, симпатизирующих коммунистам»¹⁸, – пояснил политолог Н. Васин. «Люди старшего возраста пережили вместе с коммунистической партией не только упадок, но и десятилетия триумфа, и они до сих пор являются самым устойчивым электоратом коммунистов»¹⁹. Безусловным фактом является то, что степень электоральной активности наиболее высокая именно у пенсионеров. Важным фактором являются и лидерские качества кандидата.

Среди наиболее типичных для избирателей Ульяновска ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, необходимо для того, чтобы рядовые избиратели более активно участвовали в выборах?»: думать об избирателях, поднять уровень жизни самого народа, а не его «слуг» (8,0%); улучшить агитационную и пропагандистскую работу, рекламу кандидатов (6,9%); приблизить кандидатов к народу, его заботам и нуждам (4,5%); информация о реальных делах кандидатов (4,0%); увеличить объем информации о кандидатах, их характеристиках, положениях их программ (3,5%); обеспечить отчетность каждого депутата по своей программе и при необходимости – отзыв депутатов (2,3%)²⁰.

В ходе опроса, проведенного ЦССИ, респондентам также предлагалось сформулировать предложения по стимулированию активности избирателей. Вот что отвечали избиратели (ответы приведены в полном и «чистом» виде, с минимальной стилистической и лексической правкой)²¹: агитацию увеличить, прозрачность кандидатов; агитация должна быть более грамотной; активное прямое действие кандидатов, сначала – дело, а потом разговор; более качественно проводить предвыборную кампанию; больше работать с народом, а не о себе; быть ближе к народу, давать о себе знать делами; больше личных встреч; другая PR-кампания; лучше агитировать в поддержку кандидата; молодежи – информация, пожилым – конкретные дела, пенсионерам – социальные блага; организовывать встречи с кандидатами, непосредственно общаться с народом; повысить уровень жизни населения и ду-

мать об избирателях не только перед выборами; правильно продуманная агитация; раньше и лучше проводить кампанию; реальные программы кандидатов, обещание лучшего будущего; улучшать жизнь, повышать пенсию, заработную плату; умная агитация; усилить агитацию, открытость; чаще встречаться с людьми и выполнять обещания.

Слагаемые успеха избирательной кампании в областной парламент в среднестатистическом российском регионе со всей очевидностью продемонстрировали, что для результирующих более важно не количество проведенных мероприятий и использованных финансовых средств. Решающую роль играют точные резонансные воздействия политического актора на точно сегментированные группы избирателей с учетом их потребностей и ожиданий.

Примечания

- 1 См.: *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ ; Астрель ; Харвест, 2006.
- 2 См.: *Глотова Г. А.* О соотношении понятий «успех», «удача», «везение» // Психологический вестник Уральского государственного университета. Вып. 6. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 343–351.
- 3 См.: *Березовец Т.* Выборы-2012. URL: <http://politdengi.com.ua/interview/41325.html> (дата обращения: 19.06.2017).
- 4 *Богомолова Л.* Подводные камни рейтингов // Петербургский избиратель. 1999. № 5. URL: <http://psyfactor.org/polman1.htm> (дата обращения: 20.10.1999).
- 5 См.: *Сатаров Г., Жуков К., Карнышев А.* Азбука избирательной кампании. М. : ИМА-пресс, 2000.
- 6 См.: *Кошечук М. Е.* Технологии политических выборов. СПб. : Питер, 2004.
- 7 См.: *Кудинов О. П., Шитлов Г. А.* Диалектика выборов. М. : ЗАО ПО «МАСТЕР», 1997.
- 8 См.: *Королько В. Г.* Основы публичных речей. М. : Рефл-бук, 2001.
- 9 См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : ИТИ Технологии, 2006.
- 10 См.: *Экономика.* Толковый словарь / общ. ред. И. М. Осадчая. М. : ИНФРА-М, 2000.
- 11 Рейтинговый опрос. Основные результаты // Архивные материалы Ульяновской городской избирательной комиссии. Ульяновск, 2013.
- 12 См.: *Дмитриева Т. А.* Архивные агитационные материалы кандидата в депутаты ЗСО Ульяновской области V созыва. Ульяновск, 2013. С. 3–6.
- 13 *Шевченко К.* Хватит ли для запрета 100 000 подписей? URL: <http://ulpressa.ru/2013/07/05/hvatit-li-dlya-zapreta-100-000-podpisey/> (дата обращения: 19.06.2017).
- 14 *Куринный А. В.* Попытка подкупа избирателей в Художке со стороны штаба Дмитриевой. URL: <http://ulnovosti.ru/content/1/24770/> (дата обращения: 19.06.2017).
- 15 *Круглов С.* Власть пошла вразнос // Симбирский курьер. 2013. № 98 (3852). С. 3.



- ¹⁶ Куринный А. В. Архивные агитационные материалы кандидата в депутаты ЗСО Ульяновской области V созыва. Ульяновск, 2013. С. 2.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Выборы в Законодательное собрание Ульяновской области завершились уверенной победой «Единой России». URL: <http://media73.ru/2013/navyborah-v-zakonodatelnnoe-sobranie-ulyanovskoj-oblasti-lidiruet-edinaya-gossiya> (дата обращения: 19.06.2017).
- ¹⁹ Быкова В. Технология создания партии. М. : Европа, 2007. С. 7.
- ²⁰ См.: Казанцев В. И. Электоральное поведение в городе Ульяновске : активность избирателей и участников избирательного процесса. Вып. 1. Ульяновск : Печатный двор, 2006.
- ²¹ Там же.

Образец для цитирования:

Рассадина Т. А. Факторы успешности избирательной кампании (на примере выборов депутатов Законодательного собрания Ульяновской области) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 254–261. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-254-261.

Cite this article as:

Rassadina T. A. The Factors of a Successful Election Campaign (on the Example of Election of Deputies of Legislative Assembly of Ulyanovsk Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 254–261 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-254-261.

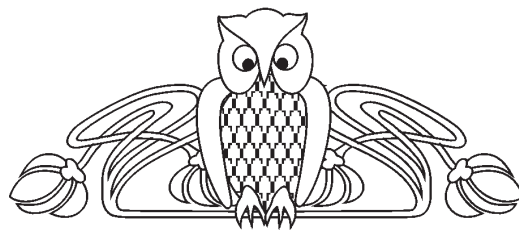


УДК 316.244.3

GLOBAL AND LOCAL CONTRADICTIONS: FUNDAMENTALISM VERSUS GLOBALIZATION

B. R. Mogilevich

Saratov State University
E-mail: mogilevich@sgu.ru



The article deals with characteristic features of the main contemporary opposition: fundamentalism and globalism as main contemporary opponents. The two main approaches to globalization phenomenon interpretation are presented. The new type of socialization in a global community is characterized. The new theories of new order images, explaining the causes of social inequality and countries' dependence on each other are described.

Keywords: social transformations, dependence, global socialization, social inequality, world order images, fundamentalism, globalization.

Глобальные и локальные противоречия: фундаментализм против глобализации

Б. Р. Могилевич

В статье рассмотрены основные характеристики главного противостояния современности: фундаментализма и глобализма как основных оппонентов. Представлены два основных подхода к пониманию феномена глобализации. Дана характеристика нового типа социализации в глобальном обществе. Описаны новые теории образов мирового порядка, объясняющие причины социального неравенства и зависимости стран друг от друга.

Ключевые слова: социальные трансформации, зависимость, глобальная социализация, социальное неравенство, образы нового мира, фундаментализм, глобализация.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-262-264

According to A. Giddens, the modern period is characterized by staggering social transformations¹. These objective tendencies influence the ways of life worldwide. Globalization changed people's lifestyles in all aspects. The term "globalization" came into being in the nineties of the twentieth century. There exist two approaches to this concept interpretation: skeptical and radical. The skeptical approach considers that globalization doesn't present anything new in comparison with the former periods of human civilization, the national income of many countries not depending on global cooperation. On the contrary, the radicals are of opinion that globalization penetrates into all spheres of human activity. Moreover, national governments experience a significant lack of their power due to world market development. The majority of globalization opponents proclaim the appearance of the two worlds – "the winners" and "the defeated". All their contradictions are based on economic inequality between the de-

veloped and developing countries. Nevertheless, globalization can't be considered as an unexpected phenomenon. It is rooted in significant social transformations – the Industrial and Electronic Revolutions, the formation of Common Labor Market, worldwide migration and unprecedented scale of international socio-cultural cooperation. The sociological context of globalization focuses on peoples everyday life social changes, resulting in unification of their lifestyles. Electronic devices of socio-cultural communication gave rise to the appearance of a new phenomenon – global culture, its main characteristics being transnationalization of peoples lives². The growth of urban population, especially hired workers, led to unified lifestyles' rhythms – many new various social contacts, types of activity, sources and means of getting information came into existence. These social transformations influenced behavioral and moral norms, as well. For example family, marriage, and education models. Global culture promoted a new type of socialization – a global one, with a lot of variants: a liberal one – a Weber type social actors possess concrete goals, strive for success and rational individual activity in the frames of law and discipline³. In this case individuals are open to all innovations and are able to respond to globalization challenges and risks⁴.

The second type of global socialization is based on the ideas of solidarity and stability in the frames of A. Durkheim's theories (a Durkheim's type of social actors)⁵. Weber's ideas are embodied in the global concept, while Durkheim's ones reflect the local neglect of globalization.

The modern context of social communication can be defined as a permanent process of Weber's and Durkheim's types of socialization opposition. Globalization brings about numerous challenges which are quite difficult to overcome. For example, economic and socio-cultural challenges of global warming, ecological disasters, propagation of infectious diseases. In the course of globalization studies, A. Giddens came to the conclusion that traditions are always used as a powerful anti-globalization weapon. The thing is, that everyday life traditions are always more conservative than institutional ones. Globalization, global culture in particular, gives rise to the processes to detraditionalization in all spheres of human life. They provide an individual with freedom of choice and self-ac-



tivity which demand permanent self identification actions. On the other hand, global detraditionalization leads to serious contradictions between globalism and fundamentalism, the latter insisting on the ideas of devotion to the roots in all spheres of human activity: social, political, economic ones. A. Giddens with great wit defined fundamentalism as “traditions under siege”⁶.

Undoubtedly all modern social transformations turn humankind into a unified social aggregate. Earlier the world consisted of separate association units, from a tribe to a national state, each with its own identity. At present there appeared a lot of supernational units, for example European Union, European Parliament, Interpol, NATO, UN⁷.

The Electronic Revolution, in mass media in particular, contributed to modern social reality uniformity. These modern socio-cultural transformations of various types come into being, develop and function beyond the frames of national states. Besides, these transformations turned out to be possible due to the appearance of new social actors, challenges and goals⁸.

The sociological approach to these problems resulted in creation of some theories, aimed at revealing the causes of social inequality and growing countries dependence on each other – according to *imperialism theory*, social inequality turns out to be the very essence of capitalism, its main goals being to get cheap labor power and to widen sale markets. In this connection the whole world acquires asymmetric characteristics – a few developed countries exploit less developed ones, which results in the growth of social inequality.

The *dependence theory* is concerned with the interrelations between various national states in the period after the fall of the colonial system. Many former colonies were not able to get rid of economic dependence from their former metropolis. This dependence is caused by the inequality of the center (former metropolis) and the periphery (former colonies), as national incomes of former colonies provide former metropolis with cheap labor. To get rid of this kind of dependence, the periphery must join common world economics by creating its own technologies and industries⁹. Such countries as Singapore, South Korea, Congo, can be serve as good examples.

The theory of “*world system*” turned out to be very productive in considering global social changes. According to this theory, all social global transformations can be divided into three periods: the period of mini systems with common culture and strict labor division (pre-agrarian epoch); the period of mini empires, formed in the course of uniting mini systems with strict administration, taxation, and agrarian dominance in the economy. This period is characterized by permanent wars, aimed at capturing alien territories.

The period of world economy, beginning in the sixteenth century, the main characteristic fea-

ture of this period is the Market, the state providing the conditions for successful market relations¹⁰.

Globalization process is inseparable from culture development. According to P. Sorokin, culture is a process of communication, and its participants depend on each other’s cultural level development. World culture is presented by two separate types: speculative and sensual with an idealistic one as intermediate. The speculative culture is characterized by the dominance of the spiritual over the material in all spheres of human activity. The sensual culture adheres to the prevalence of material values, which exist in the outer world, the circumstances influencing moral principles. Nevertheless, these types do not exist as separate and pure ones. They are combined in an idealistic type of culture, containing material and spiritual natural qualities, which provide a creative individual with an activity for further self improvement and making the quality of life better worldwide. These cultural cycles replace each other, depending on the level of their creative potential exhaustion, conditioned by internal and external factors¹¹.

In other words, the variety of cultural cycles and systems under globalization brings about both distrust and prosperity. In spite of the variety of approaches to globalization studies, there does not exist a concrete and clear solution to numerous social problems. However, it is of no doubt that global content is becoming natural and productive in its local forms.

The inevitability of globalization presents as benefits as well as dangers to mankind. A new “*theory of world order images*” strives to explain the nature of global and anti-global movements tendencies. The first image is Global Union I, consisting of community of independent states, each one with its own cultural and institutional system. This type of world order presumes anti-global tendencies in terms of fundamental (traditional) ideas. Global Union II reflects the idea of global community, aiming at achieving common goals and values. This type of world order is embodied in various global, ecological and antiterrorist organizations¹².

Thus the modern global social reality is characterized by severe contradictions between fundamentalism and detraditionalization. Various theories of global world order aim at overcoming the contradictions of global and local contexts of humankind lifestyles worldwide.

Примечания

- 1 См.: Giddens A. Introduction to Sociology. New York, 1993. P. 3.
- 2 См.: Могилевич Б. Р. Коммуникационное взаимодействие глобальной и локальной культур // Социология. Журнал российской социологической ассоциации. 2010. № 2. С. 156–162.
- 3 См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализ-



- ма // Вебер М. Избр. произведения : пер. с нем. М., 1990. С. 87–89.
- ⁴ См.: Поннер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. С. 67.
- ⁵ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 18.
- ⁶ Гидденс Э. Ускользающий мир : как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 63.
- ⁷ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 70.
- ⁸ Там же. С. 122
- ⁹ См.: Cardoso F. Dependency and Development in Latin America. Berkley, 1969. P. 163.
- ¹⁰ См.: Валерстайн И. Анализ мировых систем и ситуации в современном мире. М., 2001. С. 18–19.
- ¹¹ См.: Сорокин П. Кризис нашего времени : социальный и культурный обзор. М., 2009. С. 87–95.
- ¹² См.: Robertson R. Globality Global Culture and Images of World Order. Habercamp and Smelser, 1992. P. 395–411.

Образец для цитирования:

Mogilevich B. R. Global and Local Contradictions: Fundamentalism Versus Globalization // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 262–264. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-262-264.

Cite this article as:

Mogilevich B. R. Global and Local Contradictions: Fundamentalism Versus Globalization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 262–264. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-262-264.



УДК 316.4.06

МЕТОД ОНЛАЙН ФОКУС-ГРУППЫ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ

А. Н. Оставная

Приднестровский государственный университет
имени Т. Г. Шевченко, Тирасполь
E-mail: alaost@rambler.ru

О. А. Волкова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: volkovaoa@rambler.ru

В статье описывается опыт применения метода онлайн фокус-группы в целях изучения мнения населения на предмет оценки проблем реформирования пенсионной системы. В результате использования метода онлайн фокус-группы сформулированы основные его достоинства и недостатки. Разработаны методические рекомендации по применению онлайн фокус-группы в качестве метода, обеспечивающего оперативную обратную связь исследователей с населением, предоставляющего материал для осуществления прогнозирования возможных последствий в результате внедрения органами государственной власти новых проектов и программ в сфере пенсионного обеспечения населения.

Ключевые слова: социологический метод, онлайн фокус-группа, реформирование пенсионного обеспечения.

Method Online Focus Groups: Experience of Studying the Population's Opinion on Problems of Reforming the Pension System in Pridnestrovie

A. N. Ostavnaya, O. A. Volkova

The article describes the experience of applying the online focus group method. It is used to study the opinion of the population about the problems of reforming the pension system. The authors of the article formulated the advantages and disadvantages of the online focus group method. The authors developed methodological recommendations for the application of online focus groups. This method provides quick feedback of researchers to the public. The method provides material for forecasting the consequences of the introduction of new projects and programs in the sphere of pension provision of the population.

Key words: sociological method, online focus group, pension reform.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-265-273

Традиционная фокус-группа как метод качественного социологического исследования позволяет сформировать комплекс мнений, оценок или высказываний на предмет какой-либо заданной темы.

Популярность сети Интернет среди широких слоев общества, наличие дискуссионных электронных площадок позволяют исследовате-



лям использовать метод фокус-группы в режиме онлайн.

В настоящее время онлайн фокус-группы доказали свою эффективность¹ и используются крупнейшими социологическими центрами России и других стран при изучении разнообразных тем.

Цель настоящей публикации состоит в описании опыта применения онлайн фокус-группы при изучении общественного мнения на предмет реформирования пенсионной системы Приднестровской Молдавской Республики (ПМР).

В Приднестровье пенсионное обеспечение граждан регулируется Законом ПМР «О государственном пенсионном обеспечении граждан в Приднестровской Молдавской Республике»². Документ предусматривает порядок финансирования выплат пенсий, содержит подробный перечень льготных оснований, определяющих право граждан на пенсию, особенности начисления и выплаты пенсии в связи с особыми условиями труда, условия установления надбавки к пенсии, порядок дополнительного материального обеспечения и основания для повышения выплат.

Реформирование системы пенсионного обеспечения населения требует установления эффективной обратной связи между представителями органов государственного управления и населением на предмет оценки будущих преобразований, а также прогнозирования возможных последствий от внедрения новых проектов и программ. Эти задачи нередко решаются с применением традиционных социологических методов (анкетирования, интервью, фокус-группы), которые имеют ряд недостатков: требуют значительных денежных средств, трудоемки, не оперативны в работе. В качестве примера использования традиционных социологических методов для оценки респондентами реформирования пенсионной системы могут служить исследования³, в которых подтверждаются упомянутые выше недостатки.

Проблема исследования состоит в следующем. В Приднестровье сложилась ситуация, при которой, с одной стороны, функционирование системы пенсионного обеспечения граждан не устраивает ни государство, ни граждан. С другой стороны, в регионе не существует научно обоснованной и практически результативной стратегии деятельности органов власти по разрешению данной ситуации. Средства единого пенсионного



фонда не способны покрыть всего бюджета пенсионного обеспечения граждан и требуется выделение дополнительных средств. Размер установленных пенсий очень низкий и во многих случаях не достигает прожиточного минимума. Таким образом, проведение пенсионной реформы неизбежно. Ее осуществление требует изучения общественного мнения, учета всех возможных ресурсов и рисков. В современных социологических работах описаны примеры успешного использования онлайн фокус-группы, но, поскольку этот метод при изучении темы пенсионного обеспечения граждан Приднестровья не применялся, возможности и ограничения подобной онлайн фокус-группы пока не выделены.

Цель онлайн фокус-группы: выявить мнения респондентов о возможной реформе в сфере пенсионного обеспечения граждан посредством использования метода фокус-группы в онлайн режиме.

Задачи онлайн фокус-группы:

- 1) выявить мнения, оценки и высказывания на предмет реформирования пенсионного обеспечения граждан в Приднестровском регионе;
- 2) проанализировать опасения, связанные с реализацией потенциальных направлений реформы;
- 3) спрогнозировать возможные положительные и отрицательные последствия, вызванные реформой;
- 4) сформулировать рекомендации по планированию реформ в сфере пенсионного обеспечения граждан и по работе представителей государственных и общественных структур с общественным мнением на эту тему;
- 5) выявить достоинства и недостатки онлайн фокус-группы при сборе мнений респондентов по заданной теме.

Целевая группа исследования: участники виртуальной группы Facebook «Приднестровье онлайн»⁴. Данная группа была выбрана в соответствии со следующими критериями:

- популярность группы среди активных интернет-пользователей;
- участие в ней представителей различных возрастных (молодых, среднего возраста, пожилых и т. д.) и социально-профессиональных групп (депутатов, чиновников, исследователей, предпринимателей, служащих, рабочих);
- оперативная блокирующая модерация сообщений на предмет оскорблений, использования нецензурных слов.

Предмет исследования: потенциал онлайн фокус-группы в изучении мнений респондентов на предмет реформирования системы пенсионного обеспечения граждан Приднестровья.

Участникам виртуальной группы Facebook «Приднестровье онлайн» было адресовано следующее обращение.

«Уважаемые участники фокус-группы, нас интересуют Ваши мнения на тему пенсионного

обеспечения населения. В Приднестровье складывается сложная ситуация, когда:

- 1) процентное соотношение пенсионеров в общей структуре населения увеличивается;
- 2) доля занятого населения уменьшается;
- 3) размер пенсии не полностью обеспечивает прожиточный минимум всех пенсионеров;
- 4) Фонд социального страхования не способен покрыть даже существующие невысокие суммы пенсионного обеспечения;
- 5) прогнозируемое продолжение эмиграции трудоспособного населения и отсутствие отчислений в государственный фонд социального страхования и дальнейшее увеличение продолжительности жизни граждан делают ситуацию с пенсиями еще сложнее.

В связи с этим мы просим Вас ответить на вопросы. Каким Вы видите реформирование системы пенсионного обеспечения? Какие шаги должны быть предприняты уже сейчас? Президент Республики в своей программе указал несколько задач, направленных на увеличение финансирования этой сферы (льготы, компенсации и т. д.). Говорят, что Министерство по социальной защите и труду Приднестровской Молдавской Республики рассматривает вопрос об увеличении пенсионного возраста. Это реально? Вы за или против такого решения? Почему?

Пенсия неизбежна. Как Вы для себя лично решаете вопрос доходов с выходом на пенсию? Буду благодарна за Ваш профессиональный и личный опыт и ценные советы!».

К тексту прилагалась статистическая информация о структуре населения ПМР (в аспекте рассматриваемой темы) (табл. 1) и среднем размере назначенных месячных пенсий по видам пенсионного обеспечения (табл. 2).

Тема реформирования пенсионного обеспечения Приднестровья вызвала значительный интерес у членов виртуальной группы Facebook «Приднестровье онлайн». В течение суток было получено 278 комментариев (включая уточняющие вопросы модератора дискуссии) от 22 участников виртуальной группы. Больше всего мнений было высказано по вопросу реформирования системы пенсионного обеспечения. После содержательного анализа всех комментариев, сделанных интернет-пользователями, можно увидеть их субъективную оценку основным потенциальным направлениям реформы. Используя метод группировки, мы разделили все комментарии на несколько тематических групп, которые представлены ниже.

1. Повышение пенсионного возраста. В каждой отдельной стране возраст выхода на пенсию определяется законодательными актами. В большинстве стран мира пенсионный возраст составляет 65 лет и не различается для мужчин и женщин. В перспективе в некоторых странах в связи с увеличением средней продолжительности жизни он может быть увеличен до 70 лет.



Таблица 1

Население ПМР, тыс. чел.⁵

Годы	Численность постоянного населения	Численность занятых в экономике	Численность пенсионеров
2001	642,5	202,0	135,3
2002	633,6	186,3	136,2
2003	623,8	179,5	135,5
2004	554,4	172,6	134,7
2005	547,5	168,6	133,4
2006	540,6	161,0	133,3
2007	533,5	161,6	133,3
2008	527,5	149,7	133,2
2009	522,5	140,4	135,7
2010	518,0	138,5	137,0
2011	513,4	137,3	138,1
2012	509,4	140,6	139,2
2013	505,2	141,1	140,8
2014	500,7	142,4	141,3
2015	475,1	136,4	125,0

Таблица 2

Средний размер назначенных месячных пенсий по видам пенсионного обеспечения, руб. ПМР^{6,7}

Годы	Средний размер назначенных месячных пенсий	По возрасту	По инвалидности	По случаю потери кормильца	За выслугу лет	Социальные
2001	116	120	123	97	–	60
2002	124	129	130	103	–	65
2003	160	166	166	130	–	84
2004	222	229	234	180	–	115
2005	359	371	368	299	–	183
2006	446	462	458	366	419	225
2007	504	523	512	410	483	248
2008	570	592	577	461	547	274
2009	687	715	687	547	669	317
2010	861	890	836	810	829	419
2011	1064	1102	1018	1735	1047	500
2012	1221	1267	1156	1157	1201	576
2013	1331	1382	1250	1264	1295	620
2014	1350	1401	1259	1293	1307	629
2015	1333	1387	1233	1287	1301	627

Согласно Закону ПМР «О государственном пенсионном обеспечении граждан в Приднестровской Молдавской Республике»⁸, пенсия на общих основаниях устанавливается: мужчинам – по достижении 60 лет и при общем трудовом стаже не менее 25 лет; женщинам – по достижении 55 лет и при стаже не менее 20 лет.

Пенсионный возраст (55 и 60), действующий на территории Приднестровья, также характерен и для России, Украины, Узбекистана, Китая (это при том, что в Китае отсутствует всеобщая пенсионная система, а пенсии выплачиваются толь-

ко отдельным категориям населения). В России и Украине рассматривается возможность повышения пенсионного возраста до 65 и 60 лет для мужчин и женщин соответственно. Тема повышения пенсионного возраста постоянно возникает и в публичном дискурсе Приднестровья.

«Поэтапное повышение пенсионного возраста» (участник 17).

«Не рассматривается (подчеркиваю, пока) увеличение пенсионного возраста. Против его увеличения. Почему? Потому что некоторые к этому возрасту становятся безнадежными без-



работными. И эта пенсия – единственный доход» (участник 19).

«Постепенное повышение пенсионного возраста! Давайте тогда вообще пенсии снимем, да и ладно. Все равно до повышенного возраста доживут от силы десятки. Но не сотни и уж точно не все. Тогда зачем огород городить и деньги на публикацию актов о повышении возраста тратить?» (участник 22).

«Выслугу лет для начисления пенсии тем, кто при погонах, подняли, и будут поднимать. Если постепенно будут её пересчитывать и для тех, кто уже получает пенсии, то дефицит будет снижаться» (участник 17).

«Как быть с дефицитом рабочих мест? Как быть с профессиональным выгоранием и деформацией к определенному возрасту для определенных профессий? Как быть с теми, кто занят физическим трудом? Их здоровье позволит работать до пенсионного возраста?» (участник 5).

«В 45–50 предостаточно уже нездоровых людей, их работодатель не берет на работу. Здоровых желательно» (участник 14).

«Категорически против повышения пенсионного возраста. Тем, кто пережил 90-е, уже пора пенсион назначать. Я не хочу работать вечно. Хочу всё-таки успеть узнать на себе, что такое пенсия» (участник 18).

«Пенсия становится страховкой на случай, если доживешь до, предположим, 65 лет. Мужчины редко доживают. Рабочие с заводов, кстати, до пенсии, если и доживают, ей не долго наслаждаются. Это справедливо? Увеличение пенсионного возраста напоминает морковку, подвешенную перед ослом. Мужик работает-работает, наступает пенсионный возраст, тут бам – увеличили. Еще год работает-работает, бам, снова увеличили. Так и помирает, не выйдя. В реальности это сиюминутный способ государства решить проблему с нехваткой бюджета. Лишая людей предпенсионного возраста их честно заработанных крох, правительство не решает вопрос стратегического характера, поскольку не известно экономическое положение государства (как и демографическая обстановка) во временных масштабах для всех ныне живущих. Отрезают от пенсионного обеспечения тех, кто вот-вот должен выйти на пенсию, тем самым решая вопрос дефицита средств» (участник 21).

2. Введение накопительной системы пенсии. Согласно Закону ПМР «О государственном пенсионном обеспечении граждан в Приднестровской Молдавской Республике»⁹, финансирование выплаты пенсий осуществляется Единым государственным фондом социального страхования Приднестровской Молдавской Республики из средств единого социального налога, предназначенных для целей пенсионного обеспечения, обязательных страховых взносов с физических лиц на пенсионное обеспечение

и ассигнований из республиканского бюджета Приднестровской Молдавской Республики, предусмотренных законом о республиканском бюджете на соответствующий финансовый год.

Переход на накопительную систему пенсии предполагает перечисление работодателем пенсионных накоплений на личный счет работника. Эти накопления не тратятся на текущие выплаты пенсионерам, а собираются на личном счете человека и могут инвестироваться и приносить доход. Такая система пенсии, по мнению участников онлайн фокус-группы, призвана повысить личную ответственность за пенсионное обеспечение при выходе на пенсию. При этом остается неясным механизм реализации этого типа пенсионной системы, особенно в условиях непризнанного государства.

«Надо вводить накопительную систему пенсий, тогда никому не будет обидно и все смогут сами думать о своем будущем. Надо реформировать систему пенсий – здесь и сейчас, хотя это надо было делать еще позавчера. Каждый должен на свою пенсию откладывать сам – в принудительном порядке, но на свой собственный индивидуальный счет. Накопление плюс проценты. И каждый с пеленок должен знать: сколько накопишь – так и будешь в старости жить. Жаловаться будет некому. На откуп государству оставить только социальные выплаты» (участник 22).

«У меня по пенсиям один вопрос: если я всю жизнь работал официально и платил все налоги, а за три дня до выхода на пенсию умер, почему уплаченные мною деньги не выдают моим наследникам? Получается, я горбатился на какого-то более удачливого пенсионера? Сколько ежегодно таких денег высвобождается, кто-то считал? Сейчас на пенсию начинают выходить уже те, кто и при СССР не работал еще. Мне кажется, пора дифференцировать подход... Молодым – накопительную, тем, кто постарше – дифференцированную. В процентном соотношении, до реформы – по старой схеме, после реформы – накопительную систему. Тогда и приднестровские пенсионеры смогут путешествовать, мне кажется... Когда ты точно знаешь, что 10% от твоей зарплаты идет на твою пенсию... И лежит на вкладе с маленьким но достойным процентиком» (участник 7).

«Вы всю жизнь работали, платили налоги и в пенсионный фонд – чтобы Вашим родителям и родственникам старшего возраста пенсию платили, а не в накопление на свою пенсию. У нас такая система. Если Вы померли до выхода на пенсию – ну что ж – Вы лично свой долг своим родителям по пенсии отдали и заодно не обременили собой выплаты Ваших детей и внуков» (участник 22).

«Пенсионные накопительные фонды на базе банковской системы, помимо ЕГФСС, и отчисления в них. Гарантии сохранности вкладов обе-



спечивают банки» (участник 17). «При нашей непризнанности, какие гарантии каких банков?» (участник 20).

3. Пересмотр порядка начисления льгот и надбавок. Приднестровье позиционируется как социально ориентированная республика. Закон ПМР «О государственном пенсионном обеспечении граждан в Приднестровской Молдавской Республике» устанавливает комплексную систему льгот и надбавок для целого перечня категорий граждан¹⁰. Попытка пересмотра привилегий в сфере пенсионного обеспечения политической элитой Приднестровья, находящейся в исполнительной власти в 2012–2016 гг., обернулась проигрышем их представителей на выборах в Верховный совет в 2015 г. и на выборах нового президента в 2016 г., который вернул отмененные льготы. Высказывания о возможных перспективах пересмотра льгот и надбавок носят противоречивый характер, что подтверждают следующие сообщения.

«Убрать все доплаты к пенсиям за ордена, депутатство» (участник 20).

«Деньги есть и можно найти, если рассмотреть все статьи расходов в бюджете. Это надбавки 100% к пенсии бывшим депутатам ВС ПМР, как и депутатам горрайсоветов, если более трех созывов были депутатом. Далее награды доплаты снять или установить минималку до 200 рублей а не 600–800–1000 рублей (слишком шикарно выходит)» (участник 14).

«И еще один момент. Конечно, он не будет реализован, потому что наши политики слишком зависимы от электоральных циклов, а тут нужна политическая воля. Льготы должны быть адресными. Например, неработающий пенсионер – льготы на все. Работающий пенсионер, размер совокупных доходов которого превышает 2 прожиточных минимума, не должен иметь льгот» (участник 20).

«В Беларуси работающий пенсионер получает 50% пенсии. Пример – моя родная тетка» (участник 13).

«Поэтапная замена бумажных “льгот” – их монетизацией, чтобы все пенсионеры получали деньги, а не выборочные льготы а-ля “бесплатный проезд”, “бесплатный газ” и прочая, и прочая. 100%-ных льгот массово не должно быть, максимум 90%, и менее (75%, 50%, 25% для разных категорий). Тот же проезд в троллейбусах – 1/2 рубля для льготников, но НЕ бесплатный» (участник 17).

«Монетизация льгот как раз не выгодна государству, это во многих случаях повысит нагрузку. Проблему с бесплатным проездом я бы решил так. Вместе с пенсией человек получает шестьдесят талонов на проезд. Больше – за свой счет» (участник 21).

«Есть те, кто честно отработал как проклятый и не просто работал, а с огоньком и больше других. У них орден “Трудовая Слава”.

Есть те, кто подвиг совершил – орден “За личное мужество”. Есть те, кто годами собирал, читал, думал, делал и сделал огромный вклад в копилку общего благоденствия. “Орден Почета”. Будем их лишать доплат? Значит, когда пахать или на амбразуру бросаться – нужны были, а как доплаты к пенсии. Отличная идея!» (участник 22). «Да, будем лишать. Потому что многие, кто делал то же самое, никаких орденов и доплат не имеют» (участник 20).

«На мой взгляд, первый шаг: монетизировать все льготы. Даже богатые государства не предоставляют льготы, а тут государство с убывающим работоспособным населением предоставляет всё чуть ли не бесплатно. Кстати, у пенсионеров пенсии не 1200, а гораздо больше. Даже если льгот не будет, им будет хватать» (участник 3).

«Льготы предоставляются для дополнительной социальной поддержки пенсионеров, чьи доходы очень низкие. В богатых странах преобладающее число пенсионеров не нищие. В богатых странах дифференцированная оплата услуг (образование, транспорт, коммунальные услуги) в зависимости от доходов. Так что там действует комплексная система социальной помощи всем нуждающимся. Пенсионеры продолжают работать не от клинического трудоглизма. В большинстве случаев это вопрос выживания!» (участник 5).

«У нас льготы как раз предоставляются не только тем пенсионерам, чьи доходы слишком низкие, а абсолютно всем, чьи доходы могут превышать доходы работающих граждан, в то время, как последним льготы не предоставляются. Единственное, в чём я вижу оправдание льгот – так это их адресность, т. е. предоставлять их тем, кто действительно в них нуждается» (участник 3).

4. Увеличение налогооблагаемой базы, ответственность за невыплату налогов. Необходимость реформирования существующей системы пенсионного обеспечения – это следствие ее неэффективного функционирования в связи с низкими доходами Единого фонда социального страхования ПМР по причинам кризисного состояния экономики, высокого уровня безработицы, низких доходов населения, трудовой эмиграции, распространения теневой занятости и недобросовестности работодателей при отчислении пенсионных взносов. Поэтому участники дискуссии высказали ряд пожеланий, которые, на их взгляд, косвенно влияют на повышение эффективности системы пенсионного обеспечения.

«Экономику поднимать надо. И админ. аппарат сократить до минимума. Тогда никакого дефицита не будет» (участник 1).

«Продолжение реформирования системы образования: численность учащихся средне-специальных и высших учебных заведений должна сравняться. Молодёжь раньше начнёт рабо-



тать, зарабатывать, платить налоги и т. д. После средне-специального: работать начнут в 19 лет, а не в 23; родители потратят на бесплатное/платное обучение в 2–4 раза меньше средств; будут заполнены нынешние вакансии рабочих специальностей» (участник 17).

«Пенсия, уровень жизни и выживания, и минимальные зарплаты это безопасность государства. А то, что разворовали и распродали многочисленные предприятия, за это никого не наказали» (участник 13).

«Если бы все без исключения предприятия всех форм собственности, и предприниматели (включая незарегистрированных) платили добросовестно налоги, то был бы смысл считать. А так, судя по практике налоговой инспекции, в процедурах банкротства ликвидируются предприятия с миллионными долгами. И это не сегодня началось и не сегодня завершится. Почему безнаказанно накапливаются такие суммы в долгах и потом без последствий (в том числе уголовно-правовых) закрывают предприятие. Да зло, да жестко, но должен быть предел по долгу. Перескочил за предел, и все – на фирму замок, на нерадивого хозяина тоже. А так эти суммы закладываются при расчете бюджета Республики, а на выходе минуса. Толку считать?» (участник 11).

«Должен быть механизм возврата тех пенсионных накоплений, которые были украдены у наших родителей в 90-е. Ведь пенсии должны платиться из многолетних накоплений, а не от фактических поступлений сегодняшнего дня. Вклады пытаются индексировать и вернуть, почему не ставят вопрос о пенсионных накоплениях? Мои родители всю жизнь в СССР работали и делали отчисления в пенсионный фонд. В итоге – мама прожила на пенсии 6 месяцев, папа вообще не дожил до нее. Где их деньги, которые они платили по 30 лет? Кто-то на них нажился. Сейчас пора возвращать. Принцип неотвратимости наказания давно утерян нашей правоохранительной системой. Никто не требует подтверждения легальности дохода при крупных покупках, никто не требует прозрачных деклараций о доходах от высокопоставленных чиновников, а сидят только за мешок картошки (это образно). Печально, но факт» (участник 13).

5. Начисление пенсии работающим пенсионерам. В ходе обсуждения дополнительно поднималась тема занятости людей пенсионного возраста в Приднестровье.

Статистическая информация, публикуемая Государственной службой статистики ПМР, содержит сведения о численности лиц старших возрастов и подростков, занятых трудовой деятельностью. В совокупности эта группа занятых на конец 2015 г. составляла 17% от всего экономически активного населения Приднестровья.

Вопрос занятости людей пенсионного возраста неоднократно поднимается в обще-

ственном дискурсе Приднестровья. На наш взгляд, политика ограничения занятости людей пенсионного возраста политической элитой 2012–2016 гг. стала одной из причин проигрыша на выборах избирательного цикла 2015–2016 гг.

«Я, конечно, не специалист, но считаю, что статистика также должна отражать долю работающих пенсионеров. Это немаловажно при формировании и расходовании средств, т. к. есть подозрение, что эта доля высока» (участник 2).

«Пенсионеры по возможности должны освободить рабочие места для молодых» (участник 3).

«Проблема обеспечения работой молодежи более чем актуальна. Не секрет, что с трудоустройством в регионе проблемы. Хочу отметить, что работающих пенсионеров знаю много, и, как это ни печально, считаю, что дорогу молодым они (пенсионеры) не дают» (участник 16).

«На счет работающих пенсионеров много/мало определяется не количеством личных знакомых, а долей людей пенсионного возраста: которые продолжают работать в структуре всей группы пенсионеров; долей людей пенсионного возраста, которые продолжают работать в структуре занятого населения и т. д. Количество работающих пенсионеров не так критично, как об этом принято считать. И последнее. Вы действительно считаете, что актуален вопрос увольнения, например, университетского профессора пенсионного возраста и его замена молодым специалистом?» (участник 5).

«Пройтись по гос. аппарату, по кабинетам и по школам, и больницам, и вообще в организациях. Даже в охране работают кому за 70 лет. Министерство обороны и МВД пенсии получают большая часть и служат дальше» (участник 14).

«В случае, если пенсионер предоставляет недостоверные данные о своей работе (то есть утаивает, что он работает, к примеру, неофициально) – по суду возврат всей суммы несправедливо предоставленных ему льгот и штраф. Я не предлагаю учитывать разовые работы. Это жестко, но совершенно оправданно. Я первая буду доказывать необходимость таких мер и поддержку их обеими руками» (участник 20).

«Пенсионеры работают, потому что жить на 1200 рублей в месяц невозможно. При этом они платят все налоги и не пользуются больничными, как молодые» (участник 19).

6. Обеспечение пенсиями граждан Приднестровья, участвующих в процессах трудовой миграции. Что касается пенсионного обеспечения приднестровцев, вовлеченных в трудовую миграцию, то данная проблема злободневна для региона по причине высокого оттока экономически активного населения из региона (по разным оценкам 25–30% всего населения республики). Согласно социологическим исследованиям, 60,6% приднестровских мигрантов трудоустроены легально, с оформлением трудовой книжки. Значит, осущест-



входят пенсионные отчисления в стране пребывания (это результат исследования 2015 г., мигранты более ранних волн, как правило, трудились в теневом секторе)¹¹. Порядка 85–90% мигрантов трудоустраиваются в России. Часть из них имеют российское гражданство и могут рассчитывать на российскую пенсию. Граждане России, прописанные на территории Приднестровья, имеют право на получение российской пенсии. Из данных табл. 1 видно, что за последние 15 лет наблюдается устойчивый рост количества пенсионеров (в среднем по 1 тыс. в год), однако в 2015 г. произошло резкое сокращение их численности почти на 14 тыс. человек, что объясняется их переходом на российскую пенсию. Для приднестровских трудовых мигрантов, состоящих в гражданстве других стран и прописанных на территории Приднестровья (за исключением тех, кто состоит в гражданстве Республики Молдова), отсутствуют возможности иного пенсионного обеспечения, кроме приднестровского.

«Большая часть этих “безработных” работала за пределами ПМР, где получала зарплату, с которой не платила налоги и иные выплаты, а на пенсию они вернулись сюда – на наш бюджет. Не от великого счастья люди так делали, но факт есть факт. Все эти годы они в пенсионный фонд не платили ничего – и это тоже факт» (участник 22).

«Мигранты только по официальным переводам обеспечивают 20% ВВП ПМР, а вместе с деньгами, что они провозят с собой, все 40%. Мигранты, при абсолютном безучастии государства, в определенной степени обеспечивают наше с Вами благополучие. Если бы не мигранты, то не было бы строительства новостроек, ремонтов, таких продаж авто, бытовой техники, продуктов питания и т. п. и т. д. А если бы эти деньги перестали приходить, то и рынок труда уменьшился, и предпринимателей стало бы меньше и как итог сокращение налогов, в том числе и пенсионных» (участник 5).

7. Превентивные меры самообеспечения граждан при достижении ими пенсионного возраста. Вопрос о личном опыте людей по поводу самостоятельного обеспечения себя доходами при выходе на пенсию не нашел широкого отклика среди участников онлайн фокус-группы. Причины видятся в следующем:

- в смещении фокуса внимания на реформирование пенсионной системы;
- в отсутствии понимания необходимости личной ответственности за благополучие в пенсионном возрасте;
- в незнании возможных вариантов решения этой задачи;
- в отсутствии информации и какого-либо личного опыта в данном направлении.

«Если к моменту выхода на пенсию останутся зрение и руки – подзаработаю рукодельем» (участник 18).

«Мне очевидно, что действующая система пенсионного обеспечения рухнет. Очевидно также и то, что те, кто сейчас платит налоги и соц. платежи, никакой “свой фонд” не формируют. Эти деньги идут на выплаты текущих пенсий. Я создаю реальный личный пенсионный фонд. Не надеюсь на государство» (участник 10).

В результате проведения исследования были сделаны следующие выводы.

На наш взгляд, по сравнению с традиционной фокус-группой, онлайн обсуждение имеет ряд дополнительных достоинств:

- не требует длительного подготовительного этапа для поиска и приглашения конкретных участников фокус-группы;
- не связано с ограничением количества участников;
- обеспечивает анонимность участников дискуссии (если они этого желают и не обозначают своих реальных данных при регистрации в социальной сети (виртуальной группе));
- дает возможность для более тщательного обдумывания своего мнения и поэтому лишено эффекта невысказанности, свойственной участникам традиционных фокус-групп и интервью;
- дает возможность свободного высказывания даже на деликатные темы;
- минимизирует фактор индивидуальности характеристик участников (стеснительность, замкнутость, костноязычие в устной речи и т. д.);
- не требует затратной по времени расшифровки текстов комментариев, сделанных участниками.

Несмотря на это, среди недостатков онлайн фокус-группы можно отметить следующие:

- ограниченные возможности предварительного отбора (фильтрации) участников фокус-группы;
- игнорирование со стороны пользователей определенных вопросов;
- необходимость оперативной модерации при возникновении таких явлений в сети Интернет, как флуд (нетематическое сообщение в интернет-форумах и чатах, зачастую занимающее большой объем; хакерская атака с большим количеством запросов, приводящая к отказу техники), флейм (обмен ругательствами при многопользовательском сетевом общении, которые уже не имеют отношения к первоначальной теме обсуждения), офтопик (сообщение, полностью выходящее за рамки заранее установленной темы);
- трудности в стимулировании активности всех участников дискуссии;
- невозможность обеспечить анонимность высказываний участников фокус-группы, когда, например, обсуждение инициируется на площадке виртуальной группы, в которой многие участники зарегистрированы под реальными именами и могут быть несвободны в своих высказываниях из-за отсутствия анонимности.



Онлайн фокус-группа на рассмотренном примере позволила получить большой спектр мнений на тему возможного пенсионного реформирования в конкретном регионе. Основные проблемы сводятся к следующему.

1. В обществе имеются различные, даже противоположные взгляды на вопрос о реформировании пенсионного обеспечения. По причине злободневности этой темы для каждого человека ставка политической власти на кардинальные решения в этой сфере способна изменить электоральные предпочтения граждан и стать причиной смены элит (как произошло в 2015–2016 гг.).

2. Реформирование пенсионной системы неизбежно. Понимание ее сути и снижение уровня протестности по поводу нововведений возможно при проведении своевременной информационной кампании, предварительной разъясняющей необходимость реформ, ее содержание и в конечном итоге – положительный экономический и социальный результат для всего общества.

3. При реформировании пенсионной системы следует учитывать возможные риски применения тех или иных мер. В случае увеличения пенсионного возраста необходимо предусмотреть мероприятия по предотвращению возрастной дискриминации, по поддержке работоспособности и квалификации работников (услуги здравоохранения, курсы повышения квалификации, тренинги профилактики профессиональной деформации). В случае перехода на накопительную систему пенсионного обеспечения проводить разъяснительные мероприятия, устраняющие опасения насчет сохранности имеющихся средств и дополнительных государственных гарантий. При пересмотре льгот и компенсаций спрогнозировать положение отдельных групп населения вследствие принятия тех или иных решений. Предусмотреть возможности дополнительной социальной помощи представителям особо уязвимых групп населения.

4. Низкая личная ответственность за материальное благополучие в пенсионном возрасте и опора исключительно на пенсионные выплаты со стороны государства не должны быть массовым явлением. Система образования, общественные организации, средства массовой коммуникации, бизнес-структуры должны включиться в программу финансового просвещения граждан для дальнейшего управления ими собственными денежными средствами и создания личного пенсионного запаса.

Если говорить о выводах методического характера, то необходимо отметить, что при проведении онлайн фокус-групп, на наш взгляд, необходимо соблюдать следующие условия.

1) На этапе подготовки онлайн фокус-группы нужно определить методологические основы ее проведения: должны быть четко обозначены проблема исследования, ее объект и предмет, а

также поставлены цели и задачи. Целесообразно изучить опыт использования данного метода другими учеными.

2) Рекомендуется тщательно подойти к выбору интернет-площадки проведения фокус-группы. Критериями выбора конкретного сайта могут быть следующие: учет популярности интернет-площадки; социально-демографический состав аудитории сайта; активность участников виртуальной группы при обсуждении конкретных тем; действующая этика интернет-коммуникаций между пользователями сайта.

3) Предварительно продуманное и корректно сформулированное заглавное обращение к интернет-аудитории при инициировании обсуждения будет способствовать достижению цели использования онлайн фокус-группы. Рекомендуется использовать простые, нейтральные формулировки, дающие ясное понимание запроса модератора.

4) Модератор дискуссии должен быть хорошо информирован относительно содержания темы, готов к возможному возникновению критических, тупиковых моментов в дискуссии и способен к корректировке коммуникативного процесса. По возможности осуществлять непрерывную модерацию обсуждения в целях постановки уточняющих вопросов и контроля за флудом, флеймом и офтопиком.

5) Работу фокус-группы можно считать завершенной при получении достаточного количества мнений, отражающих в достаточной мере спектр мнений участников онлайн фокус-группы по всем поставленным вопросам и при угасании интереса пользователей к обсуждению. Продолжительность функционирования онлайн фокус-группы в зависимости от специфики площадки ее проведения варьируется от одного дня до недели.

6) Полученные от участников онлайн фокус-группы комментарии должны быть структурированы и проанализированы в соответствии с целями исследования и логикой социологической интерпретации.

7) Результаты исследования, проведенного при помощи онлайн фокус-группы, должны найти применение на практике.

Примечания

- 1 См.: Лебедев П. А. Метод онлайн-фокус-групп как исследовательский инструмент // Социология : методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 92–114.
- 2 См.: О государственном пенсионном обеспечении граждан в Приднестровской Молдавской Республике : закон ПМР в ред. от 07.03.2017. URL: <http://www.vspmr.org/legislation/laws> (дата обращения: 10.06.2017).
- 3 См.: Баскакова Ю. М. Проблема повышения пенсионного возраста в зеркале опросов ВЦИОМ // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные



- перемены. 2010. № 5 (99). С. 226–237; *Билалова Л. М., Бикбулатова К. В., Билалов Э. М.* Отношение населения к изменению пенсионного возраста // *Успехи современной науки*. 2016. Т. 5, № 10. С. 11–17; *Климов И. А.* Реформа социальных льгот в оценках россиян // *Журнал исследований социальной политики*. 2006. Т. 4, № 3. С. 295–318; *Лукашова О. Г.* Восприятие населением Республики Беларусь инноваций в пенсионной сфере // *Социология*. 2014. № 1. С. 116–125.
- ⁴ См.: Приднестровье онлайн : группа на Facebook. URL: https://www.facebook.com/groups/Pridnestrovie.OnLine/permalink/1848116421880850/?comment_id=1848203061872186&reply_comment_id=1849546965071129¬if_t=group_comment_reply¬if_id=1490697360992781 (дата обращения: 15.06.2017).
- ⁵ См.: Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики – 2006 : ст. сб. за 2001–2005 гг. Тирасполь : Государственная служба статистики Министерства экономики ПМР, 2006. С. 18; Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики – 2011 : ст. сб. за 2006–2010 гг. Тирасполь : Государственная служба статистики Министерства экономики ПМР, 2011. С. 19; Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики – 2016 : ст. сб. за 2011–2015 гг. Тирасполь : Государственная служба статистики Министерства экономики ПМР, 2016. С. 20.
- ⁶ Официальный курс доллара США в марте 2017 г. составлял 11.30 руб. ПМР.
- ⁷ См.: Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики – 2006. С. 50; Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики – 2011. С. 52; Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики – 2016. С. 50.
- ⁸ О государственном пенсионном обеспечении граждан в Приднестровской Молдавской Республике : закон ПМР в ред. от 07.03.2017.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: *Оставная А. Н., Волкова О. А.* Этнический и гражданский статусы мигрантов как факторы конфликтности (на примере приднестровских мигрантов) // *Конфликтология*. 2015. № 4. С. 230.

Образец для цитирования:

Оставная А. Н., Волкова О. А. Метод онлайн фокус-группы: опыт изучения мнения населения о проблемах реформирования системы пенсионного обеспечения в Приднестровье // *Изв. Саратов ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 265–273. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-265-273.

Cite this article as:

Ostavnaya A. N., Volkova O. A. Method Online Focus Groups: Experience of Studying the Population's Opinion on Problems of Reforming the Pension System in Pridnestrovie. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 265–273 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-265-273.



УДК 316.4

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Е. В. Сайганова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: SaiganovaEV@yandex.ru

В данной статье рассматриваются особенности проявления преступного поведения молодежи на территории Саратовской области. Проводится анализ и исследование основных мотиваций при совершении преступлений, изучаются ценностные ориентации молодежи.

Ключевые слова: молодежь, закон, преступления, ценности.

Peculiarities of the Implementation of Criminal Behavior in the Adolescent Environment: Regional Aspect

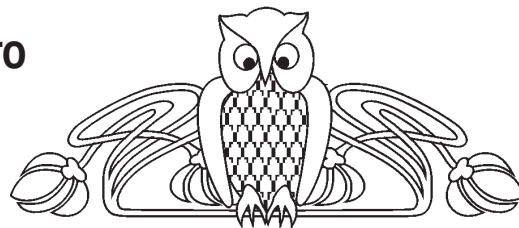
E. V. Saiganova

This article discusses the characteristics of the manifestation of criminal behavior of youth on the territory of Saratov region. The analysis and study of the main motivations in the Commission of crimes, we study the value orientations of young people.

Key words: youth, law, crime, values.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-274-279

Подростки являются одной из наиболее незащищенных категорий нашего общества. Они сильнее испытывают состояние стресса и раздражения. Их мечты о легком и быстром обогащении ведут к различным проступкам и преступлениям. Подростки легко вовлекаются в экстремистские группировки. Все это способствует процветанию преступности среди несовершеннолетних. В связи с этим актуальность специфики изучения молодежи на региональном уровне как никогда актуальна. Зная основные предпосылки развития девиантного поведения в молодежной среде, проще спрогнозировать поведение подростков, а соответственно, и искать пути выхода молодежи из кризисных ситуаций. Исходя из этого, было проведено социологическое исследование «Ценностные ориентиры несовершеннолетних преступников» среди несовершеннолетних, осужденных в Межрайонной уголовно-исполнительной инспекции № 1 ГУФИН России по Саратовской области. Методом анкетирования было опрошено 100 респондентов (72% юношей, 28% девушек) в возрасте от 14 до 18 лет. Из них значительно преобладали 17-летние – 34%, 15-летние – 26%, подростков в возрасте 16 лет было 22%, 14 лет – 14%, и только 4% опрошенных исполнилось 18 лет. У большинства заключенных (56%) – не-



оконченное среднее образование (9 классов), у 34% – неполное среднее (менее 9 классов) и только у 10% опрошенных подростков имелось среднее общее образование (10–11 классов).

В ходе исследования было установлено, что 46% респондентов в будущем хотели бы окончить техникум или ПТУ, 20% заявили, что хотели бы окончить вузы, в планах 18% подростков в ближайшем будущем стоит задача окончания школы, 16% респондентов выявили нежелание продолжать свое образование.

28% подростков заявили, что от полученного образования зависит материальное благополучие и дальнейшая судьба человека, 24% – что от образования зависит будущая профессия. Для 14% респондентов образование не играет важной роли в жизни. Зависимость образования и положения в обществе отметили только 6% опрошенных (рис. 1).

Ответы по поводу будущей специальности подростков были разнообразны и нацелены на все виды промышленности и сфер обслуживания: 12,5% – видят свое будущее в профессиях шофера и автослесаря, 8,3% хотят стать механиками и кулинарами, 6,3% хотят овладеть профессиями сварщиков, швей и столяров, 4,2% опрошенных хотят быть экономистами, адвокатами, предпринимателями, парикмахерами и специалистами по ремонту помещений. Остальные профессии (электрик, продавец, строитель, машинист, политолог, патологоанатом, психолог и модель) выбрали в качестве будущей возможной профессии только 2,1% несовершеннолетних преступников (рис. 2).

Те респонденты, которые в ближайшем будущем планируют закончить только школу, в подавляющем большинстве (25,0%) хотят быть водителями или шоферами. Психологами и специалистами по ремонту помещений хотят быть 13,0% респондентов. Выбрали для себя профессии сварщика, машиниста, предпринимателя и столяра 12,5% подростков. Те респонденты, которые в будущем хотят окончить только ПТУ, в большинстве (21,8%) хотели бы освоить профессию автослесаря, 13,0% – кулинара. Парикмахерами хотят стать 10,0% подростков. У 9,0% в планах на будущее освоение профессии механика. 8,7% несовершеннолетних преступников хотели бы стать адвокатами, столярами и сварщиками. Предпринимателями, швеями, специалистами по ремонту помещений и строителями

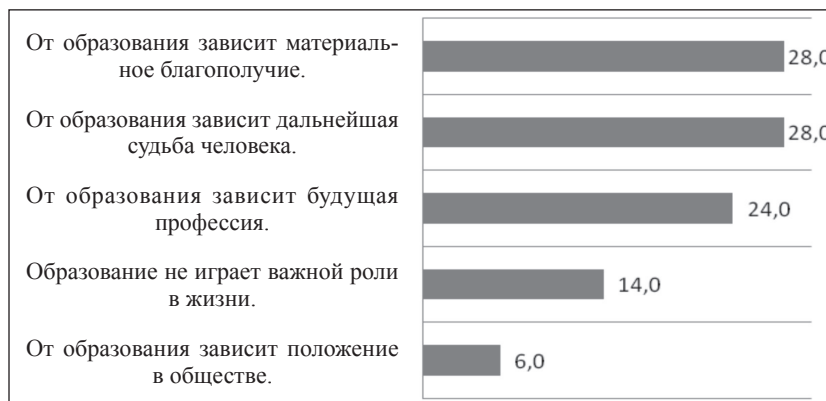


Рис. 1. Роль образования в жизни респондента, % от общего

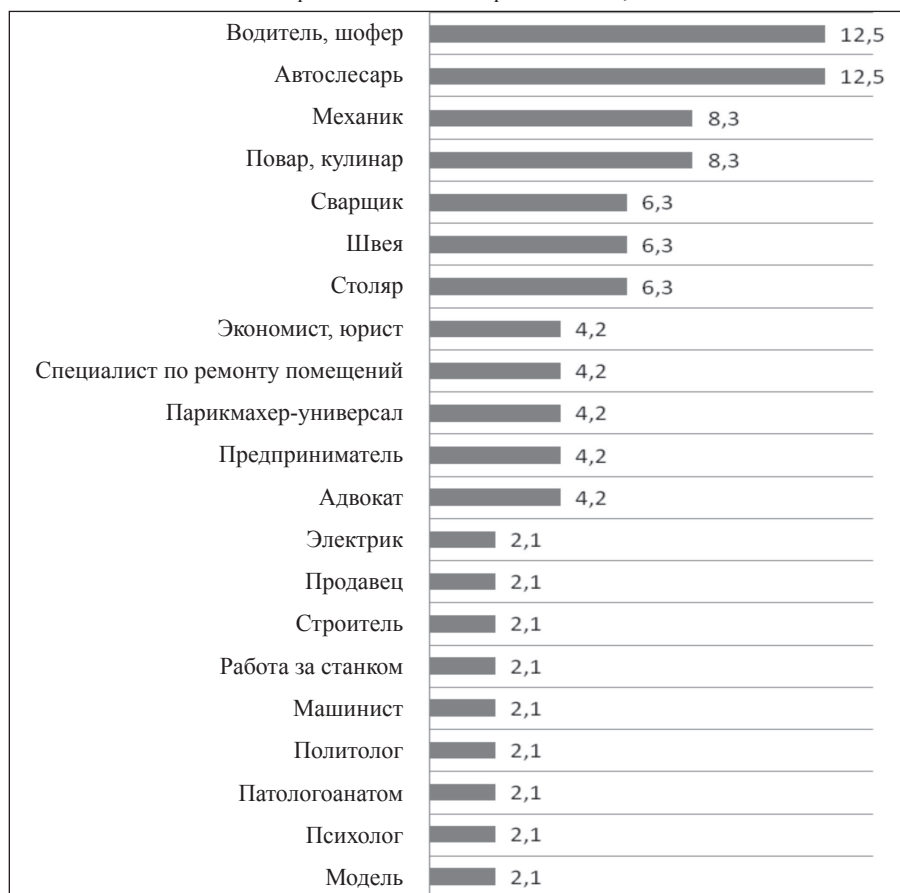


Рис. 2. Предположение респондентов по поводу будущей специальности, % от ответов

хотят стать 4,3% респондентов. Среди тех, кто хотел бы закончить вузы, 20,0% хотят в будущем освоить профессии экономистов, юристов, водителей, а 10,0% – стать патологоанатомами, политологами и механиками. Из респондентов, которые в будущем не хотят продолжать свое образование, 29,0% намерены стать водителями, 14,2% – кулинарами, продавцами и электриками и только 14,0% – швеями и механиками.

Среди опрошенных несовершеннолетних преступников большинство оказались соучастниками в совершенном преступлении (84,0%) и только 16,0% – организаторами.

Подростки, проживающие в полной семье, в 62,5% случаев были организаторами и 50,0% – соучастниками. 26,2% подростков, ставшие соучастниками, жили без отца, 11,9% – без обоих родителей. Без матери жили 4,8% лиц, ставшие соучастниками в преступлении. И только 2,4% воспитывались бабушкой, дедушкой, мачехой, отчимом с братом или сестрой. 12,5% организаторов воспитывались без обоих родителей, бабушкой и дедушкой – 25,0%.

Причинами, толкнувшими подростков на совершение преступления, 64,0% посчитали друзей и компанию, 16,0% респондентов совер-



шили преступление из-за тяжелых жизненных условий, 14,0% винят в содеянном только себя, 6,0% респондентов посчитали причинами для совершения преступления угрозу безопасности друзей, незаконное действие властей в отношении их и влечение к алкоголю и психотропным веществам. И только 4,0% опрошенных пошли на преступление из-за угрозы личной безопасности, голода, нищеты, различных лишений и из-за проблем в школе (табл. 1).

Таблица 1

Причины, толкнувшие подростком к совершению преступления, % к опрошенным

Причины совершения преступления	%
Угроза личной безопасности	4
Угроза безопасности близких	2
Угроза безопасности друзей	6
Голод, нищета, лишения	4
Незаконное действие властей в отношении личных прав	6
Друзья, компания	64
Семья	–
Правоохранительные органы	–
Тяжелые жизненные условия	16
Непреодолимое влечение к алкоголю, наркотикам	6
Школа	4
Только я сам	14
Итого	126

Примечание. Сумма ответов не сводится к 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

Никогда не состояли на учете в органах милиции 72% опрошенных, 28% до совершения преступления зарегистрированы там.

В ходе опроса также исследовалась зависимость роли респондента в совершенном преступлении и состоял ли респондент на учете в органах полиции до совершения преступления. Было выявлено, что среди организаторов преступлений 50,0% состояли на учете в органах полиции и столько же не преступало границы закона. Среди тех, кто был соучастником в преступлении, 76,2% от общего числа опрошенных не совершали правонарушений, 23,8% ответивших уже имели проблемы с законом. Можно сделать вывод, что индивиды, играющие главную роль в организации преступления, более обдуманно и целенаправленно идут на совершение преступления, нежели соучастники, и преступление в половине случаев имеет характер рецидива (табл. 2).

Наличие позитивных планов на будущее после освобождения будет показывать, готов ли правонарушитель измениться в лучшую сторону и встать на правильный жизненный путь. На вопрос о дальнейших действиях респондента после освобождения 52,0% ответили, что найдут работу, 40,0% – получают профессиональное образование. Завести семью планируют 6,0% опрошенных. Совместить эти планы хотели бы 2,0% подростков (рис. 3).

Среди тех, кто был организатором преступления, 62,5% настроены найти работу и 37,5% – получить профессиональное образование. Среди соучастников преступления также большин-

Таблица 2

Зависимость роли респондента в совершенном преступлении и состоял ли он на учете в органах полиции до совершения преступления, % по наличию учета в органах полиции

Роль респондента в совершенном преступлении	Состоял ли респондент на учете в органах полиции до совершения преступления		Итого
	да	нет	
Организатор	50,0	50,0	100,0
Соучастник	23,8	76,2	100,0
Итого	28,0	72,0	100,0

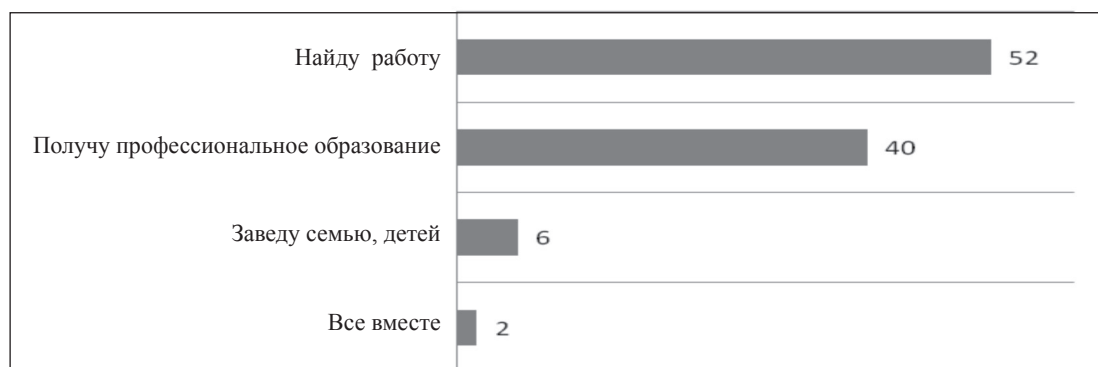


Рис. 3. Действия респондента после освобождения, % от общего



ство (50,0%) имеют карьерные планы, 40,5% от общего числа опрошенных хотят получить образование, 7,1% – завести семью, детей, 2,4% ответивших планируют реализоваться во всех вышеназванных сферах. Данные показывают, что организаторы преступлений ориентированы на профессиональную и карьерную составляющие будущего, в то время как для соучастников преступления, помимо этого, важно наличие семьи как жизненной опоры (табл. 3).

Семья, родители, родственники играют огромную роль в воспитании и успешном жизненном становлении индивида. Через них человек усваивает нормы, ценности определенного общества, проходит процесс социализации. И от успешности прохождения этого процесса зависит в дальнейшем вся жизнь индивида. 52,0% опрошенных подростков ответили, что в детском возрасте жили с отцом и с матерью, 22,0% – без отца. Без обоих родителей жили 12,0% респондентов, 6,0% в детском возрасте жили с бабушкой и дедушкой, без матери – 4,0% подростков и только 2,0% опрошенных жили с братом, сестрой или с мачехой и отчимом. Таким образом, большинство организаторов преступлений воспитывались либо бабушкой, дедушкой, либо родителями, либо без них. В большинстве случаев в их воспитании принимали участие родные люди. При этом часть индивидов, которые стали соучастниками преступлений, воспитывались без одного или обоих родителей, либо в неродной семье (рис. 4).

В ходе исследования было выявлено, что среди тех, кто рос в полной семье с отцом и мате-

рью, 80,8% стали соучастниками преступлений, 19,2% – организаторами правонарушений. Среди тех, кто рос без отца и без матери, с мачехой, отчимом в неродной семье, только с братом, сестрой, – по 100% соответственно соучастников преступлений. Среди тех, кто воспитывался без обоих родителей, 83,3% от общего числа опрошенных являются соучастниками, 16,7% – организаторами преступлений. С бабушкой и дедушкой жили 66,7% организаторов и 33,3% соучастников правонарушений. Таким образом, большинство организаторов преступлений воспитывались либо бабушкой, дедушкой, либо родителями, либо без них. В большинстве случаев в их воспитании принимали участие родные люди. При этом часть индивидов, которые стали соучастниками преступлений, воспитывались без одного или обоих родителей, либо в неродной семье (табл. 4).

Место, где воспитывался респондент, также имеет огромное значение для успешной социализации и правильному усвоению норм общества. Для 80% подростков воспитание происходило в семье, для 6% – в интернате или детском доме и только для 4% – в спецшколе (рис. 5).

В ходе исследования было выявлено, что 87,5% организаторов преступлений воспитывались в семье и 12,5% – в детском доме. Среди соучастников 78,6% воспитывались в семье, 7,1% – в интернате. В детском доме или спецшколе проживали по 4,8% соответственно. Таким образом, инициаторы преступлений большей частью воспитывались в родительском доме с семьей или детском доме, соучастники же воспитывались в спецшколах и интернатах (табл. 5).

Таблица 3

Зависимость планов на будущее после освобождения от роли в совершенном преступлении, % по планам на будущее

Роль респондента в совершенном преступлении	Планы на будущее после освобождения				Итого
	получу профессиональное образование	заведу семью, детей	найду работу	все вместе	
Организатор	37,5	–	62,5	–	100,0
Соучастник	40,5	7,1	50,0	2,4	100,0
Итого	40,0	6,0	52,0	2,0	100,0

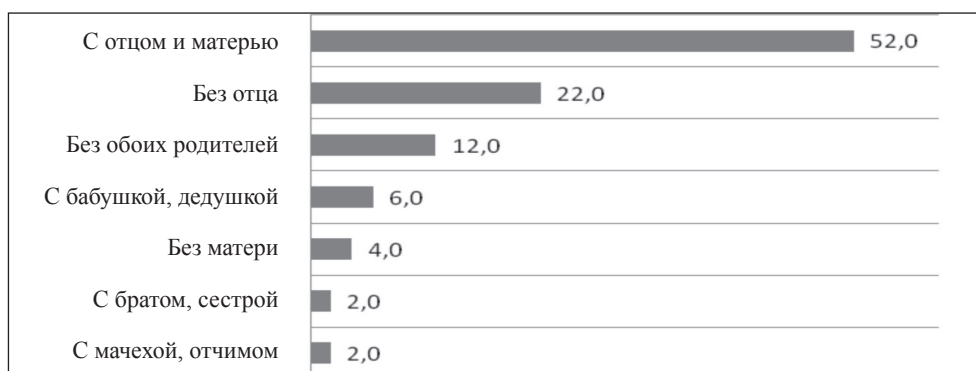


Рис. 4. С кем проживал респондент в детстве, % от общего



Таблица 4

Зависимость роли респондента в совершенном преступлении от значимых людей, принимавших участие в его воспитании, % по роли в совершенном преступлении

Роль в совершенном преступлении	Респондент в детском возрасте жил:							Итого
	с отцом и матерью	без отца	без матери	без обоих родителей	с бабушкой, дедушкой	с мачехой, отчимом	с братом, сестрой	
Организатор	19,2	–	–	16,7	66,7	–	–	16,0
Соучастник	80,8	100,0	100,0	83,3	33,3	100,0	100,0	84,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 5

Зависимость роли респондента в совершенном преступлении от места, где проходило его воспитание, % по роли в совершенном преступлении

Роль в совершенном преступлении	Воспитание респондента.					Итого
	в семье	в детском доме	в спецшколе	в интернате	другое	
Организатор	87,5	12,5	–	–	–	100,0
Соучастник	78,6	4,8	4,8	7,1	4,8	100,0
Итого	80,0	6,0	4,0	6,0	4,0	100,0

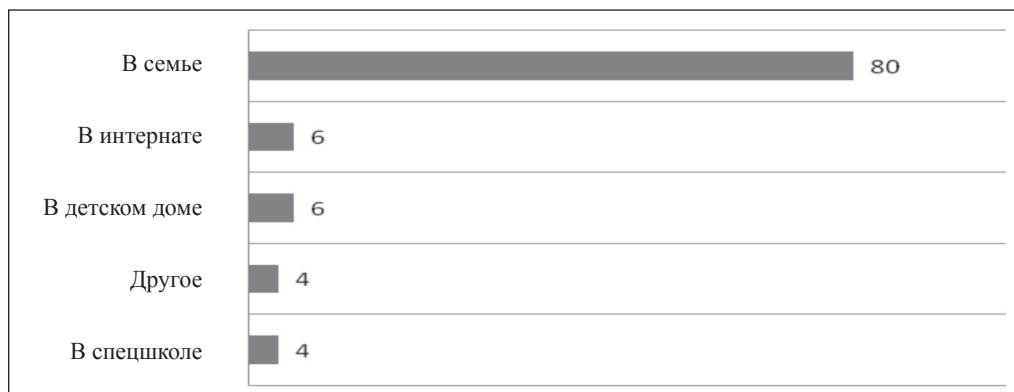


Рис. 5. Место воспитания респондента, % от общего

Таким образом, можно сформировать социальный портрет молодых правонарушителей по модальным характеристикам. Это молодой человек в возрасте 17 лет, имеющий среднее образование (9 классов), планирующий в будущем поступить в техникум или ПТУ. При этом он считает, что от образования зависит дальнейшая судьба, и преимущественно материальное благополучие. В этом респондент видит основную цель получения образования. В детстве осужденный жил с отцом и матерью, физическому насилию не подвергался. Однако в семье постоянно возникали конфликты (пять–шесть раз в месяц). Основная причина конфликтов – непонимание со стороны родителей. Касательно принадлежности к преступной группе респондент является соучастником преступления, а не его организатором, не состоял на учете в органах полиции. Основная причина, подтолкнувшая к совершению преступления, – плохая компания, которая поспособствовала формированию мнимых жизненных ценностей. При этом респондент считает, что судьба таким образом постоянно испытывает его. В планах на

будущее после освобождения – поиск работы и получение образования. Молодой правонарушитель после отбывания наказания видит себя работающим по специальности, связанной с автомобильной отраслью: водителем, шофером, автослесарем, механиком. Главным условием, являющимся оптимальным для сегодняшней жизни на свободе, является наличие выгодных связей. Также осужденный выделил честность и открытость как два основных качества, наиболее важных во взаимоотношениях с окружающими людьми.

Также, согласно полученным данным, индивиды, играющие главную роль в организации преступления, более обдуманно и целенаправленно идут на совершение преступления, нежели соучастники, и оно в половине случаев имеет характер рецидива. Они чаще подвергались в детстве физическому насилию, однако конфликтные ситуации в их семье возникали гораздо реже, нежели у соучастников преступлений – один–два раза в год. При этом инициаторы преступлений ориентированы на профессиональную и карьерную составляющие будущего, в то время как для



соучастников преступления, помимо этого, важно наличие семьи как жизненной опоры.

Подростковый период – период повышенной эмоциональности, он проявляется в легкой возбудимости, частой смене настроений, т. е. появляется подростковая психическая неуравновешенность и характерные для нее смены настроения. Осужденные подросткового возраста наиболее трудновоспитуемы, конфликтны, агрессивны. Они склонны к организации хулиганских действий. Эта категория осужденных правонарушителей в большинстве случаев пытается создать ложное представление о себе. Познание их затрудняется еще и потому, что многие подростки внешне соглашаются с требованиями, предъявляемыми сотрудниками милиции и УИИ, а внутренне настроены отрицательно (к труду, к учебе и т. д.)

Система отношений осужденных характеризуется неустойчивостью. Просматривается ориентация на достижение эгоцентрических целей. Поведение определяется, главным образом, влечением, инстинктами, неконтролируемыми побуждениями. Они склонны к конфликтам по незначительным поводам, к накоплению обиды, которая потом разряжается массивной аффективной вспышкой. Реакции гнева не всегда адекватны поводу. Отмечаются тревожная мнительность, нерешительность и легкость возникновения навязчивых страхов, опасений, мыслей. Подавляющее большинство подростков (64%) в качестве причины, толкнувшей на преступление, посчитали влияние друзей и компании.

Жизненные планы у осужденных размыты. В ходе исследования было установлено, что большинство подростков (46%) не желают заканчивать вузы, а предпочитают поступать в ПТУ и в будущем рассчитывают работать на производственных специальностях. Неблагоприятные условия наложили на психологию правонарушителей печать бесперспективности. Также

установлено, что наличие выгодных связей является главным условием, при котором можно прожить в наше время, для 72% респондентов.

Среди несовершеннолетних имеются лица с психическими аномалиями, склонные к агрессии, к побегам, симуляции, алкоголизму и наркомании и др. Совершению ими преступлений, как правило, предшествовали уклонение от учебы и труда, бродяжничество и асоциальный образ жизни, злоупотребление спиртными напитками, наркотиками, склонность к беспорядочной половой жизни, девиации сексуального поведения.

Необходимо учитывать, что поведение подростка зачастую соотносится с нормами и ценностными ориентирами малой группы лиц, которая является для него эталонной. Однако, по данным исследования, 80% всех респондентов проживают в семьях, 52% из которых имеют и мать, и отца, т. е. проживают в полных семьях. 78% опрошенных заявили, что физическое насилие в отношении их не применялось. Непонимание со стороны родителей стало причиной конфликтов в 50% семей.

Выделение общих черт по каждому составу преступлений позволяет дать рекомендации для предупреждения преступлений, особенно при работе с несовершеннолетними, группой риска.

Для несовершеннолетних преступников нужна правильно подготовленная профилактическая работа: в обстановке доверия, сочувствия, дать возможность для выхода эмоций, проводить различные тренинги по социально-психологической адаптации; совместно с несовершеннолетним выявить актуальные смыслы и ценности, планы на будущее. Например, проводить семинары по трудоустройству, повышать статус путем привлечения его к общественной жизни, нормализовать межличностные отношения. Эта профилактика должна проводиться во всех структурах, работающих с молодежью такого рода, чтобы направить подростка на правильный путь.

Образец для цитирования:

Сайганова Е. В. Особенности проявления преступного поведения в подростковой среде: региональный аспект // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 274–279. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-274-279.

Cite this article as:

Saiganova E. V. Peculiarities of the Implementation of Criminal Behavior in the Adolescent Environment: Regional Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 274–279 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-274-279.



УДК 316.334.52(470.67)

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН: ПРОБЛЕМЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ОЦЕНКА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ

М. М. Шахбанова

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
научного центра РАН, Махачкала
E-mail: madina2405@mail.ru

В данной статье раскрывается существующее в массовом сознании дагестанских народов отношение к проводимой в Дагестане земельной реформе. На основе анализа материалов республиканской периодической печати и результатов авторского социологического исследования установлена условно позитивная оценка проводимой в республике земельной реформы. Вместе с тем в установках дагестанцев имеет место констатация наличия в положениях земельной реформы потенциала возникновения межнациональной напряженности, возможности ее перерастания в межэтническое противостояние и открытый этнический конфликт.

Ключевые слова: земельная реформа, Республика Дагестан, межнациональные отношения, межэтническое противостояние, историческая территория, национальные интересы.

**Land Reform in the Republic of Dagestan: Problems,
Contradictions and Evaluation in Public Consciousness
of the Dagestan Peoples**

М. М. Shakhbanova

The attitude that exists in the mass consciousness of the Dagestan peoples to the land reform carried out in Dagestan is revealed in this article. Based on the analysis of the materials of periodical press of the republic and the results of the author's sociological research, a conditionally positive assessment of the land reform carried out in the republic in the mass consciousness of the respondent Dagestan peoples is established. This positivity is conditioned by the need to carry out reforms in conditions of publicity, without the exceptional powers of the head of the republic to transfer land from the republican to municipal property.

Key words: land reform, the Republic of Dagestan, interethnic relations, interethnic opposition, historical territory, national interests.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-280-286

В связи с наметившейся земельной реформой в Дагестане в республиканских средствах массовой информации развернулась острая дискуссия по данному вопросу. Основанием послужило принятие в первом чтении на сессии Народного собрания Дагестана (29 октября 2015 г.) законопроекта «О регулировании земельных отношений в Республике Дагестан». Тревогу в общественном сознании вызывает наделение главы Дагестана полномочиями, во-первых, передавать земельные участки (государственную или муниципальную собственность) юридическим лицам без проведения торгов для реализации масштаб-



ных инвестиционных проектов, во-вторых, возможности предоставлять землю для размещения объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения. Недовольство дагестанские народы в большей степени демонстрируют в отношении применения данного положения к землям равнинной части Дагестана, с мотивацией игнорирования мнения местного населения, причем органы местного самоуправления низменных районов практически отстранены от разработки данной программы, отсутствует всякая координация с ними при межгосударственном определении статуса отгонных земель.

Сложившаяся в земельной сфере Дагестана ситуация закономерно ведет к усилению межнациональной напряженности, дополненная тем, что в результате политики властей последних десятилетий хозяйства горных районов республики в расчете на одного жителя имеют земли гораздо большие, чем хозяйства равнинных районов. В то же время в самих горных районах высокоурожайные террасные земли, сады, сенокосы и другие угодья, обеспечивающие жизненные потребности значительной части горского населения, заброшены и не обрабатываются. В результате в горной местности из сельскохозяйственного оборота выведено более 100 тыс. га пашни (или 42% земельного фонда), обрабатывавшихся в 70-х гг. XX в. земельного фонда¹.

21 октября 2015 г. Комитет Народного собрания Республики Дагестан по аграрной политике провел парламентские слушания по земельным вопросам, на которых обсуждались проекты республиканских законов о статусе земель отгонного животноводства и приватизации земель сельхозназначения. Кроме того, Мингосимущество Дагестана планировало до конца 2015 г. завершить подготовку кадастровой документации по 49 из 199 поселений для последующего придания им статуса населенных пунктов. Официальный статус земель отгонного животноводства может привести к незапланированным значительным последствиям: можно ожидать уменьшения населения в горных районах при его увеличении на равнине. Исходя из подушевой системы ассигнования, автоматически во много раз повышается финансирование равнинных районов, что невыгодно для горных районов Дагестана².

Не меньшую тревогу у общественности вызывает законопроект «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Республике Да-



гестан». С 1 января 2018 г. предполагается начать приватизацию земельных участков сельхозназначения, но при этом исключается возможность приватизации отгонных пастбищ. При продаже земли преимущественное право покупки имеют республика и муниципальное образование, за исключением случаев продажи с публичных торгов и изъятия для государственных и муниципальных нужд.

А. Алклычев, член Экономического совета при главе Республики Дагестан, категорически против приватизации земель сельхозназначения, считая административное решение оторванным от мнения народа, местного коренного населения, проживающего исторически на этих землях. Эксперт исследовательского центра RAMCOM Д. Соколов определил риски, которые несут новые законопроекты: во-первых, это коррупционные риски, во-вторых, возникают перекрестные права собственников: «...сегодня земельный ресурс и его продажу будет контролировать достаточно узкая группа людей, которая так или иначе связана с администрацией и правительством республики.... Также мы забываем о праве наследства. Получается, те земли, которые у частных общин, будут проданы в интересах других людей. И это в условиях, когда вопрос о справедливости передачи земель отгонного животноводства муниципалитетам, мягко говоря, открыт. Согласия равнинных жителей не будет»³.

Таким образом, одним из факторов возникновения, а при наличии межнациональной напряженности и ее роста, являются территориальные споры, ибо «территория – это символ жизненных интересов, жизненное пространство этноса, гарантия его выживания, роли и места в сообществе других этносов. Поэтому территориальные споры и вызывают самые жестокие конфликты и войны»⁴.

Как известно, межнациональные взаимоотношения осуществляются на институциональном и межличностном уровнях. В России постсоветского периода можно было наблюдать их обострение по самым различным причинам, среди которых следует отметить ориентацию национальных республик на суверенитет, усиление этнического самосознания, выдвижение национальных лозунгов и т. д. В этой связи задача гармонизации межнациональных отношений является одной из важнейших на современном этапе развития российского государства, и особенно она актуальна в административных образованиях, характеризующихся многообразием этносоциальной структуры.

Социологическое исследование по изучению состояния межнациональных отношений дагестанских народов и факторов роста межнациональной напряженности проведено автором в 2016 г. в Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кизилюртовском, Хасавюртовском районах, городах Махачкала, Дербент, Каспийск,

Кизилюрт, Кизляр, Хасавюрт. По этнической принадлежности распределение респондентов выглядит следующим образом: аварцы – 319 чел. (33,8%), даргинцы – 184 чел. (19,5%), кумыки – 162 чел. (17,2%), лакцы – 61 чел. (6,4%), лезгины – 145 чел. (15,3%), русские – 39 чел. (4,1%), чеченцы – 35 чел. (3,7%). Выборка опроса в национальном разрезе является репрезентативной. N = 945.

Прежде чем перейти к изложению результатов социологического опроса следует отметить, что намеченная в республике земельная реформа неоднозначно была воспринята в современном дагестанском обществе по целому ряду объективных и субъективных причин. С учетом злободневности данного вопроса он был включен в анкету нашего социологического исследования с целью выявления отношения дагестанских народов к проведению земельной реформы в республике (табл. 1).

Полученные результаты нашего исследования констатируют доминирование в массовом сознании дагестанских народов, с большим отрывом от иных суждений, позитивного отношения к земельной реформе, но с существенным дополнением, если она «будет проведена прозрачно». По этнической принадлежности данная позиция ближе каждому второму среди аварцев, лакцев и русских, каждому третьему среди чеченцев и даргинцев, каждому четвертому среди кумыков, каждому пятому опрошенному среди лезгин; с возрастом и образовательным статусом респондентов увеличивается доля придерживающихся данной позиции: 29,7% «до 20 лет», 32,4% «от 20 до 30 лет», 39,0% «от 30 до 40 лет», 39,6% «от 40 до 50 лет», 50,0% «от 50 до 60 лет», 28,6% «от 60 лет и выше»; 30,9% со средним, 40,7% средним специальным и 34,9% с высшим и незаконченным высшим образованием.

По значимости второе ранговое место занимает суждение «положительно, если будут отменены полномочия главы республики по передаче земель из республиканской в муниципальную собственность», разделяемое каждым четвертым опрошенным среди аварцев и лезгин, в возрастном разрезе «до 20 лет» и «от 60 лет и выше», каждым пятым среди чеченцев, каждым шестым опрошенным среди лакцев и в возрастной группе «от 20 до 30 лет»; меньше всего придерживающихся вышеприведенной позиции среди респондентов кумыков и в возрастной подгруппе «от 50 до 60 лет» (9,6%).

Однако массовому сознанию опрошенных дагестанских народов характерно и негативное отношение к земельной реформе с мотивацией: «при передаче земель отгонного животноводства в ведение местных муниципалитетов они потеряют особый статус, будут выведены из сельхозоборота и приобретут статус земель поселений». Больше всего придерживающихся данного суждения среди респондентов даргинцев и че-



Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к проведению земельной реформы в Дагестане?»,
% от общего количества опрошенных**

Националь-ности	Варианты ответов					
	Положительно, если будут отменены полномочия главы республики по передаче земель из республиканской в муниципальную собственность	Положительно, если земельная реформа будет проведена прозрачно	Положительно, потому что можно будет передавать землю под крупные инвестиционные проекты	Отрицательно, потому что с местным населением не согласовывают межевание границ и определение статуса отгонных земель	Отрицательно, потому что в результате политики властей последних десятилетий хозяйства горных районов в расчете на одного жителя имеют земли гораздо большие, чем хозяйства равнинных районов	Отрицательно, потому что при передаче земель отгонного животноводства в ведение местных муниципалитетов они потеряют особый статус, будут выведены из сельхозоборота и приобретут статус земель поселений
Аварцы	25,3	47,1	13,6	6,8	14,9	14,5
Даргинцы	14,7	34,3	3,5	19,6	16,8	23,1
Кумыки	7,8	26,7	7,8	24,1	24,1	7,8
Лакцы	16,7	45,8	8,3	12,5	8,3	12,5
Лезгины	24,0	23,3	13,2	9,3	4,7	14,7
Русские	10,5	42,1	10,5	21,1	0	10,5
Чеченцы	18,6	28,7	15,5	20,9	10,1	27,1
Другие	31,3	18,8	25,0	0	18,8	6,3
Всего	18,9	34,9	11,0	14,6	13,4	16,6

ченцев, в возрастных подгруппах «до 20 лет» (21,2%), «от 60 лет и выше» (17,9%), «от 30 до 40 лет» (17,6%), «от 50 до 60 лет» (17,0%). Еще одним фактором отрицательного отношения к земельной реформе является игнорирование мнения местного населения при «межевании границ и определении статуса отгонных земель»; по национальной принадлежности данную позицию разделяет каждый четвертый опрошенный среди кумыков и в возрастной подгруппе «от 60 лет и выше», каждый пятый среди даргинцев, русских и чеченцев, в возрастном разрезе «от 50 до 60 лет».

Далее, каждый седьмой респондент по всему массиву, каждый четвертый опрошенный среди кумыков, каждый шестой среди даргинцев и каждый седьмой опрошенный среди аварцев, 14,3% респондентов «до 20 лет», 10,6% «от 20 до 30 лет», 15,4% «от 30 до 40 лет», 11,3% «от 40 до 50 лет», 17,9% «от 60 лет и выше» негативно оценивают земельную реформу, потому что, по их мнению, «в результате политики республиканских властей последних десятилетий хозяйства горных районов в расчете на одного жителя имеют земли гораздо большие, чем хозяйства равнинных районов». На последнем месте располагается вариант ответа «положительно, потому что можно будет передавать землю под крупные инвестиционные проекты», на который указала наибольшая часть респондентов чеченцев, аварцев и лезгин, а также диаметрально противоположные возрастные подгруппы «до 20 лет» (15,8%) и «от 60 лет и выше» (14,3%).

Таким образом, полученные на вопрос «Как вы относитесь к проведению земельной реформы в Дагестане?» результаты показывают неоднозначное отношение опрошенных дагестанских народов к преобразованиям земельного фонда республики: характерные им позиции показывают наличие в массовом сознании самых разнообразных суждений в отношении данного вопроса, основанных на существовании определенного недоверия со стороны опрошенных к республиканской власти, дополненное недовольством представителей народов, исторически проживающих на равнинных территориях Дагестана.

Актуальность и неоднозначное отношение к земельной реформе требует выявления существующих в массовом сознании дагестанских народов тенденций в ее оценке (табл. 2).

Данные, приведенные в табл. 2, показывают, что каждый пятый опрошенный по всему массиву, по этнической принадлежности каждый второй среди русских, каждый четвертый среди лакцев, даргинцев и лезгин, каждый пятый среди аварцев, каждый шестой среди кумыков и чеченцев оценивают земельную реформу положительно, усматривая в этом возможность «привлечь в сельское хозяйство людей и решить проблему безработицы»; по социально-демографическим признакам ответы по этому варианту распределились следующим образом: 21,2% «до 20 лет», 22,9% «от 20 до 30 лет», 23,6% «от 30 до 40 лет», 11,3% «от 40 до 50 лет», 25,0% «от 50 до 60 лет», 17,9% «от 60 лет и выше»; 18,9% со средним,



Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как вы оцениваете проводимую в Дагестане земельную реформу?», % от общего количества опрошенных

Националь-ности	Варианты ответов					
	Положительно, это позволит развивать сельское хозяйство республики	Положительно, это позволит привлечь в сельское хозяйство людей и решить проблему безработицы	Положительно, это позволит в полной мере обеспечить республику сельскохозяйственной продукцией	Отрицательно, это приведет к росту межнациональной напряженности	Отрицательно, это провоцирует межнациональные конфликты	Отрицательно, это способствует дальнейшей коррупции
Аварцы	18,6	19,9	27,1	12,2	8,1	20,4
Даргинцы	13,3	23,1	13,3	21,7	9,8	25,2
Кумыки	10,3	16,4	7,8	17,2	25,0	15,5
Лакцы	15,3	26,4	23,6	13,9	2,8	25,0
Лезгины	27,9	24,8	14,7	7,8	11,6	14,0
Русские	5,3	42,1	15,8	10,5	0	26,3
Чеченцы	15,5	16,3	24,8	23,3	23,3	14,0
Другие	6,3	12,5	25,0	18,8	0	31,3
Всего	16,7	21,1	19,3	15,7	12,8	19,3

24,2% средним специальным и 21,2% высшим образованием. С небольшой разницей на второй позиции располагается также позитивное отношение к земельной реформе, ибо она «позволит в полной мере обеспечить республику сельскохозяйственной продукцией», разделяемое каждым четвертым опрошенным среди аварцев, лакцев и чеченцев в возрастных подгруппах «до 20 лет» и «от 60 лет и выше», каждым пятым в подгруппе «от 50 до 60 лет», имеющими среднее и среднее специальное образование, каждым шестым опрошенным среди русских, а также в подгруппах «от 20 до 30 лет» и «от 40 до 50 лет», каждым седьмым среди лезгин, в возрастной подгруппе «от 30 до 40 лет», каждым восьмым опрошенным среди даргинцев. При этом противоположной оценки земельной реформы с мотивацией «она способствует дальнейшей коррупции» придерживается каждый пятый опрошенный по всему массиву, из них каждый четвертый среди русских, даргинцев и лакцев, а также в возрастных подгруппах «от 30 до 40 лет» и «от 40 до 50 лет», каждый пятый среди аварцев, в возрастной когорте «от 20 до 30 лет», каждый шестой среди кумыков, каждый седьмой опрошенный среди лезгин и чеченцев, в подмассиве «от 50 до 60 лет» и «от 60 лет и выше». Следует отметить, что с повышением образовательного статуса увеличивается доля придерживающихся данной позиции: 11,6% со средним, 22,2% – средним специальным и 26,8% высшим образованием. Далее, каждый шестой опрошенный по всему массиву также настроен положительно, ибо земельная реформа «позволит развивать сельское хозяйство республики», причем выбравших данное суждение больше среди лезгин, в подмассиве «до 20 лет», имеющих среднее образование (каждый четвертый опрошенный) и мень-

ше всего среди русских, а также в возрастной подгруппе «от 50 до 60 лет» (5,8%). На пятом и шестом местах по всему массиву располагаются негативное отношение к земельной реформе, ибо она «приведет к росту межнациональной напряженности» и «провоцирует межнациональные конфликты». По этнической принадлежности первое суждение ближе каждому четвертому опрошенному среди чеченцев, каждому пятому среди даргинцев, каждому шестому среди кумыков, каждому восьмому среди аварцев и лакцев, каждому десятому опрошенному среди русских; по возрастному признаку: 13,7% респондентов «от 30 до 40 лет», 14,2% «от 40 до 50 лет», 16,5% «до 20 лет», 17,3% «от 50 до 60 лет», 19,0% «от 20 до 30 лет», 25,0% «от 60 лет и выше». Вторую позицию отметил каждый четвертый опрошенный среди кумыков и чеченцев, а доля остальных почти в 2,0–2,5 раза меньше; по возрасту ответы распределились следующим образом: 7,1% опрошенных «от 60 лет и выше», 11,3% «от 40 до 50 лет», 11,7% «от 20 до 30 лет», 13,2% «от 30 до 40 лет», 13,6% «до 20 лет» и 15,4% респондентов «от 50 до 60 лет».

Таким образом, полученные результаты нашего социологического исследования показывают, что в установках опрошенных дагестанских народов существует противоречивое отношение, соответственно, и оценка проводимой в республике земельной реформы, которую они, с одной стороны, характеризуют позитивно, с другой, усматривают заложенный в ней конфликтный потенциал.

С учетом сложности и неоднозначного отношения дагестанских народов к земельной реформе, специфики некоторых ее положений участникам опроса был задан «контрольный вопрос» (табл. 3).



Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «В Дагестане проводится земельная реформа, и одним из ее положений является передача земель, на которых расположены поселения на землях отгонного животноводства, из государственной в муниципальную собственность. Согласны ли вы с этим?», % от общего количества опрошенных

Варианты ответов	Национальности								
	аварцы	даргинцы	кумыки	лакцы	лезгины	русские	чеченцы	другие	всего
Да, если земли будут переданы в муниципальную собственность моего района, т. е. района, на территории которого находятся эти земли	27,6	34,3	12,1	36,1	31,8	42,1	15,5	25,0	26,4
Да, если эти земли будут переданы в муниципальную собственность районов (Ахвахского, Гунибского, Хунзахского, Тляртинского и т. д.), которые имеют земли отгонного животноводства на равнинных территориях Дагестана	25,8	9,1	3,4	8,3	14,0	5,3	39,5	18,8	18,1
Нет, потому что местное население на равнине потеряет свои исторические (этнические) территории, в связи с чем возможно появление межнациональных конфликтов и противостояние	38,0	36,4	29,3	30,6	30,2	36,8	36,4	25,0	34,2
Нет, потому что земельная реформа направлена на «захват» земель традиционного проживания кумыков, ногайцев, русских и т. д.	31,1	16,8	47,4	15,3	10,1	10,5	13,2	6,3	18,0

Результаты нашего социологического исследования, представленные в табл. 3, констатируют несогласие опрошенных дагестанских народов с проводимой в республике земельной реформой с мотивацией, что «местное население на равнине потеряет свои исторические (этнические) территории, в связи с чем возможно появление межнациональных конфликтов и противостояние» (каждый второй опрошенный по всему массиву); по этнической принадлежности данную позицию разделяет каждый третий опрошенный среди аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин, русских и кумыков; 50,0% в возрастной подгруппе «от 60 лет и выше», 38,1% «до 20 лет», 35,7% «от 30 до 40 лет», 31,1% «от 40 до 50 лет», 30,8% «от 50 до 60 лет», 30,2% «от 20 до 30 лет»; 36,1 % со средним, 33,5% средним специальным и 35,2% высшим образованием. Но при этом в массовом сознании опрошенных кумыков преобладает позиция, что «земельная реформа направлена на “захват” земель традиционного проживания кумыков, ногайцев, русских и т. д.» (каждый второй респондент), хотя на него указал каждый третий среди аварцев, а доля остальных народов в 2,0–2,5 раза меньше; по социально-демографическому признаку ответы распределились следующим образом: 10,7% в подгруппе «от 60 лет и выше», 16,5% «до 20 лет», 17,3% «от 50 до 60 лет», 18,9% «от 40 до 50 лет», 20,1%

«от 20 до 30 лет», 20,3% «от 30 до 40 лет»; 18,6% со средним, 19,6% средним специальным, 16,8% высшим образованием.

Далее, каждый четвертый опрошенный по всему массиву согласен на передачу земель из государственной в муниципальную собственность, если они «будут переданы в муниципальную собственность района, на территории которого находятся эти земли»; по этнической принадлежности данный вариант ответа разделяет каждый второй респондент среди русских, каждый третий среди даргинцев, лакцев, лезгин; в возрастных подгруппах «от 30 до 40 лет», «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет» и «от 60 лет и выше»; имеющие высшее образование – каждый четвертый опрошенный среди аварцев в подгруппе «до 20 лет», «от 20 до 30 лет» – имеющие среднее специальное образование, и их заметно меньше в подмассиве кумыков и чеченцев.

На предпоследнем месте располагается суждение «если эти земли будут переданы в муниципальную собственность районов (Ахвахского, Гунибского, Хунзахского, Тляртинского и т. д.), которые имеют земли отгонного животноводства на равнинных территориях Дагестана», и оно доминирует в установках респондентов чеченцев, хотя большая доля аварцев также указала на него, в остальных этнических подгруппах разделяющих данную позицию заметно меньше; по



возрастному признаку ответы распределились следующим образом: 23,4% респондентов «до 20 лет», 17,9% «от 60 лет и выше», 15,1% «от 20 до 30 лет», 14,2% «от 40 до 50 лет», 13,7% «от 30 до 40 лет», 13,5% «от 50 до 60 лет».

Таким образом, опрошенные дагестанские народы в целом не согласны с одним из основных положений земельной реформы, предполагающим передачу земель отгонного животно-

водства из государственной в муниципальную собственность, по самым разным мотивам, но наиболее жесткую позицию в данном вопросе занимают кумыки, характеризуя ее как «захват» земель их традиционного проживания.

В исследовании был задан еще один «контрольный вопрос», позволяющий более глубоко проанализировать отношение дагестанских народов к земельной реформе (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Согласны ли вы на передачу земельных наделов под инвестиционные проекты?», % от общего количества опрошенных

Национальности	Варианты ответов					
	Да, это позволит эффективно использовать земли и развивать сельское хозяйство республики	Да, это позволит иметь равный доступ к получению земель под инвестиционные проекты, независимо от национальной принадлежности	Да, если передача земель под инвестиционные проекты будет прозрачной и на публичных торгах	Нет, это провоцирует межнациональное противостояние	Нет, это открывает путь для махинаций и нечистоплотных действий при передаче земель в частные руки	Нет, это станет поводом для коррупционных проявлений
Аварцы	24,4	21,7	25,3	14,9	15,4	14,0
Даргинцы	17,5	7,7	25,9	16,1	28,7	16,1
Кумыки	19,0	5,2	11,2	30,2	22,4	12,9
Лакцы	29,2	16,7	22,2	5,6	19,4	18,1
Лезгины	33,3	7,8	10,1	16,3	15,5	12,4
Русские	15,8	0	21,1	5,3	26,3	21,1
Чеченцы	24,0	20,9	20,9	33,3	9,3	5,4
Другие	25,0	6,3	12,5	18,8	18,8	12,5
Всего	24,0	13,6	19,9	19,3	18,3	13,1

Данные, приведенные в табл. 4, показывают почти равномерное распределение предложенных вариантов ответов, которые одновременно позитивно и негативно настроены к возможности передачи земельных участков под инвестиционные проекты.

Первое ранговое место занимает позиция, демонстрирующая положительную оценку, ибо это позволит эффективно использовать земли и развивать сельское хозяйство республики. Ее разделяет каждый третий опрошенный среди лакцев и лезгин, каждый четвертый среди аварцев и чеченцев, каждый пятый среди кумыков, каждый шестой опрошенный среди даргинцев и русских. С возрастом уменьшается доля придерживающихся данной позиции: 31,5% «до 20 лет», 24,0% «от 20 до 30 лет», 22,0% «от 30 до 40 лет», 15,1% «от 40 до 50 лет», 13,5% «от 50 до 60 лет», 10,7% «от 60 лет и выше».

На второй позиции также располагается положительная оценка, но с существенным уточнением – «если передача земель под инвестиционные проекты будет прозрачной и на публичных торгах», разделяемая каждым четвертым опрошенным среди аварцев и даргинцев, каждым пятым среди лакцев, русских и чеченцев, меньше всего таковых среди кумыков и лезгин; с образовательным статусом увеличивается доля раз-

деляющих данное суждение – 16,8% со средним, 19,6% со средним специальным и 22,1% с высшим и незаконченным высшим образованием.

С небольшой разницей третье ранговое место занимает позиция, что в самом процессе передачи земельных наделов под инвестиционные проекты заложены механизмы ухудшения межэтнических отношений, более того, она может спровоцировать межнациональное противостояние и конфликты. Прогноз такого негативного сценария развития событий присущ каждому третьему опрошенному среди кумыков и чеченцев, каждому шестому среди даргинцев и лезгин, каждому седьмому среди аварцев, в то время как среди респондентов лакцев и русских их доля статистически небольшая; по социально-демографическому признаку его разделяют 25,0% опрошенных «от 50 до 60 лет», 23,8% «до 20 лет», 21,4% «от 60 лет и выше», 17,0% «от 30 до 40 лет», 16,8% «от 20 до 30 лет», 15,1% «от 40 до 50 лет». Кроме того, каждый пятый опрошенный по всему массиву, каждый третий среди даргинцев, каждый четвертый среди русских, каждый пятый среди кумыков и лакцев, каждый шестой опрошенный среди аварцев и лезгин считают, что «это открывает путь для махинаций и нечистоплотных действий при передаче земель в частные руки»; по возрасту доля придержива-



ющихся данного мнения больше в подгруппах «от 60 лет и выше» (35,7%) и «от 30 до 40 лет» (23,6%), а также среди респондентов с высшим и незаконченным высшим образованием (21,5%). Вместе с тем опрошенные дагестанские народы считают, что передача земель под инвестиционные проекты «позволит иметь равный доступ к получению земель под инвестиционные проекты, независимо от национальной принадлежности»; данную позицию по этнической принадлежности разделяет каждый пятый респондент среди аварцев и чеченцев, каждый шестой среди лакцев. Мнения, что земельная реформа и передача земель под инвестиционные проекты может стать поводом для коррупционных проявлений, придерживается каждый пятый опрошенный среди русских, каждый шестой среди лакцев и даргинцев, каждый седьмой среди аварцев, каждый восьмой опрошенный среди кумыков и лезгин.

Таким образом, полученные на блок вопросов по оценке земельной политики и реформы в республике результаты исследования показывают:

1) существование в массовом сознании дагестанских народов при оценке земельной реформы противоположных тенденций: с одной стороны, в целом положительная оценка, с другой, обозначение заложенного в ней потенциала межнационального противостояния, этноконфликтов, ухудшения характера взаимоотношений между дагестанскими народами, базу формирования интолерантного сознания и поведения, а также возможности для коррупционных сделок и т. д.;

2) позитивно к проведению земельной реформы в республике относится каждый третий опрошенный по всему массиву при условии ее прозрачности, с уточнением, «если будут отменены полномочия главы республики по передаче земель из республиканской в муниципальную собственность» и возможности передачи земли под крупные инвестиционные проекты;

3) однако для массового сознания дагестанцев характерна негативная оценка земельной реформы, потому что, во-первых, «с местным населением не согласовывают межграницы и определение статуса отгонных земель», во-вторых, «в результате политики властей последних десятилетий хозяйства горных районов в расчете на одного жителя имеют земли гораздо большие, чем хозяйства равнинных районов» и, в-третьих, «при передаче земель отгонного животноводства в ведение местных муниципалитетов они потеряют особый статус, будут выведены из сельхозоборота и приобретут статус земель поселений»;

4) в ответах на «контрольный вопрос» опрошенные дагестанские народы последовательно и подчеркивают, что передача земельных наделов под инвестиционные проекты может спровоцировать межнациональное противостояние, откроет путь для махинаций и нечистоплотных действий при передаче земель в частные руки и станет поводом для коррупционных проявлений. Однако при этом респонденты усматривают и позитивные последствия, заключающиеся в возможности эффективно использовать земли и развивать сельское хозяйство республики, а также равного доступа к получению земель под инвестиционные проекты, независимо от национальной принадлежности.

Примечания

- 1 См.: Агаев М. Бомба в земле // Черновик. 2015. 6 нояб. С. 1, 19.
- 2 См.: Вагабова С. Сложные отношения с землей // Черновик. 2015. 23 окт. С. 19.
- 3 Вагабова С. Эксперименты над землей // Черновик. 2015. 30 окт. С. 17.
- 4 Кортунюв С. Национальная идентичность. Постигание смысла. М., 2009. С. 416.

Образец для цитирования:

Шахбанова М. М. Земельная реформа в Республике Дагестан: проблемы, противоречия и оценка в общественном сознании дагестанских народов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 280–286. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-280-286.

Cite this article as:

Shakhbanova M. M. Land Reform in the Republic of Dagestan: Problems, Contradictions and Evaluation in Public Consciousness of the Dagestan Peoples. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 280–286 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-280-286.



УДК 371

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ (на основе результатов социологического исследования)

С. В. Степанов, Е. И. Мозговая, Д. А. Кулабухов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: volkovaoa@rambler.ru

Предметом исследования, результаты которого представлены в данной статье, является профессиональная культура муниципальных служащих. В статье анализируются теоретические модели профессиональной культуры работников органов местного самоуправления на примере Белгородской области. В результате проведения исследования установлено, что у муниципальных служащих доминируют рационально-бюрократические установки и патримониальные ожидания. Однако изменения, связанные с переходом к модели государственного менеджмента, все же осуществляются: у муниципальных служащих происходит процесс формирования профессиональной культуры «государственного менеджмента», который сопровождается противоречием между профессиональными нормами и личными ценностями работников. **Ключевые слова:** профессиональная культура, муниципальные служащие.

Problems of Formation of Professional Culture of Municipal Employees (on the Basis of Results of the Sociological Research)

S. V. Stepanov, E. I. Mozgovaia, D. A. Kulabutov

The subject of the study, the results of which presented in this article, is the professional culture of municipal employees. The article presents an analysis of models of professional culture of workers of local government organizations. As a result of the study, it is established that municipal employees are dominated by rational bureaucratic attitudes and patrimonial expectations. However, the transition to the model of public management is carried out. Municipal employees are in the process of forming a professional culture of "public management". This process is accompanied by a contradiction between professional standards and personal values of employees.

Key words: professional culture, municipal employees.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-287-290

Анализ социологической литературы позволяет констатировать проявление немалого исследовательского интереса к качеству управления муниципальной службы. В современном российском обществе усиливаются требования к эффективности и результативности труда муниципальных служащих в связи с социальной значимостью их трудовой деятельности. Профессиональная культура является важнейшим социально значимым качеством муниципально-го служащего. Современный специалист обладает глубокими знаниями в области социального управления, права, экономики, а также владеет



основами профессиональной культуры и постоянно развивает и повышает ее. От того, как муниципальные служащие выполняют свои непосредственные служебные обязанности, зависят уровень и качество жизни населения в каждом конкретном регионе России.

Анализируя сущность и содержание понятия «профессиональная культура», мы придерживаемся точки зрения отечественного исследователя Л. Д. Паруниной, понимающей под профессиональной культурой «неотъемлемое свойство профессиональной общности, регулирующее через систему профессиональных знаний, умений, навыков, норм и ценностей внутри- и межпрофессиональные взаимодействия и выступающее мерой развития профессии в конкретном обществе»¹. Рассмотрим три модели профессиональной культуры: бюрократическую и патримониальную модель (М. Вебер), а также модель «государственного менеджмента»².

М. Вебер понимал под бюрократией идеальную модель, основными постулатами которой являются рациональность, высокий профессионализм, независимость от власти, что обеспечивается такими процедурами, как четкая структура организации, рекрутирование на основе открытых конкурсов, карьерный рост на основании меритократических критериев, конкурентоспособное вознаграждение и определенные социальные гарантии для служащих³.

Ученый выделяет патримониальную модель профессиональной культуры и противопоставляет ее модели бюрократической. Суть патримониальной модели заключается в следующем: в условиях, когда новые нормы профессиональной деятельности только лишь создаются, а старые нормы уже не действуют, муниципальные служащие в своей работе начинают руководствоваться интересами руководителя организации, ориентироваться на его субъективные цели, интересы, а не на интересы и потребности населения. В результате у муниципальных служащих отсутствует потребность в инновациях, в карьерном росте, пропадает желание служить интересам и потребностям общества⁴.

Третья модель профессиональной культуры – модель «государственного менеджмента». В современной России происходит процесс формирования данной модели. В отличие от патримониальной, модель «государственного менеджмента» направлена на инновации, на совершенствование уже достигнутых результатов.



В своей профессиональной деятельности муниципальные служащие должны ориентироваться на удовлетворение социальных потребностей населения в контексте государственно значимого целеполагания.

Деятельность чиновников должна носить открытый характер: помимо освещения результатов работы муниципальных служащих в средствах массовой информации, обязательными являются постоянное повышение квалификации специалистов, совершенствование их профессионального мастерства. В рамках модели «государственного менеджмента» денежное вознаграждение муниципальным служащим определяется реальным объемом работы, выполненной чиновниками; уровень ответственности четко закрепляется, служащие ориентированы как на вертикальное, так и на горизонтальное продвижение. А оно во многом зависит от профессиональной культуры работника, от его отношения к местному населению.

Социологи, анализируя результаты проведения фокус-групп с муниципальными служащими, отмечают, что именно в условиях конкретного региона, районного центра, населенного пункта появляется возможность наиболее полно учесть интересы, потребности, жизненные ценности и ориентиры местного сообщества, принимая во внимание условия проживания людей, характер межличностных и межгрупповых взаимоотношений, имеющиеся ресурсы для решения проблем и повышения качества жизни населения⁵. В связи с этим муниципальные служащие должны быть ориентированы на постоянное совершенствование своей профессиональной культуры.

Для изучения проблем формирования профессиональной культуры муниципальных служащих в январе–марте 2017 г. нами был проведен анкетный опрос муниципальных служащих Белгородской области. В исследовании приняли участие 360 человек.

При ответе на вопрос «Каковы причины Вашего поступления на муниципальную службу?» 46% опрошенных выбрали вариант ответа «постоянная работа и стабильность заработной платы», 41% – «возможность карьерного роста», 38% – «удовлетворение своих амбиций», 34% – «стремление установить связи с “нужными” людьми», 32% – «материальное благополучие», 29% – «стремление принести пользу обществу», 26% – «потребность помогать людям», 22% – «желание реализовать свои способности», 11% – «желание быть ближе к власти», 6% – «желание реализовать себя в управлении».

Как указано выше, 29% опрошенных нами муниципальных служащих при выборе места работы ориентировались на стремление принести пользу обществу (29%) и на реализацию собственной потребности помогать людям (26%). Однако, согласно результатам исследования

других социологов, на помощь местных органов власти полностью полагаются лишь 10% сельского населения и 0% жителей малых городов и ПГТ; при этом на значительную помощь от государства рассчитывают 30% населения сельских и 45% городских населенных пунктов⁶.

Таким образом, ведущее место в мотивационном механизме у респондентов занимают личные, а не социально значимые факторы. Мотивы служения обществу признаются значимыми, тем не менее, рассматриваются участниками опроса как второстепенные. Установлено, что важным объединяющим фактором для респондентов является чувство принадлежности к «своей» социально-профессиональной группе.

Как показали результаты анкетирования, респондентов больше всего привлекает в профессиональной деятельности оплата труда (32%) и карьерный рост (28%). Примечательно, что к продвижению по службе стремятся муниципальные служащие преимущественно в возрасте 25–35 лет (38%) и 36–45 лет (23%).

Профессиональное самосовершенствование важно для 20% участников исследования. Они отмечают, что в их работе наиболее привлекательным фактором является возможность наиболее полно реализовать себя в профессиональной сфере и получить новые знания. Респонденты считают свою профессию престижной и значимой в современном обществе.

Среди опрошенных 14% отметили, что их заработная плата относительно небольшая, зато стабильная, гарантированная. Именно данный фактор привлекает респондентов в их профессиональной деятельности. Полное отсутствие интереса к своей профессии признали 6%. Однако они отметили, что боятся увольнения с места работы, поэтому вынуждены «надеть маску» заинтересованности своей службой.

По мнению участников опроса, лучшим временем для начала работы в качестве муниципального служащего является возраст до 30 лет – так полагают 64% опрошенных.

Таким образом, доля тех, чье истинное призвание – муниципальная служба, достаточно небольшая. Большинство опрошенных нами служащих рассматривают свою профессию как источник стабильного дохода и карьерного роста.

На наш взгляд, представляет интерес то, каким образом участники опроса были приняты на службу в органы власти. При ответе на поставленный вопрос 64% респондентов выбрали вариант ответа «помощь родственникам и друзей», 21% – «устроились на работу случайно», 15% – «приняты на работу “по конкурсу”». У большинства опрошенных подобный способ принятия на муниципальную службу вызывает протест (59%). Однако, как видно из результатов исследования, многие из участников опроса были трудоустроены именно «по знакомству» или «по воле случая». Всего 22% респондентов имеют



опыт работы вне органов государственной власти и отмечают, что именно он помогает им в нынешней профессиональной деятельности.

Таким образом, неформальные практики продолжают являться доминирующим способом при трудоустройстве на муниципальную службу.

Участникам исследования был задан вопрос «Какими, на Ваш взгляд, качествами должен обладать современный муниципальный служащий?». Нами были получены следующие результаты: 37% опрошенных полагают, что отличительными чертами работника муниципальной службы должны быть «дисциплинированность и ответственность», 34% – «честность и неподкупность», 33% – «справедливость и принципиальность», 30% – «доброжелательность», 28% – «предприимчивость», 26% – «лояльность к власти», 22% – «компетентность», 19% – «демократичность», 16% – «умение работать с людьми, коммуникабельность».

Отвечая на вопрос, чьи интересы защищают муниципальные служащие, 52% респондентов выбрали вариант ответа «интересы государства», 49% – «интересы ведомства (организации)», 41% – «интересы населения», 34% – «интересы руководства», 28% – «собственные интересы».

При выполнении служебных обязанностей участники социологического опроса руководствуются «интересами общества и государства» (38%), «должностными инструкциями» (24%), «указаниями руководства» (20%), «собственными представлениями о способах выполнения служебных обязанностей» (18%). В своей профессиональной деятельности 97% опрошенных исполняют свои служебные обязанности в строгом соответствии с законами Российской Федерации, 3% уклонились от ответа на данный вопрос.

Большинство респондентов (67%) полагают, что для выполнения поставленных задач им достаточно полученного образования и они не нуждаются в получении дополнительных знаний. Еще 25% опрошенных готовы получать дополнительное образование и заниматься самообразованием, 8% затруднились ответить. Тем не менее, респонденты признают, что они нуждаются в получении дополнительных знаний по специальным вопросам профессиональной деятельности (37%), в области информационных технологий (30%), в сфере делопроизводства и документооборота (27%), в финансово-экономической сфере (22%), в области юриспруденции (12%).

Показательно, что 62% опрошенных не рассматривают для себя вариант смены профессиональной деятельности.

Как показывают результаты исследования, абсолютное большинство (74%) респондентов хорошо понимают цели и задачи муниципальной службы. Так, 59% опрошенных отмечают, что их должностные обязанности «четко определены»,

38% считают, что их должностные обязанности определены недостаточно четко, 3% затруднились ответить.

Среди участников опроса 58% ожидают от руководителя своей организации «конкретных рекомендаций и советов по выполнению поставленной задачи», 34% ждут от непосредственного руководителя «жесткого контроля над выполнением задания», 8% затрудняются ответить на данный вопрос. Для решения поставленной задачи 42% респондентов «достаточно постановки общей задачи», для 27% опрошенных «необходимо детализировать проблему и способы ее выполнения», 23% самостоятельно формулируют проблему и выбирают способы ее решения, 8% респондентов уклонились от ответа.

При ответе на вопрос «С какими проблемами Вы наиболее часто сталкиваетесь в ходе выполнения служебных обязанностей?» 42% опрошенных ответили: «недостаточное финансирование проектов, мероприятий», 38% – «несовершенство нормативно-правовой базы», 29% – «несовершенство системы социального партнерства в реализации проектов различного рода», 10% – «гражданскую пассивность современного общества», 3% – «несвоевременное предоставление отпуска», еще 14% респондентов отметили, что проблемы в их профессиональной деятельности отсутствуют. Большим недостатком экспертов (82%) было отмечено, что «бюрократизм», большой объем документации, которую необходимо вести чиновникам, не способствует повышению эффективности муниципальной службы, а, напротив, понижает ее.

При принятии управленческого решения 51% опрошенных ориентируются на мнение непосредственного руководителя, 29% – на мнение коллег, 20% – опираются на собственное мнение.

Большая часть респондентов (65%) утверждает, что руководство приветствует инициативы подчиненных, 31% считают, что руководство иногда может прислушаться к предложениям подчиненных и оказать им поддержку, 4% отмечают, что их руководство практически никогда не поддерживает инициативы своих работников.

Таким образом, профессиональная культура – это важное качество современного муниципального служащего. Можно сделать вывод о том, что у муниципальных служащих доминируют рационально-бюрократические установки и патримониальные ожидания, однако изменения, характерные для менеджерской модели, все же происходят. В ходе проведения социологического исследования установлено, что в настоящее время у муниципальных служащих Белгородской области происходит процесс формирования профессиональной культуры «государственного менеджмента», в результате чего профессиональные нормы и личные ценности чиновников могут противоречить друг другу.



Примечания

- ¹ Парунина Л. Д. К вопросу изучения профессиональной культуры муниципальных служащих // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. № 8. С. 165.
- ² См.: Охотский Е. В. Государственное управление : на пути к современной модели государственного менеджмента // Вестн. МГИМО Университета. 2014. № 3 (36). С. 7–13.
- ³ См.: Вебер М. Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии : в 4 т. : пер. с нем. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М. : ИД ВШЭ, 2016.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Чефонова Е. А., Волкова О. А., Мозговая Е. И. Региональная специфика социализации населения в Ракитянском районе Белгородской области // Вестн. КемГУ. 2015. Т. 3, № 3 (63). С. 54–59.
- ⁶ См.: Чефонова Е. А., Волкова О. А., Мозговая Е. И. Анализ специфики социальной интеграции населения, проживающего в городских и сельских населенных пунктах // Вестн. ЮРГТУ (НПИ). 2016. № 2. С. 154–160.

Образец для цитирования:

Степанов С. В., Мозговая Е. И., Кулабутов Д. А. Проблемы формирования профессиональной культуры муниципальных служащих (на основе результатов социологического исследования) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 287–290. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-287-290.

Cite this article as:

Stepanov S. V., Mozgovaia E. I., Kulabutov D. A. Problems of Formation of Professional Culture of Municipal Employees (on the Basis of Results of the Sociological Research). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 287–290 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-287-290.

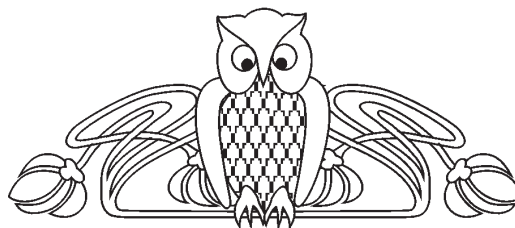


УДК 364.04

СОЦИАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕЗДОМНОСТИ: РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Е. И. Уфимцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ufim75@mail.ru



Статья посвящена теоретическому анализу исторических и современных практик социальной помощи бездомным в России. Выделяются социальные модели преодоления бездомности: репрессивная, реабилитационная, экстренная, приютская, эксплуататорская. Дается описание моделей преодоления бездомности, рассматриваются конкретные случаи преодоления бездомности в рамках той или иной модели. Дается оценка деятельности таких социальных учреждений и организаций помощи бездомным, как рабочие дома, дома трудолюбия, государственные учреждения социального обслуживания лиц без определенного места жительства и занятий, Санкт-Петербургская региональная благотворительная общественная организация «Ночлежка», низкопороговый центр помощи бездомным «Ангар спасения» (г. Москва), православные приюты для бездомных. Освещается социальная помощь бездомным в г. Саратове и Саратовской области.

Ключевые слова: бездомные, социальная помощь бездомным, реабилитационные центры для бездомных, рабочие дома, дома трудолюбия, церковная помощь бездомным.

Social Model of Overcoming Homelessness: the Russian Practice

E. I. Ufimceva

The article is devoted to theoretical analysis of historical and contemporary practices of social assistance to the homeless in Russia. Allocated social model of overcoming homelessness: punitive, rehabilitative, emergency, shelter, exploitative. Describes models of overcoming homelessness, discusses specific cases of overcoming homelessness in the framework of a particular model. Assesses the performance of social institutions and organizations helping the homeless, such as workhouse, house of industry, government agencies, social service of persons without a certain residence and occupations of the St. Petersburg regional charitable public organization "Nochlezhka", the low-threshold centre for homeless "The Hangar of salvation" (Moscow), the Orthodox homeless shelters.

Key words: homeless people, social assistance to the homeless, rehabilitation centers for the homeless, workhouses, houses of diligence, church help to the homeless.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-291-297

Бездомность – это общеисторическое социокультурное явление, научное изучение которого началось во второй половине XIX в. Сегодня проблема бездомности в России является предметом изучения разных научных дисциплин: истории, медицины, экономики, правоведения, культурологии, социологии, психологии, социальной работы. В то же время необходимо констатировать,

что в общем объеме научных исследований работ, посвященных проблеме бездомности, крайне мало. Еще меньше масштабных межрегиональных эмпирических исследований в этой сфере. К таковым относятся межрегиональное исследование «Социальные и правовые аспекты проблемы бездомности» (2006 г.), исследование Светланы Стивенсон «Пересекая черту: бродяжничество, бездомность и социальное вытеснение в России» (2006 г.), исследование Е. Коваленко и Е. Строковой «Бездомность: есть ли выход» (2013 г.).

В центре внимания исследователей находятся следующие аспекты изучения данной проблемы:

- история феномена бездомности в России;
- социальный и правовой статус бездомного в современном обществе;
- социально-психологический портрет бездомного;
- причины бездомности;
- совокупность экономических и социальных факторов и последствий бездомности в обществе;
- особенности субкультуры, которая складывается в среде бездомных;
- отношение общества к проблеме бездомности;
- особенности социальной адаптации и ресоциализации бездомных;
- социальная работа с бездомными.

Исследований, посвященных изучению непосредственно технологий, методов, моделей социальной реабилитации бездомных и оценки их эффективности, крайне мало.

В то же время имеющийся на данный момент социокультурный опыт помощи бездомным достаточно обширен. Это, во-первых, практики социальной поддержки бездомных, которые существовали в предыдущие исторические эпохи как в России, так и за рубежом. Во-вторых, отдельное направление (или направления) исследования представляет собой изучение современных зарубежных моделей помощи бездомным. В-третьих, обширный практический материал представляет российская система социальной работы с бездомными, формирующаяся на современном этапе. В данной статье представлены только некоторые практики социальной помощи бездомным, которые существовали в России



в недавнем историческом прошлом и которые существуют сегодня. При этом описание этих практик будет носить скорее обзорный, чем аналитический характер, так как глубокая объективная оценка тех или иных моделей преодоления бездомности, степени их эффективности требует проведения ряда соответствующих теоретических и эмпирических исследований.

Оглядываясь на историю как российской, так и зарубежной благотворительности и социальной помощи, мы можем наблюдать, что отдельного направления помощи бездомным до XX в. не существовало, как, собственно, не было и самого социального статуса «бездомный», зато были другие статусы – «бродяга», «нищий».

Одной из социальных мер решения проблемы бродяжничества и нищенства в Европе стали работные (рабочие) дома. Как отмечают исследователи, попытки учредить заведения с принудительным трудом предпринимались во Франции еще в начале XVII в. (1612 г.)¹. Вместе с тем первый работный дом как учреждение закрытого типа был открыт в Англии в 1697 г. в Бристоле. Немного позднее подобные учреждения стали открываться в Германии, Швейцарии, Бельгии. Это были государственные или частные учреждения закрытого типа, направленные на изоляцию и принуждение к труду нищих и бродяг.

Отличительными особенностями работных домов являлись:

- отсутствие дифференциации подопечных по состоянию психического и физического здоровья, причинам нищенства;

- ограничение подопечных в правах. Помещенные в работные дома были ограничены в свободе передвижения, распоряжения личным имуществом, в отдельных случаях – создания семьи;

- минимизация социально-бытовых услуг. В данных учреждениях были популярны два лозунга: «Тебе будет предоставлен кров, но ты должен знать, что тебе здесь не рады» и «Мы дадим тебе хлеб, но мы хотим, чтобы он был для тебя горьким»²;

- практическое отсутствие медицинской помощи для тех, кто в ней нуждался;

- принудительный, тяжелый и длительный труд. Продолжительность работ доходила от 12 до 16 часов в день, чтобы не оставалось времени на праздность;

- применение физических наказаний за нарушение дисциплины было нормой для работных домов. Например, если во время случайной встречи разлученные родители и дети пытались хотя бы заговорить друг с другом, их ждало наказание. Тех, кто пытался бежать или возмущался, заковывали в кандалы;

- отсутствие психолого-педагогических мер реабилитации. Единственный досуг, который могли себе позволить подопечные, представлял собой участие в еженедельной воскресной церковной службе.

С учетом вышеуказанных особенностей модель социальной помощи бездомным, которую реализовывали работные дома, можно назвать репрессивной, представляющей собой комплекс мер по изоляции бездомных от общества, подавления их физических, социально-психологических, духовных потребностей, исполнению карательной функции труда, физического и морального насилия.

С постепенным введением в Европе социального страхования по безработице и развитием института социальной работы к 30-м гг. XX в. необходимость в работных домах постепенно отпала.

В России попытка внедрения системы работных домов была осуществлена при Екатерине II. В 1775 г. ею был издан указ о создании подобных учреждений³. Однако вскоре в них стали помещать не только нищих, но и преступников. И постепенно работные дома были преобразованы в тюрьмы. Так, московский работный дом, созданный при Екатерине II, сначала объединили со смиренным домом для «буйных ленивцев», а в 1879 г. преобразовали в городскую тюрьму, известную как «Матросская тишина». В целом работные дома имели мало успеха и открытые еще в Красноярске и Иркутске просуществовали до 1853 г.

В то же время в нашей стране во второй половине XIX в. сформировался иной тип социального учреждения для нищих и бездомных, получивший название «дома трудолюбия». Деятельность домов трудолюбия, с нашей точки зрения, можно отнести к реабилитационной модели преодоления бездомности. Данная модель направлена на оказание комплексной и дифференцированной помощи бездомным путем организации условий для формирования или восстановления ими способности к самостоятельной жизни путем применения различных видов реабилитации: социально-бытовой (создание условий для удовлетворения потребности в питании, в жилье, в санитарно-гигиеническом уходе), социально-правовой (создание условий для восстановления прав личности), социально-экономической (создание условий для реализации образовательной и трудовой потребностей), социально-психологической, социально-педагогической, духовной.

Как указывают исследователи, первый дом трудолюбия был основан в 1882 г. при Андреевском соборе г. Кронштадта инициативой святого праведного Иоанна Кронштадтского⁴. Это было учреждение открытого типа, основанное на христианских принципах любви и заботы о ближних, комплексно решающее проблемы нищих. Отличительными особенностями домов трудолюбия являются:

- открытый и добровольный характер;
- дифференцированный, комплексный, системный подход к решению проблем нуждающихся;



– разнообразие видов и форм помощи. Так, при доме трудолюбия одновременно создавались условия: для трудоустройства мужчин и женщин; предоставления ночлега и питания; для содержания детей-сирот действовал сиротский приют на 50 человек, для детей работающих матерей работал детский сад с летней загородной дачей; для содержания нетрудоспособных женщин работала богадельня на 22 человека; для малоимущих сдавались квартиры за сниженную плату (совершенно бедные женщины и вдовы с детьми жили в них бесплатно); для всех нуждающихся существовала бесплатная амбулатория, принимавшая в год 2–3 тысячи человек; оказывалась экстренная гуманитарная и финансовая помощь попавшим в трудную жизненную ситуацию (погорельцам, ограбленным путешественникам, крайне нуждающимся);

– наличие социально-педагогической реабилитации. При домах трудолюбия действовали начальная школа на 200 детей, ремесленные мастерские с бесплатным обучением для мальчиков и девочек, воскресная школа для взрослых, бесплатные курсы шитья для женщин, библиотека, книжная лавка.

Эффективность реабилитационной модели помощи нищим и бездомным, реализуемая домами трудолюбия, была очевидна. Подобный опыт стал распространяться и в других городах России. К 1895 г. учреждено 52 дома трудолюбия, а к 1898 г. – 130.

В 1889 г. дом трудолюбия был открыт в Саратове при непосредственном участии святого праведного Иоанна Кронштадского⁵. Его открытию предшествовало создание общества «Дома трудолюбия». Членский взнос для вступления в это общество составлял всего один рубль, но многие его члены сдавали гораздо большие суммы. Энтузиастам удалось собрать 5,5 тыс. рублей добровольных взносов. К тому же жительница Саратова Елизавета Алексеевна Берлиндер-Родионова предоставила для будущего дома трудолюбия свой дом, находившийся на углу Московской и Камышинской улиц (в настоящее время улица Рахова) сроком на десять лет. Уже в первый год своей работы дом трудолюбия предоставил заработок 1241 человеку, в том числе 110 детям. В дальнейшем число обеспечиваемых работой возросло до четырех тысяч человек в год. Саратовский дом трудолюбия просуществовал до 1917 г. Здание детского отделения сохранилось до наших дней – это жилой дом на углу ул. Московской и ул. Вознесенской. После Революции 1917 г. все дома трудолюбия в Советской России были закрыты «за ненадобностью».

Разумеется, работные дома и дома трудолюбия являются не единственными учреждениями социальной помощи бездомным в рассматриваемый период. Отдельного внимания заслуживает изучение опыта деятельности ночлежных домов,

занимавших важное место в практике помощи бездомным.

На современном этапе реабилитационную модель преодоления бездомности в России, по нашему мнению, реализует Санкт-Петербургская региональная благотворительная общественная организация «Ночлежка». На сегодняшний день это самая крупная и самая опытная общественная организация, оказывающая комплексную помощь бездомным. Свою деятельность организация начала в 1990 г. Основная ее цель – комплексная реабилитация бездомных, оказавшихся в трудной жизненной ситуации или «возвращать людей к обычной жизни»⁶. Основными направлениями деятельности данной организации являются:

– социально-бытовая реабилитация, направленная на поддержание жизнедеятельности бездомных, а именно: ночлега, питания, одежды и обуви, предметов первой необходимости, организацию условий гигиенического ухода;

– социально-медицинская реабилитация – обеспечение медикаментами, содействие в оказании бездомным медицинской помощи;

– социально-правовая реабилитация – содействие в оформлении необходимых документов и получении бездомными причитающихся им по закону социальных выплат, бесплатная юридическая консультация и представление интересов нуждающихся в суде, оформление в интернаты для престарелых и инвалидов, поиск родственников;

– социально-экономическая реабилитация – содействие в поиске работы, получении дополнительного образования;

– социально-психологическая реабилитация – содействие в социально-психологической адаптации бездомных; реабилитация бездомных с алкогольной и наркотической зависимостью;

– информационная деятельность – информирование нуждающихся о видах помощи, которые оказывают бездомным «Ночлежка» и другие организации Санкт-Петербурга;

– просветительская деятельность и работа с общественностью – организация и участие в мероприятиях, направленных на формирование доброжелательного и понимающего отношения общества к бездомным, оказавшимся в трудной жизненной ситуации;

– работа с волонтерами. Основным субъектом помощи в организации являются волонтеры. Как отмечают сами организаторы проекта, за 27 лет работы «Ночлежки» в ее мероприятиях приняли участие около 1000 волонтеров, многие из которых стали сотрудниками.

Указанные направления деятельности «Ночлежки» реализуются в рамках следующих проектов:

– реабилитационный приют для бездомных на 52 места;

– ночной автобус;



- пункты обогрева;
- «Дом на полдороги» – приют для бездомных с алкогольной и наркотической зависимостью;
- «Культурная прачечная» – бесплатная прачечная для бездомных;
- консультационная служба по юридическим и социальным вопросам;
- справочник бездомного и информационные листовки;
- благотворительные и информационные акции (например, сбор пасхальных куличей для бездомных на Пасху);
- школа волонтеров и участников других инициатив помощи бездомным.

Реабилитационная направленность, комплексный и системный подход к преодолению бездомности, разнообразие видов и форм помощи бездомным, дифференцированный подход к нуждающимся в их трудной жизненной ситуации, характеризующие деятельность «Ночлежки», позволяют отнести ее к реабилитационной модели преодоления бездомности.

Большинство других российских некоммерческих организаций, в том числе религиозных (православных, католических, протестантских), в своей практике преодоления бездомности реализуют экстренную модель. Экстренная модель преодоления бездомности направлена на предоставление бездомным ресурсов для удовлетворения их срочных потребностей – в получении временного жилого помещения, в питании, в срочной медицинской, социальной помощи, психологической, юридической помощи. В качестве основного примера этой модели можно привести деятельность православной службы помощи «Милосердие» – крупнейшей благотворительной организации в России, одним из направлений деятельности которой является помощь бездомным в рамках таких социальных проектов, как Служба помощи бездомным, программа «Возвращение», ресурсный центр по содействию бездомным в трудоустройстве, низкопороговый центр помощи бездомным «Ангар спасения».

Служба помощи бездомным более 10 лет занимается проблемами бездомных. Ежемесячно у службы насчитывается более 250 подопечных⁷. Основные направления деятельности службы:

- профилактика бездомности на вокзалах, оказание экстренной социальной помощи людям, которые попали в сложную жизненную ситуацию;
- помощь бездомным в московских больницах, осуществление социального сопровождения бездомных в процессе лечения и в постстационарный период;
- экстренная помощь бездомным на улице.

Одним из проектов службы является благотворительная программа «Возвращение», которая направлена на профилактику бездомности и социальную реабилитацию бездомных. Цель

программы – помочь людям, которые оказались без крова и без поддержки близких, вернуться к нормальной жизни⁸. За три года работы программы «Возвращение» помощь получили около 4200 человек. Каждый месяц сотрудники Службы помощи бездомным находят место проживания для 135 человек: кому-то помогают вернуться к семье, которую пришлось покинуть в поисках заработка; кому-то соцработники помогают помириться с родней; для кого-то находится место в приюте или реабилитационном центре. Значительная часть расходов по оказанию помощи бездомным связана с приобретением билетов для людей, оказавшихся без крова.

Проект «Ангар спасения» представляет собой низкопороговый центр помощи бездомным⁹. Это каркасная палатка, предназначенная для ночлега бездомных. При палатке действуют мобильная душевая, пункт социального работника. Социальный работник в палатке оказывает бездомным помощь в восстановлении документов, налаживании связей с родственниками, поиске временного приюта и работы, отправке домой. На территории ангара для бездомных круглосуточно доступен бесплатный телефон-автомат для звонков по России: с его помощью бездомные смогут связаться с родственниками или вести поиски работы. Попасть в ангар может любой человек, оказавшийся в кризисной ситуации без крыши над головой, независимо от наличия документов и места регистрации. Ежедневно «Ангар спасения» принимает до 100 человек.

С февраля 2017 г. стартовал новый проект службы помощи бездомным – ресурсный центр по содействию бездомным в трудоустройстве. За первые полтора месяца работы центра за помощью обратились порядка 50 человек, 10 из которых уже работают, в том числе и в фермерских хозяйствах.

Экстренная модель преодоления бездомности реализуется православными храмами в различных епархиях, прежде всего в рамках таких форм помощи, как:

- организация питания бездомных;
- предоставление бездомным гуманитарной помощи;
- содействие в устройстве бездомных в медицинские учреждения, в центры адаптации для бездомных, в отправке домой.

Например, при домовом храме МГУ во имя святой мученицы Татианы организовано добровольческое движение «Пельмешки на Плешке», основная деятельность которого – выезды для кормления и оказания помощи бездомным на площадь трех вокзалов: Курского, Ленинградского, Ярославского¹⁰.

Экстренная модель преодоления бездомности реализуется также в деятельности православной волонтерской службы «Добро», с января 2016 г. действующей при кафедральном Свято-Троицком соборе г. Саратова. Работа службы по



оказанию помощи бездомным ведется в трех направлениях:

– экстренная помощь бездомным, обратившимся в храм. Она включает содействие бездомным в оформлении в саратовские приюты для бездомных, предоставление им теплой одежды, обуви, продуктов питания;

– гуманитарная помощь Саратовскому центру социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий, включающему два отделения: отделение ночного пребывания и стационарное отделение для инвалидов. Волонтеры организуют поездки в отделения центра с целями знакомства с подопечными, выяснения их нужд, оказания посильной гуманитарной помощи, духовного окормления подопечных, проведения катехизаторских бесед;

– помощь православному приюту для алкоголе- и наркозависимых лиц без определенного места жительства и занятий при храме Александра Невского села Афанасьевка, действующего при благотворительном фонде «Соломон» (г. Саратов). Взаимодействие волонтеров службы с православным приютом включает: предоставление гуманитарной помощи в течение года, предоставление методической и информационной помощи, содействие в поиске источников финансирования.

Необходимо отметить, что экстренная модель преодоления бездомности присуща большинству светских некоммерческих организаций социальной направленности, действующих в сфере помощи бездомным. Среди таковых можно назвать: Мурманскую региональную благотворительную общественную организацию помощи бездомным «Улица», Воронежскую региональную благотворительную общественную организацию «Рассвет», Владимирский фонд социальной поддержки и адаптации граждан «Дорог каждый», Екатеринбургскую социально ориентированную ассоциацию «Бюро помощи гражданам».

Реабилитационную и экстренную модели преодоления бездомности объединяет реабилитационная направленность деятельности. Отличительными особенностями экстренной модели являются ограниченная функциональность срочными видами социальной помощи, доступность организации, более низкий уровень затратности по сравнению с реабилитационной моделью, низкий уровень пороговости оказания помощи (отсутствии каких-либо ограничений по категориям бездомных). Данные особенности объясняют более широкую степень распространения этой модели по сравнению с реабилитационной.

Еще одна модель преодоления бездомности формируется в рамках российской системы социальной помощи бездомным – приютская модель. Ее характеризует комплекс мероприятий, направленных на оказание помощи бездомным

в условиях полустационарной и стационарной форм социального обслуживания. В качестве субъектов приютской модели сегодня выступают государственные, некоммерческие, религиозные, коммерческие организации.

К государственным учреждениям социального обслуживания лиц без определенного места жительства и занятий (ГОСТ Р 52498-2005), относятся дома ночного пребывания, социальные приюты, социальные гостиницы, центры социальной адаптации. Данные учреждения предназначены для предоставления временного места пребывания или ночлега лицам, оказавшимся без определенного места жительства и занятий, а также для оказания содействия в осуществлении мероприятий по социальной адаптации лиц, утративших социально полезные связи. Подобные государственные учреждения сегодня функционируют в большинстве субъектов РФ. В качестве показательного примера таких учреждений можно привести Государственный центр социальной адаптации «Люблино» для лиц БОМЖ имени Е. П. Глинки¹¹. Основной вид деятельности Центра – комплексное социальное обслуживание бездомных граждан в условиях круглосуточного временного пребывания. Принимаются мужчины и женщины старше 18 лет. В центре действуют:

– приемное отделение, в котором оказывается срочная социальная помощь;

– отделение стационарного пребывания, в котором временно круглосуточно размещаются бездомные граждане с учетом возраста и состояния здоровья;

– отделение социальной помощи, оказывающее юридическую, психологическую, социальную помощь бездомным;

– отделения пеших и мобильных бригад «Социальный патруль», оказывающее первую медицинскую и срочную гуманитарную помощь нуждающимся, выявляющее и доставляющее бездомных в социальные учреждения;

– отделение оказания медицинской помощи.

Общим для всех подобных государственных учреждений является высокий уровень пороговости оказания помощи, они помогают не всем категориям бездомных (имеющие регистрацию, иностранные граждане) и при определенных условиях (нахождение в трезвом состоянии, прохождение медицинского обследования, санитарных процедур). В отличие от государственных центров для бездомных, уровень пороговости оказания помощи некоммерческими, религиозными, коммерческими центрами помощи бездомным снижен. Доступ в эти приюты имеют те категории бездомных, для которых затруднено или невозможно попадание в государственные учреждения. В то же время их деятельность в меньшей степени доступна государственному и общественному контролю, что может породить



различного рода злоупотребления в отношении к бездомным.

Приюты для бездомных при религиозных организациях имеют свои особенности. На 2016 г. в России действовало 70 православных приютов для бездомных. Точное количество католических и протестантским приютов нам неизвестно. По г. Саратову и Саратовской области примерное соотношение таково: один православный и один католический, более 10 протестантских. Протестантские приюты-центры ориентированы, прежде всего, на алкоголе- и наркозависимых, среди которых встречаются бездомные.

Саратовский православный приют для алкоголе- и наркозависимых и лиц без определенного места жительства действует при храме Александра Невского с. Афанасьевка Воскресенского района Саратовской области¹². Он является единственной православной инициативой такого рода в Саратовской митрополии и на территории Саратовской области. Возглавляет данный приют Дмитрий Юрьевич Путин, его организатор и руководитель. Начало деятельности приюта было положено в 2010 г. через организацию кормления бездомных при храме Илии Пророка г. Саратова. В 2011 г. при этом храме была создана православная община помощи алкоголезависимым бездомным. В 2014 г. с целью финансовой и социальной поддержки приюта был организован благотворительный фонд «Соломон». В 2016 г. приют перебазировался в с. Афанасьевка Воскресенского района. За пятилетний срок его существования временное убежище получили около 150 человек. На данный момент в приюте проживают 16 мужчин в возрасте от 25 до 64 лет из разных городов России. Жизнь и деятельность подопечных приюта организована в направлении к их воцерковлению. Воцерковление – главное, но не единственное направление деятельности приюта. Положено начало организации медицинской и социальной помощи подопечным. Медицинское шефство над общиной взяли Саратовское общество православных врачей и Саратовское общество милосердия, возглавляемое руководителем отдела по социальному служению и благотворительности Саратовской епархии иереем Сергием Кляевым. Финансирование жизнедеятельности приюта осуществляется за счет, прежде всего, трудовой занятости самих подопечных, а также частных пожертвований на счет благотворительного фонда «Соломон», гуманитарной помощи со стороны частных лиц и православных приходов г. Саратова. Наиболее остро сегодня перед руководством приюта стоят следующие проблемы:

- организация реабилитации подопечных, страдающих алкогольной зависимостью;
- обеспечение трудовой занятости трудоспособных реабилитантов в осенне-зимний период;
- материальное обеспечение.

Отличительной особенностью данного и других приютов, действующих при религиозных организациях, является обязательная религиозная практика подопечных, имеющая свои особенности в зависимости от конфессиональной принадлежности религиозной организации.

Последняя модель преодоления бездомности, о которой необходимо упомянуть и которая имеет место в современной практике помощи бездомным, – эксплуататорская модель. Эксплуататорская модель преодоления бездомности направлена не на решение трудной жизненной ситуации бездомных, а на эксплуатацию этой ситуации в частных или корпоративных целях. Данную модель преодоления бездомности реализуют в своей деятельности неформальные приюты для бездомных, частные или некоммерческие реабилитационные центры или так называемые реабцентры, которые ориентированы на нарко- и алкоголезависимых, мигрантов, в том числе бездомных. Они могут иметь или не иметь формальной регистрации. Располагаются на съемных квартирах, в частных домах и на частных территориях. Отличительной особенностью данного типа приюта для бездомных является изоляция подопечного от общества путем его исключения как из привычного социального окружения, так и из социума вообще. Люди работают за еду и кров, не получая на руки наличных денег. Выход из этого «центра» может быть в разной степени затруднен. Часто подопечные бегут из них, пользуясь некой свободой передвижения во время трудовых работ. Нам представляется, что данная модель является наследницей репрессивной модели преодоления бездомности. Вместе с тем, чтобы давать однозначную научную оценку подобным социальным практикам преодоления бездомности, необходимы исследования, которые позволили бы сделать это объективно. В более подробном и глубоком социологическом исследовании нуждаются и другие рассмотренные нами модели преодоления бездомности.

Примечания

- ¹ См.: Лушников М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. 2-е изд., доп. М. : Юстицинформ, 2009. С. 24.
- ² Там же. С. 25.
- ³ См.: Храпоничева Е. В. Дома трудолюбия. История создания в XIX веке рабочих домов и домов призрения // Московский журнал. 1999. № 9. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=800199> (дата обращения: 04.05.2017).
- ⁴ См.: Петроченкова К. Дом трудолюбия св. Иоанна : «Учреждение первых христиан времен апостольских» // Милосердие. Православный портал о благотворительности URL: <https://www.miloserdie.ru/article/dom-trudolyubiya-svioanna-uchrezhdenie-pervyh-hristian-vremen-apostolskih/> (дата обращения: 04.05.2017).
- ⁵ См.: Гусакова З. Дом трудолюбия // Газета Недели в



- Саратове. № 39 (267). 30.10.2013. URL: <http://www.gazeta-nedeli.ru/article.php?id=5058> (дата обращения: 04.05.2017).
- ⁶ Ночлежка. Старейшая благотворительная организация, помогающая бездомным : [сайт]. URL: <https://homeless.ru> (дата обращения: 04.05.2017).
- ⁷ См.: Служба помощи бездомным // Милосердие. Православный портал о благотворительности. URL: <https://www.miloserdie.ru/friends/about/sluzhba-pomowi-bezdomnym/> (дата обращения: 04.05.2017).
- ⁸ См.: Программа «Возвращение» // Милосердие. Православный портал о благотворительности. URL: <https://www.miloserdie.ru/friends/about/programma-vozvrashenie> (дата обращения: 04.05.2017).
- ⁹ См.: «Ангар спасения» // Милосердие. Православный портал о благотворительности. URL: <https://www.miloserdie.ru/friends/about/angar-spasenija/> (дата обращения: 04.05.2017).
- ¹⁰ См.: Пельмешки для бездомных // Милосердие. Православный портал о благотворительности. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/pelmeshki-dlya-bezdomnyh/> (дата обращения: 04.05.2017).
- ¹¹ См.: Центр социальной адаптации имени Е. П. Глинки для лиц без определенного места жительства и занятий : [сайт]. URL: <http://цсальблино.рф> (дата обращения: 04.05.2017).
- ¹² См.: Соломон. Благотворительный фонд : [сайт]. URL: <http://fond-solomon.ru> (дата обращения: 04.05.2017).

Образец для цитирования:

Уфимцева Е. И. Социальные модели преодоления бездомности: российская практика // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 291–297. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-291-297.

Cite this article as:

Ufimceva E. I. Social Model of Overcoming Homelessness: the Russian Practice. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 291–297 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-291-297.



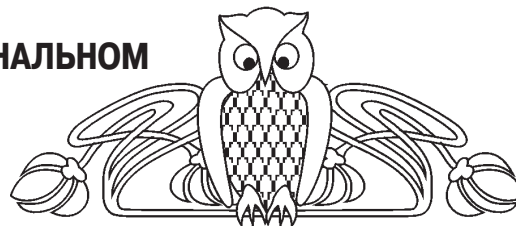
СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.356.2(470.67)+2(470.67)

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДАГЕСТАНСКОЙ СЕМЬИ

Э. М. Загирова

Региональный центр этнополитических исследований
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала
E-mail: elvira.2005@inbox.ru



В данной статье автор дает социологический анализ традиционных и инновационных элементов в семейной сфере современного Дагестана. По результатам нашего исследования сделан вывод о наличии в общественном сознании дагестанских народов негативного отношения к институту многоженства, причем можно отметить заметные отличия по гендерному разрезу: респонденты мужчины, по сравнению с женщинами, более позитивно настроены к институту многоженства, несмотря на наличие негативных оценок к данному явлению.

Ключевые слова: традиционная семья, дагестанская семья, эгалитарная модель семьи, семейная культура, семейные разводы, многоженство.

Traditions and Innovations in Institutional Space of Dagestan Family

E. M. Zagirova

The author set a difficult purpose associated with the sociological analysis of traditional and innovative elements in the family sphere of modern Dagestan in this article. The polygyny of Islamic doctrine played a big role in this process. By the results of our research we concluded about negative attitudes towards polygamy institution in the public mind of Dagestan people and we noted marked differences by gender section. It was found that the male respondents compared to women more positive attitude to polygamy institution despite the negative assessment to this phenomenon.

Key words: traditional family, Dagestani family, egalitarian model of the family, family culture, family divorce, polygamy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-298-303

Институциональное пространство современной российской семьи характеризуется своей неоднородностью, разнообразием семейных отношений и практик, стилей супружеского и родительского поведения, сочетанием традиционных и инновационных семейных норм, высоким уровнем рисков распада семейных союзов. Это, хоть в меньшей степени, чем в ряде других регионов России, характерно и для современной дагестанской семьи, которая подвержена влиянию внешних (глобализационных) и внутренних (экономических, духовных, социальных) факторов, дестабилизирующих сферу семейных отношений и повышающих уровень их конфликтности, особенно среди молодых семей.

Б. М. Алимова отмечает, что установившиеся в современном обществе нормы поведения

и ценностные ориентации негативно влияют на образ жизни не только молодежи, но и многих уже взрослых семейных людей, и семья как традиционно уважаемый в Дагестане социальный институт постепенно утрачивает свою ценность, традиции быта и культуры, приверженность нормам обычного права, определяющим стереотипы поведения в различных сферах жизни семьи¹. Эти явления носят своего рода универсальный характер, поскольку трансформация семейных ценностей и отношений, в том числе и в молодежной среде, – результат влияния общемировых тенденций эгалитаризации, индивидуализации человеческих отношений, активно распространяющихся под влиянием глобализации².

С другой стороны, по свидетельству дагестанских ученых, наблюдается реставрация изживших себя в советский период традиций многоженства, причем в современной реальности это приобретает несколько иной характер и психологический отклик среди женщин – жен тех мужчин, которые, «ссылаясь на ислам, заводят себе вторую, а иногда и третью жену», не забывая при этом о психологическом состоянии первой жены, а также детей от первого брака³.

Такое поведение дагестанских мужчин становится зачастую причиной разводов в современном дагестанском обществе. Происходит это, как нам представляется, потому, что в ходе общественной эволюции и трансформации гендерных и семейных отношений в Дагестане изменились сама женщина, ее место и роль в общественной и семейной жизни, и возврат к давно утратившим свое значение и социокультурные основания традициям многоженства совершенно естественно воспринимается критично со стороны, прежде всего, женской части дагестанского общества. Неготовность к архаизации семейной сферы, тем более без согласия на то со стороны женщины (мужчины, как правило, не координируют своих действий, идя на многоженство, с первыми женами и тем более с детьми), а потому наблюдаются разрушительные для первой семьи последствия многоженства.

Исторически многоженство как социальное явление является обоснованным по целому ряду показателей, и потребность в нем возникала в особенных условиях, когда в результате кровопро-



литной войны резкий дисбаланс в количественном соотношении мужчин и женщин не позволял многим женщинам реализовать свои семейные и репродуктивные потребности. Кроме того, к многоженству всегда предъявлялись серьезные требования, которые сводятся в целом к тому, что мужчина должен в случае выбора такого типа брака уметь обеспечить всех жен и детей от них как материальными средствами, так и любовью.

Многоженство, не воспринимаемое как традиционная норма семейной жизни на современном этапе и не обусловленное особыми причинами, имевшими место в прошлом, становится источником дестабилизации семейных отношений в Дагестане. Иными словами, не все семейные традиции, своими корнями уходящие в обычное право и некогда поддерживающие устойчивость семейно-брачного института, являются позитивными в условиях современной дагестанской реальности, значительно изменившейся за советский и постсоветский периоды.

Если многоженство как некогда бытовавшая семейная традиция возвращается в институциональное пространство дагестанской семьи, вызывая при этом разрушительные последствия, то межэтнические семьи, получившие достаточно широкое распространение в советский период, постепенно исчезают из семейной сферы современного дагестанского общества. Несмотря на то что это, в общем-то, соответствует традиционным представлениям о семье и браке у народов Дагестана, ориентированных как в прошлом, так и настоящем на эндогамные семейные стратегии, разрушение сложившейся традиции межэтнической брачности в советском обществе, пусть и не в такой степени распространенной, как в других регионах бывшего СССР, имеет, скорее, негативные последствия для сферы межэтнического взаимодействия.

В Дагестане стремительно утрачивается культура межэтнического общения, и одной из причин этой негативной тенденции ученые называют резкое снижение численности этнически смешанных браков и устойчивый характер данной тенденции⁴. Наличие высокой культуры межэтнического общения является важнейшим условием стабильности и позитивности межэтнических отношений, и именно с ее разрушением в постсоветский период следует связывать рост межэтнической напряженности и конфликтов на этнической почве.

Таким образом, утрата дагестанским обществом этой, едва сформировавшейся в советский период, семейной традиции как той, к которой, при сохранении невысокого уровня экзогамии в семейной сфере, было достаточно позитивное отношение, сложно оценить однозначно. Принимая во внимание причины неприятия межэтнических браков на современном этапе, связанные со стремлением к этнической консолидации и этнокультурному самосохранению, нельзя не учи-

тывать тех потерь, которые понесло дагестанское общество в результате деинституционализации межэтнической семьи.

Итак, в современном Дагестане идеалом семьи является моноэтническая и моноконфессиональная семья⁵, но и она сегодня испытывает трудности, расшатывающие семейные устои дагестанских народов. Каковы же причины конфликтов и разводов в дагестанской семье? Имеют ли они специфические основания или носят универсальный характер? Насколько разрушительными для стабильности дагестанской семьи являются инновационные элементы семейных отношений, проникающих в институциональное пространство семьи в Дагестане?

Для ответа на данные вопросы мы обратимся к эмпирическим социологическим данным, полученным в ряде исследований в ходе опроса жителей Дагестана.

Прикладную часть исследования составляют результаты проведенного автором в 2016 г. социологического опроса в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Каякентском, Кизилюртовском, Карабудахкентском, Кизлярском, Лакском, Левашинском, Новолакском, Хасавюртовском районах, городах Дербент, Каспийск, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт по изучению традиционной дагестанской семьи, а также выявлению факторов ее разрушения и тенденций развития. Основным методом сбора информации стало анкетирование. Исследование проведено методом случайного отбора, охватив при этом все три географические зоны республики (равнинная, предгорная, горная). Выборка построена с учетом пропорционального представительства дагестанских народов в структуре населения республики, образовательного уровня и половозрастной специфики, что определяет репрезентативность выборки. Распределение респондентов по различным параметрам выглядит следующим образом: *по этнической принадлежности*: аварцы – 29,2%, азербайджанцы – 4,5%, агулы – 1,0%, даргинцы 16,9%, кумыки – 14,8%, лакцы – 5,5%, лезгины – 13,2%, ногайцы – 1,4%, русские – 3,6%, рутулы – 0,9%, табасаранцы – 3,2%, цахуры – 0,3%, другие – 5,0%; *по образовательному признаку*: базовое среднее – 9,1%, среднее – 26,6%, среднее специальное – 48,7%, высшее и незаконченное высшее образование – 15,6%; *по возрасту*: до 20 лет – 32,0%, от 20 до 30 лет – 28,6%, от 30 до 40 лет – 15,2%, от 40 до 50 лет – 12,4%, от 50 до 60 лет – 7,3%, от 60 лет и выше – 4,7%; *по гендерному признаку*: мужчины – 50,2%, женщины – 49,8%. N = 1323.

В постсоветский период наблюдалась трансформация не только социально-экономического и политического устоев российского общества, но и семейно-брачной сферы. В обозначенный период в республиках, население которых исповедуют ислам, широкое распространение получает институт многоженства. Природа данного



явления уходит в далекое историческое прошлое, и его считали пережитком наряду с другими явлениями, которые существовали в семейно-брачной сфере дагестанских народов. И, если так можно выразиться, возрождение данного явления в постсоветском Дагестане, оценивается совершенно по-разному различными социально-демографическими группами. Если в основном «вторую жену» имел в материальном плане независимый и относительно состоятельный человек, то в последующем можно было наблюдать заключение такого брака людьми, далеко не состоятельными.

В массовом сознании дагестанских народов происходит трансформация существовавшего ранее понимания традиционной семьи, поэтому данному аспекту также было уделено внимание в нашем исследовании (табл. 1).

Полученные результаты исследования показывают превалирование по всему массиву отрицательной позиции с мотивацией «это может разрушить семью, потому что не каждая женщина согласится с желанием своего мужа иметь «вторую жену»», которая ближе каждому второму опрошенному как по всей выборке, так и среди аварцев, кумыков, лакцев и чеченцев, при этом заметно выделяются даргинцы, русские и лезгины (больше половины опрошенных). С большим отрывом на второй позиции располагается суждение «отрицательно, многоженством пытаются прикрыть безнравственность», которое ближе каждому четвертому опрошенному по всему массиву, каждому второму среди респондентов русских, каждому третьему среди даргинцев и лакцев, каждому четвертому среди лезгин и каждому пятому среди аварцев; меньше всего отметивших данную позицию среди чеченцев. Третье

ранговое место занимает позитивное отношение к многоженству при условии «если мужчина не уходит из «первой» семьи и ее обеспечивает», разделяемое каждым четвертым опрошенным среди аварцев и чеченцев, каждым пятым среди кумыков и лакцев. Далее каждый шестой опрошенный по всему массиву, каждый четвертый среди русских, каждый пятый среди даргинцев и кумыков, каждый седьмой среди аварцев и лезгин, каждый восьмой среди лакцев, каждый девятый опрошенный среди чеченцев считают многоженство «пережитком прошлого». Однако каждый пятый респондент среди аварцев, каждый шестой среди лакцев, каждый восьмой среди кумыков и лезгин, каждый девятый среди даргинцев позитивно оценивают многоженство с мотивацией «у нас мужчин меньше чем женщин, а каждая женщина заслуживает счастья».

Распространение данного явления в современном информационном обществе закономерно способствовало появлению и информационного ресурса, который, по мнению его основателей, призван помочь молодым людям найти брачного партнера, на что было обращено внимание в нашем исследовании (табл. 2).

По результатам нашего исследования, в целом в массовом сознании дагестанских народов превалирует негативное отношение к сайту «Ищу «вторую жену»», отмеченное каждым вторым опрошенным по всему массиву, с мотивацией «это приведет к разрушению первой семьи», причем таковых каждый второй опрошенный среди аварцев, даргинцев и лезгин, каждый третий среди кумыков, лакцев, русских и чеченцев. Кроме того, респонденты, независимо от типа религиозности, демонстрируют отрицательное отношение к появлению вышеназванного сайта: 32,7%

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к многоженству?» (по группам национальностей), в % от общего количества опрошенных

Национальности	Варианты ответов					
	Положительно, у нас мужчин меньше, чем женщин, а каждая женщина заслуживает счастья	Положительно, если мужчина не уходит из «первой» семьи и ее обеспечивает	Положительно, наша религия допускает многоженство	Отрицательно, это может разрушить семью, потому что не каждая женщина согласится с желанием своего мужа иметь «вторую жену»	Отрицательно, многоженство – это пережиток прошлого	Отрицательно, многоженством пытаются прикрыть безнравственность
Аварцы	19,3	23,5	20,1	47,2	13,9	22,2
Даргинцы	11,0	14,4	14,1	53,6	19,2	33,3
Кумыки	13,0	20,0	13,3	41,5	20,0	14,1
Лакцы	16,3	22,1	9,6	40,4	12,5	34,6
Лезгины	11,9	11,9	12,8	53,2	14,7	28,4
Русские	9,3	7,4	5,6	59,3	25,9	42,6
Чеченцы	9,5	23,8	32,1	41,7	10,7	4,8
Другие	9,3	10,0	9,3	62,7	20,0	30,0
Всего	13,8	17,9	15,6	49,9	16,7	25,9



Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к появлению дагестанского сайта “Ищу вторую жену”?» (по группам национальностей), в % от общего количества опрошенных

Национальности	Варианты ответов						
	Положительно, это поможет молодым людям создать счастливую семью	Положительно, это позволит людям, не нарушая религиозных заповедей, иметь супружеские отношения и сохранить нравственность в обществе	Отрицательно, это приведет к разрушению основ традиционной семьи	Отрицательно, это приведет к разрушению первой семьи	Отрицательно, это противоречит государственному законам	Отрицательно, это приведет к росту разводов и увеличению числа неполных семей	Отрицательно, мужчина не сможет в полной мере уделить внимание воспитанию детей в обеих семьях
Аварцы	16,0	21,4	22,9	41,2	6,4	32,5	30,9
Даргинцы	8,9	9,3	34,0	48,1	11,0	35,7	34,0
Кумыки	14,1	18,5	34,1	30,4	4,4	18,5	16,3
Лакцы	14,4	15,4	29,8	30,8	2,9	36,5	30,8
Лезгины	7,3	8,3	29,4	42,2	10,1	43,1	22,0
Русские	5,6	11,1	38,9	37,0	24,1	42,6	25,9
Чеченцы	10,7	25,0	29,8	38,1	2,4	14,3	11,9
Другие	8,7	6,0	30,0	49,3	11,3	42,0	34,0
Всего	11,8	14,9	29,5	41,4	8,3	33,3	28,3

«убежденно верующих», 40,8% «колеблющихся», 43,6% «верующих», 45,8% «неверующих» и 66,7% «убежденно неверующих». С большим отрывом второе ранговое место занимает позиция «отрицательно, это приведет к росту разводов и увеличению числа неполных семей». По этнической принадлежности данного суждения придерживается каждый второй опрошенный среди лезгин и русских, каждый третий среди аварцев, даргинцев и лакцев, а также среди «убежденно верующих», «верующих», «колеблющихся», «неверующих», заметно меньше их доля среди чеченцев, кумыков и «убежденно неверующих» (каждый шестой опрошенный). На третьем месте располагается вариант ответа «это приведет к разрушению основ традиционной семьи», и разделяющих его, по сравнению с другими подгруппами, заметно больше среди респондентов русских, даргинцев и кумыков и меньше среди опрошенных аварцев; по типу религиозности каждый второй опрошенный среди «убежденно неверующих», каждый третий среди «колеблющихся» и «неверующих», каждый четвертый среди «убежденно верующих» и «верующих» также придерживается данной позиции. Четвертое ранговое место занимает суждение «отрицательно, мужчина не сможет в полной мере уделить внимание воспитанию детей в обеих семьях», которое ближе каждому второму опрошенному среди «убежденно неверующих», каждому третьему среди аварцев, даргинцев, лакцев и «верующих», каждому четвертому среди русских, «убежденно верующих» и «неверующих», каждому пятому среди лезгин и «колеблющихся», каждому шестому среди кумыков, каждому восьмому опрошенному среди чеченцев.

Вместе с тем в установках респондентов существует и позитивное отношение к сайту «Ищу “вторую жену”», демонстрируемое каждым седьмым опрошенным по всему массиву, ибо «это позволит людям, не нарушая религиозных заповедей, иметь супружеские отношения и сохранить нравственность в обществе». Данная позиция ближе по типу религиозности каждому второму опрошенному среди «убежденно неверующих», по национальному признаку каждому четвертому среди чеченцев и «убежденно верующих», каждому пятому среди аварцев и кумыков, каждому шестому среди лакцев, каждому восьмому среди «верующих», «неверующих» и «колеблющихся», каждому девятому опрошенному среди русских. Далее, возможности данного сайта в создании «счастливой семьи» усматривает относительно большая часть опрошенных аварцев, кумыков, лакцев и чеченцев, а также 8,3% «убежденно неверующих», 10,4% «верующих», 11,7% «колеблющихся», 16,5% «убежденно верующих» и 16,7% «неверующих»; при этом позицию «отрицательно, это противоречит государственному закону» разделяют менее 10,0% опрошенных, и их больше среди респондентов русских, лезгин и даргинцев, а также «убежденно верующих» (5,0%) «верующих» (8,7%) «колеблющихся» (11,7%), «неверующих» (12,5%) и «убежденно неверующих» (16,7%).

Таким образом, полученные результаты констатируют доминирование в массовом сознании опрошенных дагестанских народов отрицательной установки в отношении появления дагестанского сайта «Ищу “вторую жену”», хотя можно увидеть заметные отличия по типу религиозной



самоидентификации респондентов. Иными словами, наличие в исламском вероучении терпимого отношения к многоженству, на взгляд автора, обуславливает толерантное отношение к данному явлению.

Далее в нашем исследовании были заданы «контрольные вопросы» с целью установления брачного поведения опрошиваемых. Так, в ответах на вопрос «Вы сами согласились бы стать “второй” женой?» 51,4% женщин придерживаются позиции «нет, нельзя вмешиваться в чужую семью и разрушать ее»; по типу религиозности их доля больше в подгруппе «верующих» (39,9%), «колеблющихся» (36,9%), «неверующих» (37,5%), «убежденно верующих» (28,1%) и заметно меньше среди «убежденно неверующих» (16,7%). При этом 23,6% опрошенных женщин считают такой поступок «безнравственным», по типу религиозности – каждая четвертая среди «убежденно неверующих», каждая шестая среди «верующих», «колеблющихся» и «неверующих»; 8,0% готовы на такой супружеский союз «если полюбят человека», и их, по сравнению с другими подгруппами, относительно больше среди «убежденно верующих» (8,8%) и «верующих» (5,8%), в то время как другие подгруппы вообще его не отметили; 7,6% опрошенных женщин готовы стать «второй» женой ради того, чтобы иметь ребенка.

На вопрос «Вы хотели бы иметь “вторую” жену?» суждение «да, если в первом браке не будет детей, но я не захочу расстаться со своей женой» отметили 29,1% мужчин, по этнической принадлежности их заметно больше среди респондентов аварцев (12,9%), кумыков (17,8%), чеченцев (31,0%), а по типу религиозности – среди «убежденно верующих» (10,4%) и «колеблющихся» (13,6%). Вместе с тем противоположной позиции – «нет, я не хотел бы разрушать свою семью» – придерживается такое же количество опрошенных мужчин, по национальной принадлежности, по сравнению с другими подгруппами, их больше среди респондентов даргинцев (10,7%) и лезгин (18,3%). При этом тип религиозности, как показывает наше исследование, имеет определенное влияние на оценку данного явления: так, каждый третий опрошенный среди «убежденно неверующих» и каждый шестой среди «неверующих» придерживаются этой позиции, а доля таковых в остальных подгруппах заметно меньше: 10,8% «убежденно верующих» и 9,7% «колеблющихся».

Вместе с тем 13,9% опрошенных мужчин допускают возможность иметь «вторую жену», потому что «наша религия позволяет мужчине иметь 4 жен», и выделяется здесь подгруппа «убежденно верующих» (10,8%), в других подгруппах их доля статистически небольшая. Считают многоженство «безнравственным» 11,5% опрошенных, и выделяется здесь подгруппа «неверующих» (12,5%) и «убежденно неверующих»

(16,7%), а также 6,0% респондентов, которым «материальное положение не позволяет иметь “вторую жену”».

Таким образом, можно констатировать противоположное поведение и отношение к многоженству по гендерному признаку: большая часть опрошенных женщин не воспринимает институт «вторая жена», в то время как респонденты-мужчины в большей степени не прочь завести «вторую семью» (с самой разной мотивацией).

Если обратиться к опросу, проведенному среди студенческой молодежи Дагестана в 2012 г.⁶, в ходе которого пытались выявить отношение молодых респондентов к семье и семейным ценностям, было установлено, что основной причиной разводов в современном российском обществе, по мнению молодых дагестанцев, является отсутствие взаимопонимания между супругами (75%), среди других причин отмечены те, которые связаны с недостатком знаний о семейном образе жизни, ответственности в семье, семейных ролях, с материальными проблемами, отсутствием детей в семье. На падение нравов как причину разводов в дагестанских семьях указало сравнительно небольшое количество опрошенных – порядка 20%; еще меньшее количество респондентов связало это явление с отсутствием семейного воспитания в семье, школе и недостаточной социальной поддержкой семьи со стороны государства.

Значительная доля разводов в России, независимо от региона, приходится на молодые семьи⁷, что объясняет важность изучения мнений и позиций о причинах семейных разводов именно молодого поколения, для которого, кстати, ценность семьи продолжает оставаться на самом высоком уровне, в том числе и среди дагестанской молодежи⁸.

Тем не менее, репродуктивные установки дагестанской молодежи уже не отражают ориентированности на большое количество детей в семье при всем том, что, по сравнению с общероссийскими данными, дагестанская молодежь демонстрирует более высокие показатели: в большинстве случаев, как показало проведенное в 2013 г. исследование среди студенческой молодежи Дагестана, опрошенные планировали иметь от 2 до 4 детей (при этом больше всего молодежь ориентирована на трехдетную семью). Для Дагестана, который всегда славился своей многодетностью, представленные показатели не являются высокими⁹.

Соответственно, наметившаяся тенденция снижения рождаемости в Дагестане в постсоветский период, несмотря на высокие показатели по данному демографическому критерию среди других регионов России, может принять устойчивый характер, и в этих условиях отношение к многоженству как способу повышения репродуктивного потенциала региона и его успешной реализации может измениться в обществе.



По вопросу о влиянии инновационных и традиционных элементов семейной культуры дагестанских народов на стабильность семейных отношений, измеряемой, прежде всего, уровнем разводов, можно, отталкиваясь от данных официальной статистики, проанализированных Б. М. Алимовой, сказать, что более низкие показатели разводов зафиксированы в сельской местности, чем в городской, это объясняется большей устойчивостью традиционных семейных традиций в сельских регионах республики и обусловлено сохраняющим высокий уровень значимости социальным контролем семейной сферы со стороны сельского социума и родственных кругов¹⁰.

Иными словами, общественное мнение как регулирующая семейные отношения сила в значительной степени сохранило свои позиции в сельской местности, а потому ориентация на развод как способ выхода из семейных конфликтов в значительно меньшей степени характерна для сельских дагестанских семей. Развод в традиционной семейной культуре народов Дагестана не входит в систему позитивно воспринимаемых, что в регионах ее устойчивого воспроизводства выражается в доминировании семейного (супружеского) поведения, максимально ориентированного на сохранение брака и семьи, преодоление конфликтов, что бы ни выступало их основой.

Таким образом, можно отметить следующие важные аспекты, на которые нам хотелось бы обратить внимание по итогам проведенного анализа. Новые нормы и ценности семейных отношений, проникающие в институциональное пространство современной дагестанской семьи, можно расценивать так же неоднозначно, как и тенденции архаизации, возвращающие к жизни некоторых из уже давно забытых семейных традиций, к которым относится не только многоженство, описанное нами выше, но и ранние браки. Проявляется, и достаточно ярко, попытка восстановления сильно пошатнувшейся структуры ролевых взаимодействий в семье, основанных на патриархальных принципах. Эгалитаризация семейных отношений, хоть и медленно, пробивает себе дорогу, преимущественно в городской среде. Носителями эгалитарной семейной культуры или, скорее, ее элементов являются преимуще-

ственно молодые семьи, более высокий уровень неустойчивости которых может замедлить институционализацию уже утвердившейся во многих регионах России и современного мира модели эгалитарной семьи. Однако процесс семейной эволюции динамичен, и, как нам представляется, реконструкция традиционного института семьи в архаическом формате, не соответствующем динамике гендерных отношений, уже не угрожает дагестанскому обществу.

Примечания

- 1 См.: Алимова Б. М. Разводы в Дагестане : причины, мотивы и пути стабилизации (анализ статистики) // Вестн. Ин-та ИАЭ. 2015. № 2. С. 124.
- 2 См.: Верецагина А. В., Гафиятулина Н. Х., Загирова Э. М. Семья и семейные ценности в восприятии студенческой молодежи (на примере Дагестана) // Вестн. Ин-та ИАЭ. 2015. № 1 (41). С. 159.
- 3 См.: Алимова Б. М. Диалог полов в современной дагестанской семье // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа : материалы региональной науч. конф. (Махачкала, 29 февраля 2008 г.). Махачкала, 2008. С. 76.
- 4 См.: Молодая семья в Ростовской области (по результатам социологического исследования) / отв. ред. Ю. Г. Волков. М. ; Ростов н/Д, 2011.
- 5 См.: Верецагина А. В. Этнически смешанные семьи на Северном Кавказе : образование и межэтническая адаптация : дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2003.
- 6 См.: Верецагина А. В., Шахбанова М. М. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // Вестн. ДНЦ. 2013. Вып. 50. С. 65–71.
- 7 См.: Молодая семья в Ростовской области (по результатам социологического исследования).
- 8 См.: Верецагина А. В., Шахбанова М. М. Указ. соч.
- 9 См.: Верецагина А. В., Шахбанова М. М., Шихалиева Д. С. Демографическое поведение и формирование новых семейных ценностей в установках студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10. С. 59–62.
- 10 См.: Алимова Б. М. Разводы в Дагестане : причины, мотивы и пути стабилизации (анализ статистики). С. 124–142.

Образец для цитирования:

Загирова Э. М. Традиции и инновации в институциональном пространстве дагестанской семьи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 298–303. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-298-303.

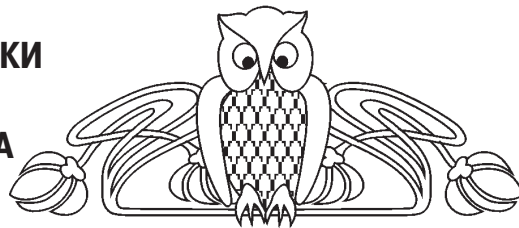
Cite this article as:

Zagirova E. M. Traditions and Innovations in Institutional Space of Dagestan Family. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politics*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 298–303 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-298-303.



УДК 316.344.232

РАЗВИТИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА



Ф. А. Макеев

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: fmakeev@bk.ru

В статье исследуются антикоррупционная правовая политика и её интеграционный потенциал для общества. Рассматривается институт гражданского общества как элемент эффективной антикоррупционной политики и его роль в борьбе с коррупцией. Проанализировано понятие антикоррупционной политики и её составляющие, коррупция и её негативные социальные последствия.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, коррупция, правовая социализация, гражданское общество.

The Development of Anti-corruption Policy as a Factor of Integration of Modern Russian Society

F. A. Makeev

This article examines legal anti-corruption policy and its integration potential to the society. Examines the civil society Institute as part of an effective anti-corruption policy and its role in the fight against corruption. Analyzes the concept of anti-corruption policy and its components, corruption and its negative social consequences.

Key words: anti-corruption policy, corruption, legal socialization, civil society.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-304-307

В настоящее время проблема противодействия коррупции для России имеет стратегическое значение, так как эта «раковая опухоль» проникла во все сферы жизнедеятельности общества, государства, и борьба с ней – это вопрос национальной безопасности страны. Коррупция для современной России предстаёт одной из ключевых проблем, она препятствует поступательному развитию общества и государства, решению важнейших социально-экономических и политических задач, негативно влияет на международный престиж государства, подрывает авторитет власти в глазах народа, ведёт к дезинтеграции социального пространства общества, и всё это приумножается в условиях геополитического давления со стороны западных партнеров¹. Всё это схоже с опасным заболеванием, подавляющим социальный иммунитет. В итоге это может привести к деструкции общества, т. е. к дисфункции и разрушению сначала отдельных элементов социальной системы, а затем и всего общества.

Низкий уровень правосознания (правовой нигилизм), нравственное разложение общества, слабая гражданская позиция населения форми-

руют питательную среду для возникновения, развития и воспроизводства коррупции в обществе, что создаёт общий деструктивный фон. В результате формируется своего рода социальный заказ общества на правовую деформацию (девиацию) со стороны государственных служащих (спрос со стороны населения на различные виды коррупционных практик: протекционизм, лихоимство и др.), с другой стороны, искажённые правовые установки государственных служащих усугубляют деформации правового сознания и правового поведения всего населения (девиантное поведение со стороны чиновников обеспечивает наличие предложения коррупционных практик). Спрос на различного рода коррупционные действия приводит к формированию устойчивого предложения.

Коррупции как сложному социальному феномену присущи несколько важнейших черт: системность и глобальность этого явления. Данные признаки также относятся и к коррумпированности как процессу, который постоянно усложняется, возникает и воспроизводится в социальной среде и имеет социокультурные основания. Именно социальная среда является одним из источников воспроизводства коррупции, так как члены общества усваивают и передают «коррупционные ценности» как девиантное поведение, которое в дальнейшем становится для них и других членов общества нормой². Процесс распространения коррупционных интересов или ценностей в пределах общества может быть описан теорией инфекции, предложенной Г. Лебоном. Основанием этой теории является способность ценностей к их естественному распространению³. В течение длительного времени ценность одного человека становится ценностью группы. Наряду с этим заражением происходит усвоение девиантных ценностей и интеграция личности в систему коррупции.

Нужно отметить, что феномен коррупции несёт в себе широкий спектр негативных социальных последствий для общества и государства в целом. Результат её существования есть исчезновение, пропажа огромного количества бюджетных средств, предназначенных для целей общественно-государственного развития, обостряется уже существующий бюджетный кризис, который снижает способность власти решать социальные проблемы, и как итог возрастает социальная напряжённость в обществе и недовольство сложившейся ситуацией. Далее,



увеличиваются имущественное неравенство и социальная незащищённость большей части населения, коррупция устанавливает несправедливое перераспределение материальных средств в пользу узких социальных групп за счёт наиболее уязвимых слоёв населения, в результате чего «олигархи» становятся ещё богаче, а положение незащищённых слоёв населения становится ещё хуже, это ведёт к увеличению числа маргиналов и к усилению тенденции дезинтеграции общества⁴.

Однако коррупция не является национальной особенностью только нашей страны, она имеет глобальный масштаб и распространяется на все страны, как развивающиеся, так и развитые. Поэтому руководство большинства стран, осознавая характер и степень опасности этого явления, стремится принимать различные антикоррупционные меры, всемерно содействуя антикоррупционной правовой политике. Начиная с 2008 г. в РФ активно развивается антикоррупционная политика. Была создана широкая антикоррупционная правовая база, принят основополагающий закон в сфере противодействия коррупции от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который юридически закрепил понятие коррупции – «это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»⁵. Принят ряд других нормативно-правовых актов, закрепляющих важнейшие механизмы противодействия коррупции, также была активизирована деятельность правоохранительных органов в этой сфере. Так, по информации официального представителя Следственного комитета РФ Владимира Маркина, за период с января по июнь 2015 г. в России было возбуждено около 11,5 тыс. дел коррупционной направленности, в суд направлено около 7,6 тыс. таких дел, а ежегодный ущерб от коррупционных преступлений в стране составляет около 40 млрд рублей⁶. Данные МВД РФ показывают, что за первые девять месяцев 2015 г. было выявлено 96,7 тыс. экономических преступлений, включая преступления коррупционной направленности, рост которых составил 3,3% по сравнению с аналогичным периодом 2014 г., а материальный ущерб от них – 169,7 млрд рублей (по оконченным уголовным делам)⁷.

Но несмотря на все многообразие проделанной работы, на наличие множества антикоррупционных механизмов и сложившейся ши-

рокой правовой базы в сфере противодействия коррупции, ситуация с ней крайним образом не изменилась, не произошло коренного перелома. Коррупция в РФ всё также процветает, о чём свидетельствуют результаты работы международной неправительственной организации «Transparency International», которая проводит сравнительные исследования коррупции и формирует «Индекс восприятия коррупции». Так, Россия в 2014 г. заняла 136-е место из 174, а в 2015 г. – 119-е место из 167, поделив его с такими «развитыми» странами, как Азербайджан, Гайана, Сьерра-Леоне. По словам вице-президента «Transparency International» Елены Панфиловой, «сейчас Россия приблизилась к группе стран, на которые мы объективно больше похожи. При этом необходимо понимать, что для любой страны (а тем более для нашей) находиться в последней трети рейтинга – в любом случае национальный позор»⁸. В жизни современного российского социума всё так же существует и углубляется сложное противоречие между деструктивным и дезинтегрирующим воздействием коррупции на стабильность общественного развития и недостаточным уровнем развития института гражданского общества и его механизмов, форм и методов социального (общественного) контроля за коррупцией и за её разрушающим воздействием.

Отметим для наилучшего понимания, что антикоррупционная политика представляет собой научно обоснованную системную деятельность государства и институтов гражданского общества, которая направлена на борьбу с коррупцией и устранение причин и условий, способствующих её возникновению, а также связана с профилактикой и сокращением её негативного влияния⁹.

Говоря об антикоррупционной политике, следует ясно представлять её сложную, многоаспектную структуру, включающую политическую, организационную, экономическую, правовую и общественно-идеологическую составляющие. Отметим, что нельзя эффективно противостоять коррупции, если не будет нужным образом сформирован и «включён» хотя бы один из названных элементов.

Исходя из этого, государственное противодействие коррупции должно осуществляться комплексно на разных уровнях, в разных сферах общественной жизни и с применением самых разных организационно-правовых форм, средств и носить системный характер. Но для того чтобы эта совокупность средств, методов и структурных элементов действительно работала, необходимо всестороннее привлечение института гражданского общества и актуализация его деятельности в сфере противодействия коррупции. Успешное противодействие коррупции возможно лишь в условиях консолидации государства и гражданского общества с привлечением всех имеющихся у них ресурсов.



Необходимо сказать, что антикоррупционная политика несёт в себе значительный интеграционный потенциал для современного российского общества. Сегодня именно интеграционно направленная политика в наибольшей степени соответствует потребностям, интересам и запросам всех социальных элементов. Исходя из этого, такие дезинтегрирующие факторы, как коррупция, косвенно являются носителями и интегрирующего эффекта, поэтому государственное управление должно концентрироваться именно на этом.

Интеграционный потенциал антикоррупционной политики содержится в различных её элементах, из которых отдельно нужно выделить её общественно-идеологическую составляющую, которая непосредственно связана с работой с населением (развитие правосознания граждан, правовой культуры и морально-ценностных ориентаций граждан, с резко негативным отношением к коррупции) и с институтами гражданского общества.

Активное привлечение и использование институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией получило широкое распространение во многих странах мира. Так, наиболее эффективно институты гражданского общества работают в благополучных с точки зрения противодействия коррупции государствах: Финляндии (2-е место из 167 в «ИВК»), Дании (1-е место), Норвегии (5-е место), Швеции (3-е место). Однако нужно учитывать, что гражданское общество в данных государствах является более развитым по сравнению с Россией, так как оно формировалось в течение многих десятилетий. В то же время в современной России отмечается всплеск политической активности, который сопровождается стремлением различных институтов гражданского общества участвовать в решении наиболее острых общественных проблем, в том числе и в противодействии коррупции. Данное стремление, по крайней мере декларативно, учитывается властью при разработке нормативно-правовых актов, регламентирующих сферу борьбы с коррупцией. Так, одним из основных направлений реализации Национальной стратегии противодействия коррупции является «обеспечение участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции»¹⁰.

Важнейшим условием повышения эффективности проводимой государством антикоррупционной политики является использование институтами гражданского общества механизмов демократии, которые позволяют держать под общественным (гражданским) контролем основные социальные силы – структурированные группы, обладающие административно-материальными ресурсами (представители бюрократии, крупного бизнеса) – и способны влиять на развитие событий в своих интересах. Симбиоз этих групп несёт в себе крайне негативные со-

циальные последствия, ярчайшим из которых является резкое увеличение социального неравенства, поляризация и дезинтеграция общества, к примеру, доходы «хорошо обеспеченных» россиян увеличиваются в два раза быстрее, чем выбираются из «долговой ямы» необеспеченные слои. Данное положение дел хорошо отражает децильный коэффициент фондов, который представляет собой отношение доходов 10% самых обеспеченных граждан к доходам 10% самых бедных (в 2014 г. он был равен 16, т. е. 10% наиболее обеспеченных граждан в 16 раз богаче 10% малоимущих)¹¹. Однако некоторые исследователи считают, что реальная ситуация гораздо хуже, с учётом скрытых доходов, незаконной прибыли и коррупции значение этого коэффициента находится в диапазоне от 25 до 40.

Исходя из этого, наличие эффективных правовых механизмов, которые позволяют отстаивать субъектам гражданского общества свои интересы, позволяет интегрировать общество через объединение всё большего количества населения для отстаивания своих гражданских прав и интересов, мобилизовать общество для противодействия коррупции. В свою очередь, структуры гражданского общества, интегрируясь в различные организации (политические партии, общественные объединения, профессиональные союзы и т. д.), помогут государству точно определить участки общественных отношений, которые поражены метастазами коррупции, обозначить причины, способствующие разрастанию этого вредного явления.

Одним из наиболее значимых инструментов институтов гражданского общества является общественный (гражданский) контроль. Он традиционно рассматривается как один из наиболее эффективных механизмов борьбы с коррупцией. Нужно отметить, что сегодня в РФ принят Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», который регламентирует данный институт, определяет субъекты контроля, их права и обязанности, а также его формы. Данный Закон установил, что граждане РФ могут участвовать в реализации общественного контроля как лично, так и в рамках общественных объединений, а его ключевыми задачами определил: формирование и развитие гражданского правосознания, обеспечение тесного взаимодействия государства и институтов гражданского общества, формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению и др.¹²

Значительную роль в процессах противодействия коррупции и интеграции общества играет правовая социализация населения. Это процесс усвоения социализантом изменяющихся социальных, правовых ценностей и норм, на основе которых формируются осознанные ценностно-правовые установки (позитивные/негативные), являющиеся индикатором правового сознания и



определяющие поведение человека в конкретном социально-правовом пространстве, посредством чего осуществляется интеграция члена общества и формируется социально-правовой иммунитет к различного рода девиациям.

Правовая активность населения – один из ключевых факторов антикоррупционной политики. Проводимая правовая политика должна ориентироваться на правовую мобилизацию граждан, создание активной гражданско-правовой позиции населения страны по важнейшим общественным проблемам и формировать отношение нетерпимости к различным девиациям (коррупции).

Таким образом, приходим к выводу, что только формирование оптимальной системы взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества в рамках проводимой антикоррупционной политики способно в значительной степени повлиять на улучшение обстановки в сфере противодействия коррупции и интегрировать российское общество.

В свою очередь, развитие и активное участие институтов гражданского общества в общественно-политической жизни, в том числе и в сфере противодействия коррупции, несёт в себе значительный интеграционный эффект для общества. В будущем всё больше людей будет вовлекаться в структуры гражданского общества с целью отстаивания своих гражданских прав, интересов, для участия в общественно-политическом процессе, но всё это должно делаться с одновременным развитием правовой социализации (интеграции) населения. В то же время следует активно проводить работу по формированию антикоррупционного мировоззрения, что является процессом весьма продолжительным, кропотливым, а его результативность напрямую зависит от слаженной и скоординированной работы государства и общества. Данные меры должны значительно повлиять на величину спроса на коррупционные практики со стороны населения, а если спрос пропадёт, то и предложение их уменьшится.

Создание благоприятной среды для развития гражданского общества и его институтов (структур), вовлечение их в правотворческий и правоприменительный процесс как равноправных партнёров, в том числе и в антикоррупцион-

ной политике, является стратегической задачей, которая будет способствовать поступательному развитию нашей страны.

Примечания

- ¹ См.: Makeev Ф. А. Коррупция как фактор дезинтеграции российского общества // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2015. № 3 (48). С. 148–153.
- ² См.: Makeev Ф. А. Социокультурный подход в исследовании феномена коррупции // Информационная безопасность регионов. 2015. № 4 (21). С. 45–49.
- ³ Lebon G. Psychology of the people and masses. М., 2011.
- ⁴ Makeev Ф. А. Коррупция как фактор дезинтеграции российского общества.
- ⁵ О противодействии коррупции : федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Рос. газ. 2008. 30 дек. С. 1.
- ⁶ См.: Маркин заявил о ежегодном ущербе в 40 млрд рублей из-за коррупции. 23 июля 2015 г. // Информ. агентство России «ТАСС». URL: <http://tass.ru/info/2379115> (дата обращения: 30.03.2016).
- ⁷ См.: Состояние преступности – январь-сентябрь 2015 года // Министерство внутренних дел РФ : [сайт]. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6629353> (дата обращения: 30.03.2016).
- ⁸ Индекс восприятия коррупции 2015 г. от 26 января 2016 г. // Transparency International : [сайт]. URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriiatiia-korruptcii/indeks-vospriiatiia-korruptcii-2015-rossiia-podnialas-na-119-mesto> (дата обращения: 31.03.2016).
- ⁹ См.: Тарская О. Ю. Демократизация образования // Диагностика изменений в образовании : сб. науч. тр. Саратов, 2001. С. 43–80.
- ¹⁰ Национальная стратегия противодействия коррупции : утв. Указом Президента РФ от 13.04.2010 № 460 // Президент России : [сайт]. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/565 (дата обращения: 30.03.2016).
- ¹¹ См.: Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения и основные показатели социально-экономической дифференциации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 31.03.2016).
- ¹² См.: Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Рос. газ. 2014. 23 июля.

Образец для цитирования:

Makeev Ф. А. Развитие антикоррупционной политики как фактор интеграции современного российского общества // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 304–307. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-304-307.

Cite this article as:

Makeev F. A. The Development of Anti-corruption Policy as a Factor of Integration of Modern Russian Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 304–307 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-304-307.



ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 338

КАЧЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье анализируются принципиальные недостатки подходов, которыми современное политологическое сообщество руководствуется при экспертизе и определении научного качества теоретических и прикладных исследований по политической проблематике. Рассмотрены противоречия в содержании основных критериев, на основании которых политологическое исследование экспертами признается научным и соответствующим квалификационным требованиям. Обоснована проблематичность использования экспертным сообществом этих критериев, как объективно характеризующих прогресс гуманитарного знания.

Ключевые слова: политическая наука, научная методология, техника научно-исследовательской работы, научная экспертиза.

Quality of Political Research: the Problem of Evaluation Criteria

N. I. Shestov

The article analyzes the principal shortcomings of the approaches that the modern political science community is guided by in the examination and determination of the scientific quality of theoretical and applied research on political issues. Author examines contradictions in the content of the main criteria, on the basis of which the political science study is recognized by experts as scientific and corresponding to qualification requirements. Difficulties of usage of these criteria by the expert community, as criteria objectively characterizing the progress of humanitarian knowledge, are substantiated.

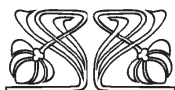
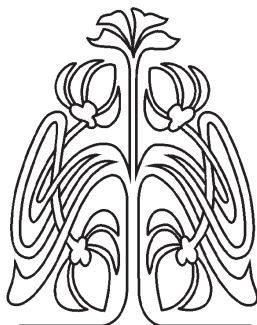
Key words: political science, scientific methodology, technique of scientific research work, scientific expertise.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-308-313

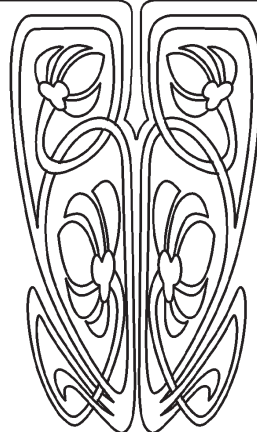
Качество современного политического исследования в зависимости от его предназначения и условий исполнения определяется многими критериями. Есть, тем не менее, общие для гуманитарных исследований критерии, с которых начинается оценка качества. Это четкость формулирования исследователем своей задачи, корректность аргументации им своих обобщений и выводов, а также новизна последних. Критерии предельно простые и четкие, и нет, вроде бы, препятствий к тому, чтобы руководствоваться ими в оценке качества политологического научного продукта.

На деле не все так понятно и просто. Чтобы практически использовать такой критерий, надо представлять себе границы его функциональности. А границы эти определяются тем, насколько понятным и единым для исследователя, качество научного труда которого оценивается экспертом, и для самого эксперта будет смысл, который они вкладывают в требование «четкости задачи», «корректности аргументации», «новизны выводов». Как раз смысл этот вызывает больше всего вопросов.

Что означает, что исследователь должен **четко сформулировать научную задачу**, а эксперт должен эту меру четкости формулировки оценить и руководствоваться ею при определении качества научного



НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ





текста? Ведь ее формулирование исследователем и оценка экспертом осуществляются на языке современной политологии и гуманитарных наук, смежных с нею. Язык этот имеет свои отраслевые вариации смысла отдельных терминов, формулировок и определений применительно к истории, социологии, философии, юридической науке. Понятие «легитимность», например, для политолога, историка и юриста будет наполнено разными смыслами. Среди политологов, к примеру, есть приверженцы исторических и правовых дискурсов и есть те, кто ратует за «чистоту языка» политической науки. То, что один из специалистов сочтет «четкой» формулировкой, другой может счесть просто лишней научного смысла. И отнюдь не в силу своей добросовестности или недобросовестности в качестве эксперта, а в силу субъективного предпочтения одного языка научной внутрикорпоративной коммуникации другому.

При этом над политологом, историком и юристом, как гражданином, будет еще довлеть его политическая культура, его приверженность политическим ценностям и соответствующему ценностному измерению понятий, посредством которых формулируется научная задача. В этом случае взаимное непонимание двух специалистов возможно даже в том случае, когда, например, они оба считают, что у политической науки должен быть свой специфический язык и что она не должна прибегать к дискурсивным ресурсам других наук. Представим ситуацию, когда один такой специалист оценивает «четкость» постановки исследовательской задачи другим специалистом. Гарантий, что они придут к соглашению, нет никаких. Просто потому, что один по своей ментальности либерал, а другой консерватор, одному ближе либеральные научные интерпретации смысла понятий «политика», «политический институт», «государственный суверенитет», «национальный интерес» и т. д., а другому ближе консервативные интерпретации. И каждый из них будет считать свою точку зрения единственно верной.

Есть и другая предпосылка для того, чтобы исследователь и эксперт, формально использующие один политологический дискурс, не договорились по поводу оценки «четкости» постановки научной задачи. Язык современной политической науки, как зарубежной, так и российской, складывался исторически. Это значит, что развитие его шло в соответствии с внутренней логикой и собственными потребностями политической науки, в связи с потребностями междисциплинарных научных коммуникаций. Если в отдельных областях науки знания накапливались и между ними обнаруживались связи, то возникала потребность эти связи маркировать.

Таковыми маркерами, фиксирующими междисциплинарные связи на уровне языка гуманитарных и естественных наук, стали в XIX и XX

столетиях понятия «формация», «класс», «режим», «страта», «элита», «процесс», «сознание». За то время, в течение которого эти понятия использовались гуманитариями, политологами в том числе, в собственных познавательных целях, смыслы этих понятий многократно менялись в зависимости от смены методологических и идеологических парадигм, определявших вектор развития научного знания. Они, смыслы этих понятий, и сегодня остаются предметом дискуссий в среде политологов.

Так происходит потому, что и сама политическая наука меняется, и всю новую «информацию к размышлению» на этот счет ей подбрасывают бурно прогрессирующие естественные и точные науки. По причине сложности дискурсивных потребностей самой политической науки и сложности тех путей, которыми она идет к удовлетворению этих потребностей в междисциплинарных коммуникациях, смысл многих ключевых для политической науки понятий остается нефиксированным. По крайней мере, настолько, чтобы на него можно было бы ориентироваться как на индикатор четкости либо нечеткости формулировки научной задачи в конкретном политологическом исследовании.

Нефиксированным смысл многих ключевых для политологического дискурса понятий остается еще по одной причине. В те же два столетия политическая наука, стремясь усовершенствовать свой язык, параллельно с заимствованиями из других наук активно осваивала понятийный ряд обыденных социальных дискурсов. Таким образом она обеспечивала себе канал коммуникации с массовым сознанием и большой простор для дискурсивного маневра. Со временем, например, прижились и стали частью языка отечественной политической науки понятия «государство», «общество», «справедливость», «свобода», «смута». Даже в одном политологическом тексте эти понятия могут присутствовать как в научном, так и обыденном смыслах. Переход от одного смысла к другому можно проследить по довольно обычной для отечественных политологических исследований практике, когда, например, эквивалентом понятия «государство» для автора научного текста выступает понятие «власть» (оно же может выступать эквивалентом понятия «элита»), а эквивалентом понятия «общество» нередко выступают «социум», «народ» и «электрат».

В результате всех этих особенностей функционирования языка политической науки получается, что критерий «четкости» находится в большой зависимости от множества дискурсивных неопределенностей, а также от способности конкретного исследователя или эксперта не придавать этим неопределенностям принципиального значения при передаче и восприятии смысла научных высказываний. Получается, что «четкостью» обладает то понятие и та формулировка,



которые, по мнению специалиста, не выходят за привычные для него и потому кажущиеся ему естественными границы неопределенностей в научном дискурсе.

Следующий вопрос: что значит **корректность аргументации** в политологическом исследовании? Научно корректной обычно считается аргументация, опирающаяся на логику (для гуманитариев – формальную и диалектическую) и на факт (современный либо исторический). Проблему выбора логики решает для себя сам исследователь. В принципе, только он ответственен перед собой и коллегами за то, способен ли он вообще логически мыслить, или нет. Современные представления о формальной и диалектической логике опираются на хорошо разработанные теоретические основания и богатый опыт научного применения. Поэтому отсутствие логики в научном тексте легко заметить. Это критерий, вполне применимый как для оценки качества формулировки научной задачи, так и для оценки качества научного доказательства.

С «фактом» все обстоит сложнее. В том, как его толкуют современные российские политологи, сказывается своеобразная научная традиция. В частности, исторически мыслящий российский политолог с хорошим историческим образованием (не обязательно специальным, а просто хорошим) будет настаивать на признании «фактом» только того в прошлом и настоящем политики, что, как он считает, в политическом процессе «было на самом деле».

В позапрошлом веке немецкий историк Л. Фон Ранке предложил научному сообществу эту формулу в качестве критерия для определения качества исследований на исторические темы. Профессиональные историки в нашей стране и за рубежом много и долго спорили по этому предмету и в большинстве своем согласились с невозможностью использовать данный критерий на практике. Для профессионального историка, имеющего опыт работы с разнообразными источниками, содержащими информацию о прошлом, понятна причина этого.

На практике невозможно добиться такого максимального уровня объективности воспроизводства событийного ряда и исследовательских суждений по поводу тех или иных событий уже потому, что свидетельства эти оставляют живые люди. Они обладают собственным взглядом на происходящее вокруг них и не способны, как правило, эмоционально и рационально дистанцироваться от происходящего. Люди оставляют свидетельства не того, что «было на самом деле», а того, что они увидели вокруг себя, и того, что поняли или не поняли в происходящем. Это правило распространяется и на человека, профессионально и добросовестно занимающегося изучением прошлого только по тем источникам, которые ему удалось обнаружить и в достоверности показаний которых он не сомневается.

Уверенность историка, что он реально сможет историю народа и государства написать «как оно было на самом деле», сродни известному *credo* Фомы Аквинского: «Верую, ибо абсурдно!».

Спорят ли отечественные историки о «реальных фактах» начальной российской истории, или о «белых пятнах» истории советской, каждый раз результатом таких длительных дискуссий становится предельное, до неуловимости, истончение в сознании исследователя границ между событием, свидетельствами источников об этом событии и авторитетными мнениями коллег об этом событии. В процессе такого истончения границы и формируется представление конкретного исследователя о конкретном «факте». Исследователем движет уверенность, что событие, о котором он ведет разговор, не есть в чистом виде плод его фантазии, что это событие некогда занимало определенный сегмент физических пространства и времени и вызвало в них те изменения, которые тогда же или позже зафиксировали исторические источники в формате суждений свидетелей и их ближайших потомков об этом событии. Основываясь на этой уверенности, он осуществляет «картографирование» события. «Картографирование» это, заметим, если оно получает отклик в массовом сознании, ведет к формированию в нем стереотипной (социально-мифологической) картины события. На «карте» исследователь располагает в оптимальных, по его мнению, позициях сообщения источников и интерпретации этих сообщений его коллегами по научному цеху. Их он перемежает собственными суждениями и оценками.

Если эта «карта» выполнена исследователем добросовестно и с соблюдением методологических требований своей эпохи, то для современников и даже потомков она становится своего рода путеводителем по «факту». Она позволяет самому исследователю и читателям его текстов видеть «факт» одновременно с многих сторон, т. е. объемно. «Факт», таким образом, можно представить как аккумуляцию разнообразных мнений о событии, основанную на уверенности авторов этих мнений в реальности этого события.

Аккумуляция эта, заметим, относительно неустойчива. Ее стабильность постоянно нарушается появлением новых источников, сообщающих исследователям события некую новую информацию о нем. Нестабильность продуцирует также появлением новых поколений исследователей, которые на основании этой новой информации высказывают собственное мнение о событии, отличное от мнений предшественников. Они, таким образом, актуализируют «факт» в научном процессе и формируют его динамику. Свойство аккумуляции и подверженности коррекции исследовательского «мнения» позволяет «факту» быть ресурсом прогресса исторического знания и конструктивным элементом научной традиции.



Профессиональные историки и политологи, изучающие свой предмет с использованием хорошо известных методологий, как правило, не углубляются в размышления о природе «факта», как и размышления о причинах бесконечной длительности многих научных дискуссий о прошлом и настоящем. Причиной же в большинстве случаев является их отношение к «факту» как к «истине», своего рода «фактологический идеализм». Когда с позиции такого идеалистического представления о «факте» эксперт-политолог оценивает аргументацию своего коллеги, то он признает ее «корректной» в том случае, если она соответствует, не больше не меньше, его представлению об «истине». Работающим критерием оценки качества политологического исследования в данном случае является не авторская логика и тем более не «факт», а сугубо субъективная уверенность эксперта, что «истина» ему ведома.

Решить спор двух специалистов-гуманитариев по поводу того, что в их научных аргументациях является «фактом», а что нет, не получится, так как его часто решают представители точных и естественных наук. Точникам и естественникам опознать «факт» и «не факт» помогает научный эксперимент. В сфере гуманитарного знания «факт», если исходить из сказанного выше, это далеко не то, что можно проверить и перепроверить экспериментально. Постановка экспериментов над обществом, как показывает опыт мировой и российской политической жизни, это затея неэтичная, рискованная. К тому же заведомо бесполезная. Бесполезна эта затея потому, что хорош только тот эксперимент, который можно воспроизвести и при одинаковых условиях его проведения получить аналогичный результат. В случае постановки эксперимента над социально-политической системой (или ее частью) результат будет каждый раз иной даже при вроде бы сходных условиях. Различие результата будет следствием наличия у подопытных индивидов трезвого ума и доброй памяти, а также постоянно меняющихся жизненных интересов и жизненного опыта.

Можно, например, представить современные электоральные технологии в качестве своего рода описания эксперимента, который властная элита периодически ставит над электоратом. И понятна будет в этой связи причина парадокса: универсальная технология есть, а результаты ее практического применения отличаются каждый раз большим разнообразием даже в тех случаях, когда «электоральный эксперимент» ставится при сходных культурных, экономических и правовых условиях проведения выборов, и даже в одном и том же месте и в одно и то же время.

Эксперимент с натурой политологу заменяет анализ и обобщение собственного и чужого теоретического и практического политического опыта. И «факт» для него – это изначально не верифицируемое знание. Часто для него «факт»

– это всего лишь то, чему ему и его коллегам по научному цеху удалось найти рациональное и, что не менее важно, приемлемое для массового сознания объяснение. А таких рациональных и доступно массовому сознанию объяснений изначально будет столько, сколько есть самостоятельно и оригинально мыслящих исследователей.

Все эти критические замечания в адрес традиционного отношения историков и политологов к «факту» снимаются обычно доводами другого порядка. На гуманитарном знании основаны разнообразные политические, культурные и экономические идентичности современных людей. Будут ли эти идентичности устойчивы и действенны, если их основанием станут только мнения ученых, пусть даже авторитетные и аккредитованные, которые постоянно меняются и конкурируют друг с другом? Куда прочнее выглядит идентичность, основанная на представлении, что за мнениями скрывается «истина» и когда-нибудь наука до нее докопается. Это решающий аргумент в пользу нужности научных исторических знаний для большой массы людей, далеких от науки, но ищущих в прошлом опору для своих культурных, политических, религиозных и иных идентичностей. Такой же опоры для своих разнообразных идентичностей эта масса рядовых российских граждан ищет и в политологическом знании, поскольку часто видит в нем не столько самостоятельную область знания, сколько продолжение историописания, так сказать, историческое описание современности. Это значимый аргумент для тех политологов, которые стремятся на основании «истинных фактов» писать историю современной политики так, чтобы это знание приносило обществу практическую пользу. Пользу обществу политическая наука, несомненно, приносит. Но это не повод для нее, как представляется, обходить вниманием собственные внутрикорпоративные проблемы и интересы.

Последний вопрос из этого ряда: что значит **новизна выводов**, полученных в ходе исследования? Та новизна, на которую эксперт должен ориентироваться как на ключевой критерий качества научного продукта. В точных и естественных науках, например, новым нередко бывает признан научный результат, который представляет собой решение исследователем ранее известной задачи, но иным, чем это было раньше, способом.

Не так просто выглядит ситуация с этим критерием в гуманитарных науках, и политологии в частности. Представим ситуацию. Допустим, один политолог, изучающий, например, проблематику гражданского общества в России, пришел в результате кропотливого исследования «фактов» к выводу об отсутствии перспектив у либеральной модели этого общества в нашем Отечестве. При этом он логично выстроил всю



свою систему доказательств этого суждения, опираясь, к примеру, на системно-функциональный и институциональный методы. А другой исследователь, работающий в русле этой же проблематики, пришел к такому же выводу другим путем. Он тоже логически последовательно выстроил «фактическую» аргументацию, но, опираясь, например, на неоинституциональный и политико-психологический методы. Можно ли его результат исследовательских усилий считать новым вкладом в политическую науку и в политическую практику в сравнении с первым результатом?

Можно данный пример считать не вполне корректным и сказать, что методы эти давным-давно известны политической науке, и потому в применении ни тех, ни других никакой новизны не будет. Сегодня на методологию, действительно, трудно ориентироваться как на критерий новизны политического исследования уже потому, что политическая наука активно осваивает новейшие методы смежных с ней гуманитарных наук, а также наук точных и естественных. По прошествии двух столетий развития политической науки даже эти заимствуемые методы для нее уже выглядят вполне традиционными.

К проблеме можно подойти с другой стороны. Изменится ли экспертная оценка новизны результатов труда политолога-исследователя, допустим, в том случае, если он придет к упомянутому выводу о бесперспективности реализации в России «западной» модели гражданского общества неким теоретическим путем, ранее вообще не известным современной мировой и отечественной политической науке? Будет ли тогда вклад этого исследователя в политическую теорию и практику признан новым? Скорее всего, нет. Возможно даже, возникнут дополнительные трудности с признанием этого вклада научным. Ведь работоспособность нового метода еще только предстоит доказать. И аргументом против признания нового метода достаточным критерием новизны всего исследования будет для эксперта то, что методология в научном исследовании есть методология, что она может быть новой и не новой, а вот результат есть результат, и он обязан быть новым.

Такое отдельное требование к выводу предопределено специфической структурой вывода в гуманитарном исследовании. Вывод обычно, кроме обобщения материала, содержит в себе еще и авторскую этическую и идеологическую оценку этого материала. Методология прямо не определяет эту оценку. Ее определяют пристрастия самого исследователя и тот социальный запрос, в ответ на который он занимается научной работой. В результате ситуация складывается так, что одной только новизны методологии недостаточно для экспертной оценки новизны всего исследования. Теоретически все эти позиции надо оценивать в комплексе. Проблема в том, как

в этом комплексе свести научную методологию с социальной этикой и политической идеологией так, чтобы можно было бы говорить о внутренне непротиворечивом критерии, по которому можно было бы максимально объективно судить о новизне научного продукта. Пока решения этой проблемы нет, оценка нового качества научного труда самим исследователем и его экспертом с неизбежностью будет иметь эклектичные основания.

Пока все эти вопросы не обсуждены и не согласованы внутри политологического сообщества, трудно говорить о существовании в настоящий момент неких общих позиций, с которых для современного российского политологического сообщества возможна непротиворечивая и неконфликтная оценка качества результатов творческой деятельности его членов. До той поры в стратегии и тактике решения проблем качества политологических исследований будет доминировать чисто «делопроизводственная» логика: чем меньше будет исследователей, чем большим числом бумаг будет обставлен их творческий процесс, чем больше их будет одолевать соблазн уйти из науки в другие сферы деятельности, тем выше будет качество «штучного» результата исследовательской работы. Этой логике есть оправдание. Раз научное сообщество само слабо рефлексирует на тему «критериев качества», эту функцию рефлексии берут на себя управленцы. И они, заметим, делают для прогресса науки все, что в их компетенции и что сообразуется с их не менее, чем у исследователей, размытыми представлениями о критериях оценки качества научного исследования. Отношение исследователей и управленцев к проблеме повышения качества научных результатов – это продукт одной российской системы высшего образования и одной научной традиции.

Большую часть тех проблем, о которых говорилось выше, невозможно решить быстро. Некоторые из них просто неразрешимы в обозримой перспективе научного процесса. Они, тем не менее, очерчивают границы того пространства коммуникаций в политологическом сообществе, из которого исходят вызовы устойчивости и конструктивности таких коммуникаций. Вызовы перспективе существования политологической корпорации как таковой в современной России. Возможно ли нормальное существование и воспроизводство корпорации, взаимоотношения внутри которой строятся по принципу предъявления ее членами друг другу недостаточно осмысленных и четко сформулированных требований? Скорее всего, нет.

Вопрос не в выработке каких-то иных критериев качества научного труда. Отказаться от использования критериев качества, о которых говорилось выше, современная политическая наука не может. Это значило бы отказаться от той научной традиции, в русле которой отечествен-



ная политология сегодня продолжает свое развитие. Тем более, что эти критерии, как уже было отмечено, имеют общенаучный характер и связывают политическую науку с остальным массивом отечественного научного знания. Вопрос в понимании исследователями и экспертами того, что критерии качества существуют не сами по себе. Эти критерии – не более чем абстракции с неустойчивым смыслом, практическую функциональность которых применительно к современным нуждам политической науки определяют совсем не нормативные документы. Их функциональность в конечном счете определяет внутрикorporативная солидарность. А солидар-

ность эта обнаруживает себя в готовности одного политолога, оценивающего качество научного труда другого политолога по упомянутым критериям, поразмышлять над тем, насколько ему самому понятен смысл этих критериев. Насколько он сам себе способен объяснить, как этот смысл критерия может меняться и меняется в приложении к разным политологическим текстам, разным их структурным элементам, отражающим разнообразие интересов и методологических возможностей современной отечественной политической науки. Тогда «судебный приговор» научному труду не будет подменять собой научную экспертизу его качества.

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Качество политического исследования: проблема критериев оценки // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 308–313. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-308-313.

Cite this article as:

Shestov N. I. Quality of Political Research: the Problem of Evaluation Criteria. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politics*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 308–313 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-308-313.



УДК 322.261.7

«ИСЛАМСКАЯ МЕЧТА»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА

Д. Г. Мирзаханов, З. А. Исрапилова

Дагестанский государственный технический университет,
Махачкала
E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru, Israpilova1966@mail.ru

Статья посвящена осмыслению концепта «исламская мечта» в современных российских политических процессах. В работе доказывается методологическая продуктивность и прикладное значение данной категории. Это понятие имеет ряд преимуществ перед термином «исламская альтернатива» и позволяет снять ряд парадоксов в изучении политических конфликтов. «Исламская мечта» существует и может быть предметом политических исследований в различных измерениях и моделях.

Ключевые слова: «исламская мечта» в российских политических процессах, методологическое измерение концепта «исламская мечта», уровни и интерпретации концепта, модели и варианты «исламской мечты» в России.

“Islamic Dream”: Methodological and Applied Significance of this Theoretical Concept

D. G. Mirzakhanov, Z. A. Israpilova

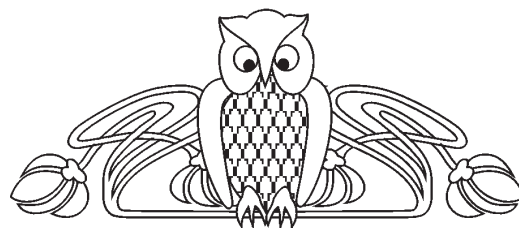
The paper devoted to making sense of the concept “Islamic dream” in the current Russian political processes. The author argues that this term has methodological efficiency and practical meaning. This notion has also many preferences over term “Islamic alternative” and allow get over a number of paradoxes in study of political conflicts. “Islamic dream” there is definitely and can be as subject of political investigations in different aspects and models.

Key words: “Islamic dream” in Russian political processes, methodological dimension of concept “Islamic dream”, levels and interpretations of the term, models and versions of the “Islamic dream” in Russia.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-314-319

С окончанием «холодной войны» политика во всем мире стала менее идеологичной и более прагматичной. Аналитиками ситуация рисуется так, что политика фактически осталась без привычной ей стройной идейной, опирающейся на авторитет науки и религии, мотивации. Последнюю якобы заменили технологии выстраивания (иногда очевидно симулятивные) разнообразных коммуникаций, информационных, политических и экономических¹.

Возможно, правы те, кто утверждает, что эра классических идеологий действительно закончилась. Доверие к классическим идеологиям и интерес к ним в современных обществах, как об этом свидетельствует, в частности, состояние российской многопартийности², сегодня, действительно, как никогда низки. Из этого, одна-



ко, ни логически, ни фактически не следует, что политика вдруг стала «безыдейной». Идею приобрела иной формат, в ней иначе распределились приоритеты. Былые стройные «классические» идеологические конструкции распались. Два прежних основных их конструктивных элемента – научные доктрины и массовые ожидания справедливого, безопасного и благополучного настоящего и будущего – приобрели более самостоятельное, чем ранее, влияние на политическое поведение современных людей.

Одна часть людей в современных обществах, когда вспоминают о «политической идеологии», по-прежнему представляют себе системно и научно изложенные постулаты. Другая, значительно большая часть, просто верит в то, что настоящее можно изменить к лучшему уже сегодня. Поэтому они мигрируют из менее развитых в политическом и экономическом отношении стран в более развитые, участвуют в различного рода «веснах» и «цветных» революциях, в разного рода «демократических транзитах». Иначе говоря, мыслят и ведут себя спонтанно и хаотично, не заботясь о последствиях и не пытаясь их заранее просчитать.

Эти ожидания лучшего качества настоящей и будущей жизни не всегда структурированы и сформулированы настолько, чтобы применить к ним определение «социальная утопия», привычное для отечественных гуманитариев. Если исходить из опыта мировой политической мысли, то социально-политические «утопии» (консервативные, либеральные и социалистические) обычно представляют собой более или менее логически непротиворечиво построенные выборки из широкого спектра социальных мечтаний.

Вследствие этого многое из исходного ряда социальных мечтаний остается за пределами той или иной утопии. Это особенно заметно сегодня, когда в массовом сознании на переднем плане уже не фигурируют представления об идеальном устройстве общества и государства или требования изменить социальную структуру так, чтобы в ней не было бы разделения на богатых и бедных, и т. д. Взгляд на политику современных обществ и отдельных людей сегодня в большей степени определяют другие мечты. Страны либеральной демократии и рыночной экономики мечтают вернуться к безопасной жизни, которую им обещают вернуть представители правых и популистских политических сил. При этом одна часть граждан и элиты мечтает о том, чтобы



прийти к такому результату на основе толерантности, открытости, единства «западного мира» и «общечеловеческих ценностей». Другая часть общества полагает, что путь к этому лежит через возвращение своих обществ и государств в русло суверенной национально-государственной политики.

Новой версией «американской мечты» все более, как показали последние президентские выборы в США, вдохновляются североамериканцы. Судя по истории с избранием президентом Д. Трампа, вопреки всем научным прогнозам, американцы больше стали мечтать о том, чтобы в погоне за этой глобалистской утопией самим не оказаться «в шалаше» и не утратить самочувствия самой счастливой и безопасно живущей нации на свете. Теперь, как отмечает политический эксперт, «простодушные люди, которые до сегодняшнего дня были отданы на откуп истеблишменту демократической и республиканской партий, впервые в своей жизни вдруг ощутили силу в своих руках. И я тоже почувствовал себя частью этой мировой революции, которую вновь возглавили Соединенные Штаты Америки»³.

В последние годы волна «весен» и других «цветных» революций, прокатившихся по странам бывшего «третьего мира», показала также силу «исламской мечты». Данное понятие, на наш взгляд, имеет определенное преимущество перед понятием «исламская альтернатива», которым в последние два десятилетия активно оперирует отечественное исламоведение⁴. Термин «исламская альтернатива» изначально имеет избыточную для политологического исследования идеологическую нагруженность. Он сразу провоцирует вопрос: альтернатива чему? Очевидно напрашивается ответ – той политической системе, в которой существует, например, российский мусульманин.

Что «концепт исламской альтернативы» подразумевает именно такое толкование, подтверждает высказывание одного из авторитетных отечественных исламоведов А. Малашенко. С его точки зрения, суть «исламской альтернативы» определяет идея «...формирования общественного строя, государственной модели на принципах ислама. Поиск религиозной альтернативы стал ответом на несостоявшиеся в мусульманском мире в послевоенное время западную, советскую, национальную (арабский, баасистский, алжирский, йеменский и пр.) модели»⁵. К характеристике процесса политизации ислама в глобальном масштабе такой термин и такая его трактовка, возможно, применимы.

Вместе с тем сам А. Малашенко в своих многочисленных публичных выступлениях и научных публикациях не раз подчеркивал в последние годы, что российские мусульмане в большинстве своем не стремятся к изменению основных характеристик политической системы. Их больше волнует проблема приведения в со-

ответствие конституционно декларированных и фактических ее политических, правовых и экономических характеристик. Это не стремление граждан-мусульман к иному, выходящему за границы их повседневного гражданского состояния, к политической «альтернативе». Это, в сущности, именно мечта о том, чтобы в повседневной жизни государством и обществом все было сделано так, как это закреплено в Конституции РФ.

Прежде, на фоне более-менее структурно стройных и научно обоснованных «западных» идеологий, «исламская мечта» выглядела одним из атрибутов постколониальной культуры и недостаточно значимым фактором внутривосточных и международных политических процессов. Она не была значимым политическим фактором даже на фоне «коммунистической мечты» советского общества. Кризис классических идеологий, дискредитация «коммунистической мечты» и рост влияния меркантильно-индивидуалистических мотиваций в политическом участии изменили ресурс влияния «исламской мечты». Теперь представления мусульманского населения стран бывшего «третьего мира» о возможности жить «не хуже, чем европейцы и американцы», и при этом не поступаться «обычаями предков» и «волей Всевышнего», не утрачивать своей специфической цивилизационной идентичности многое определяют не только в жизни самого мира ислама.

Кризис классических идеологий поставил «исламскую мечту» в примерно равные конкурентные условия с тем, что по аналогии можно было бы обозначить понятиями «либеральная мечта», «консервативная мечта», «социалистическая/коммунистическая мечта» современных обществ. На одном фланге этой конкуренции «исламская мечта» даже одержала победу. В том смысле, что существенно потеснила в массовом сознании современных обществ интерес к «социалистической/коммунистической мечте». Она фактически во многих случаях заняла в системе современной политической культуры ту нишу, которую по результатам «холодной войны» освободила в мировом масштабе и в масштабе политических процессов отдельных стран «социалистическая/коммунистическая мечта», актуализировавшая в массовом сознании ценности справедливости, равенства, социальной солидарности, человеческого достоинства и т. д.

Этим, вероятно, можно объяснить, как и почему сегодня во многих странах мира место прежних левых радикалов в политических процессах заняли радикальные исламисты, существенно обогатившие прежнее сакральное содержание «исламской мечты» за счет интеграции в нее политических социалистических ценностей. «Исламская мечта» набирает в современном мире все больший вес и влияние за счет того, что побуждает своих приверженцев отбросить всякие сомнения и дискуссии по поводу ценностей,



являющихся естественными и необходимыми для существования в современном мире, полном неопределенностей и угроз для обычного человека, не защищенного обладанием богатства или политической властью.

К конфликтам, мотивированным «исламской мечтой» большинства их рядовых участников, можно, на наш взгляд, отнести конфликты внутри самого мира ислама, а также между исламскими уммами и институтами светского национального государства в современном мире. В одних странах этот конфликт выражен более остро и доходит (как в Сирийской Арабской Республике) до пиковых значений, до открытого противостояния этнических и исламских общин и официальных властей. В других случаях он не выражен так явно, но существует в дисперсном, рассредоточенном по отдельным регионам, по отдельным этническим и религиозным сообществам виде. И проявляет себя он то тут, то там в виде «обострений», взаимного непонимания и конфликтных коммуникаций людей и социальных групп. Последнее имеет отношение к ряду современных стран (Турция, Египет).

В этот ряд можно включить и Россию, исламские сообщества которой сегодня живут не консервативной, либеральной или коммунистической идеологией и не какими-либо утопическими проектами. Большинство российских мусульман не близок, например, утопический проект ИГИЛ. Они живут одновременно рациональной и иррациональной мечтой о том, чтобы самим занять или сохранить достойное место в системе политических, экономических и культурных отношений и тем обеспечить достойное будущее своим потомкам.

«Исламская мечта» существует и может быть предметом политического исследования в двух измерениях.

Одно измерение связано с тем, как сами мусульмане представляют себе правильно устроенный мир и порядок отношений в нем между самими уммами, между уммами и неисламскими социальными структурами, а также между уммами и государственными институтами. Не всегда при постановке этих проблем по естественным причинам сообщество мусульман может опереться на рекомендации религиозных текстов. Проблема является важной для поддержания в сообществе «мечтательного» и пассионарного настроения, но ее формулировки и представления о способах решения лежат за пределами того круга ресурсов и инструментов, который очерчен религиозными текстами.

С этим, вероятно, связано вполне искреннее стремление многих мусульман, в том числе в России, попытаться перекинуть мостик от священных текстов к проблемам, лежащим за пределами традиционной религиозной методологии. Делается это для решения актуальных политических проблем современности, для того,

чтобы расширить сферу сакральной подпитки «мечты» за счет создания собственных интерпретаций священных текстов. Фактически именно попытки решать новые политические задачи посредством расширения сакральной подпитки «исламской мечты» ведут к росту радикальных настроений в исламских сообществах.

Современные специалисты по вопросам противодействия религиозному радикализму и политическому экстремизму не всегда различают, где мотивация таких настроений лежит в плоскости получения коммерческой прибыли от занятий противоправной деятельностью, а где – в плоскости «мечты», нести которую людям пассионарно настроенный человек считает своим долгом перед обществом.

Это то, что можно назвать «общественной исламской мечтой». Она разнообразна в своих проявлениях. Многое зависит от условий, времени и места. Она различается, как правило, даже в пределах одного национально-государственного пространства в зависимости от того, как она сопрягается с традициями, историческим опытом и текущими проблемами этносов, населяющих государственную территорию.

Различия ее проявления (по содержанию и формам артикуляции) являются источником многих конфликтов в исламском мире и за его пределами, в которых с позиции деления мотиваций конфликта на рациональные и иррациональные трудно уловить логику. Логика эту определяет свойство «мечты», которой живут исламские сообщества и которой они, в интересах своей культурной и политической идентичности, стараются придать максимально насыщенный и специфический вид.

Возможно, это объясняет, почему так трудно найти общий язык не только шиитам и суннитам, а тем более представителям различных сект, но даже представителям одного направления в исламе, если они принадлежат к разным поколениям и разным стратам в одной умме. По замечанию современного публициста по поводу конкуренции различных структур, руководящих жизнью российских мусульман, «вся эта мышьяная возня “муфтиятов” не выходит за их узкий круг, лишённого какого-либо влияния на жизнь простых мусульман. В регионах же мусульмане и их организации живут своими проблемами и заботами, которые страшно далеки от внимания религиозных боссов, борющихся не за решение проблем мусульман, а всего лишь за монопольное право представлять их интересы перед государством»⁶.

Это измерение внутренне не едино. Оно, если говорить конкретно о политическом пространстве РФ, распадается на две интерпретации (или версии) «исламской общественной мечты». В обобщенном виде одну версию олицетворяет Татарстан, другую – Дагестан. Различия в ожиданиях мусульманами этих регионов жизни «не хуже, чем у других», имеют исторические и со-



временные основания⁷. По поводу оснований, возникающих из повседневной жизни этих двух региональных исламских сообществ, один из экспертов верно, на наш взгляд, заметил: «Из-за разобщенности ислама нет единого критерия, в соответствии с которым можно было бы определять, что правильно, что неправильно?»⁸

Второе измерение связано с тем, как правильно устроенный мир и порядок отношений в нем государства и общества представляют современные мусульманские элиты и контрэлиты в регионах со значительным мусульманским населением. Это, образно говоря, «исламская государственная мечта». Она также, как показывают постоянные и достаточно жесткие конфликты в руководящих структурах исламских умм различных регионов РФ, характеризуется сложностью и противоречивостью. В одних случаях это мечта об «исламском государстве», в котором оно управляет обществом в силу религиозных предписаний, в других – это мечта об «исламском государстве», в котором власть справедливо управляет общественной жизнью в силу меньшей, чем общество, связанности религиозными предписаниями, большей свободы в формировании политических интересов, свободы политического выбора и маневра.

На почве различий в «мечте» возникают конфликты в рядах политических элит и контрэлит в современном мире ислама. Эти конфликты часто противоречат привычным для политологов представлениям о том, что главное для любой политической элиты – сохранить власть. Конфликт рождает «мечта» представителей элиты или контрэлиты о такой власти, которая имела бы эксклюзивный вид и в силу этого требовала бы от людей, обладающих ею, минимальных усилий по поддержанию ее легитимности в обществе («настоящая власть», «правильная власть»). Это сложное измерение «исламской мечты» играет роль основного фактора в процессе выстраивания в РФ «исламо-государственных отношений» (по определению А. Малашенко)⁹.

Как и у всякой мечты, у «исламской мечты» есть дистанция, отделяющая ее, как мотивацию конфликта, от реальных условий и ресурсов этого конфликта. На это не всегда обращают внимание политики и политические аналитики, воспринимающие ее как покушение на реально существующий порядок вещей. Мечта об ином порядке вещей для большинства рационально мыслящих людей сопряжена с пониманием своих возможностей изменить существующий порядок и пониманием рисков, которыми чреватые любые радикальные перемены в общественной и государственной жизни. Эти риски обнаруживаются уже на этапе формирования «мечты», благодаря чему сегодня во всем мире исламские сообщества и элиты расколота по признаку максимы «мечты» на радикалов и умеренных с богатой вариативностью переходных состояний.

В связи с последним тезисом считаем необходимым затронуть еще одну проблему. Для полноты представления о структуре пространства, в котором существует «исламская мечта», можно еще отметить факт существования «антиисламской мечты». Она выступает своего рода альтернативой «государственной исламской мечты» мусульманских элит и контрэлит в процессах и процедурах, из которых складывается система «исламо-государственных отношений». В России сегодня ее носителем и выразителем выступает немалая часть неисламской интеллигентной, политической и бюрократической элит в федеральном центре и регионах РФ. Качество и структура этой «мечты» представляют собой продукт экстраполяции представлений о политической роли любой религии, сложившихся еще у советской элиты, на современные общественно-государственные отношения в РФ. Постсоветские элиты выполнили роль агентов такой экстраполяции, соединивших советский опыт отношения государства к религии с опытом «парада региональных суверенитетов» в РФ 90-х гг. прошлого века и опытом сепаратистских движений того же времени с использованием исламских лозунгов на Северном Кавказе и в Средней Азии.

Содержание этой «антиисламской мечты» неисламских элит достаточно емко, на наш взгляд, охарактеризовал А. Малашенко: «В ее [государственной власти] подходе доминирует подход к исламу как к идеологии и политическому движению, угрожающему стабильности и даже целостности государства, несовместимому с законами и Конституцией. Публично это не признается, но де-факто власть относится к исламу с настороженностью, даже с боязнью. Это, впрочем, характерно и для европейской, американской и китайской правящих элит. Мало кто из находящихся у власти политиков отважится в этом признаться, однако подозрительное, даже неприязненное их отношение к исламу ни для кого не секрет»¹⁰. Переживание в мечтах реальных и мнимых рисков, связанных с «исламо-государственным» взаимодействием, внутренне сплавивает неисламские административные, политические и культурные элиты, позволяет им постоянно актуализировать в своих политических дискурсах проблематику национально-государственной безопасности.

«Мечта», в отличие от идеологии (требующей от элит большей творческой работы над своей формой и содержанием), в силу своей структурной и содержательной мобильности постоянно опережает возможности конфликтующих сторон четко сформулировать взаимные претензии и требования. Она делает естественным развитие любого конфликта в сфере исламо-государственных отношений в русле взаимных обвинений в нерациональности позиций, радикализме, безответственности перед потомками,



нецивилизованности, низкой правовой культуре и т. д. и, одновременно, в русле констатаций необходимости взаимопонимания сторон.

Такого рода взаимные обвинения воспринимаются сторонами конфликта, в чей адрес они звучат, как заведомо необоснованные, направленные на эскалацию конфликта вместо его решения. Правыми в этом случае оказываются обе стороны. Одна сторона права в том, что мечтать и делиться своей мечтой с окружающими (если это не выходит за рамки правового поля и моральных границ) может каждый современный человек. Особенно в демократическом государстве. Мечта она и есть мечта. С другой стороны, права и противная сторона, которая настаивает на опасности мечтаний вообще и «исламской мечты» в частности для политики. Особенно в тех случаях, когда у исламского сообщества мечта имеет одни свойства и направленности, а государственная бюрократия мечтает о другом.

Модель «антиисламской мечты» позволяет охарактеризовать в политологическом исследовании причинно-следственные связи в мыслях и действиях неисламских элит, направленных на приобретение формального и неформального контроля над процессом «исламского возрождения» в конституционных границах и границах интересов федеральных и региональных отрядов бюрократии.

«Мечтательный» настрой мусульманской элиты и контрэлиты провоцирует ее на завышенные требования к реально функционирующим институтам государственной власти. Точно так же «мечтательный» настрой неисламских элит, государственной бюрократии в особенности, провоцирует их на столь же завышенные требования к исламским сообществам в России административно и юридически сорганизоваться и оформиться так, чтобы в их деятельности все было для государственных институтов понятно, а потому не вызывало сомнений и опасений. Подобно тому, как строятся, например, отношения государственных институтов с институтами РПЦ.

Понятие «исламская мечта» полноценно передает специфику пассионарных настроений, возникающих в разных центрах «исламского возрождения» в современном мире. Концепт «исламской мечты» позволяет сформировать две модели, характеризующие общую логику взаимодействия двух базовых центров «исламского возрождения» в современной России (Дагестан – Татарстан) и логику их ориентации в своем развитии на разные мировые центры «исламского возрождения» (Саудовская Аравия, Турция, Иран). В рамках этих моделей можно структурировать по ключевым позициям точки соприкосновения и расхождения двух вариантов, в которых сегодня формируется в России политическая перспектива политического участия умм.

Одну модель «исламской мечты» формирует на протяжении последнего десятилетия, как уже было сказано, Дагестан. В ее структуре общественное начало (общественное видение правильно устроенной системы отношений между людьми в обществе, между обществом и властью), с которой солидарна часть элиты и контрэлиты, доминирует над государственным. Другую модель представляет Татарстан. В структуре этой «мечты» государственное начало «государственная исламская мечта», с которой солидарна часть общества, доминирует над общественным. Это влечет за собой и содержательные различия «мечтаний» обществ и элит, по-разному мотивирует их включенность в политические процессы внутри России и в коммуникации с внешним миром.

Именно способность генерировать и воспроизводить свой особый вариант «мечты» делает эти регионы центрами «исламского возрождения» и имплицитно конкурирующими субъектами. Каждая модель подразумевает подпитку ресурсами, обеспечивающими ее конкурентоспособность и устойчивость. Отсюда стремление расширить связи с мировыми центрами «исламского возрождения» и с периферийными структурами в ареалах своего влияния внутри России. Отсюда стремление усилить некоторые моменты конфликтности с государственными или же общественными институтами, чтобы подчеркнуть высокий, соответствующий общероссийской «национальной мечте» (национальной идее) уровень запросов на изменение форм и способов коммуникаций между обществом и властью в политической системе.

Описание политического процесса в современной России с применением указанных моделей позволяет решить важную для политических науки и практики задачу. А именно задачу определения природы взаимного непонимания исламских общественных структур и государственных институтов в вопросах общественной самоорганизации и политического участия.

Исследователю модели дают возможность конкретно представить тот ряд позиций, по которым «мечты» мусульман (рядовых граждан и представителей элиты) и «антиисламские мечты» российской бюрократии, например, каким-то образом коррелируют. Это важно для понимания того, почему в одних случаях конфликты умм с государственными институтами протекают достаточно латентно, а в других – приобретают резкий характер. Можно при помощи такого моделирования структурировать пространство конфликта таким образом, чтобы выделить в нем опорные точки, процессы и идеи, на которые необходимо опираться государственным структурам в выстраивании отношений с исламскими сообществами на минимально конфликтном уровне.



Примечания

- ¹ См.: Александров А. Политика Постмодерна как симуляция Политического. Метаморфозы Постполитики. URL: <http://www.against-postmodern.org/aleksandrov-politika-postmoderna-kak-simulyatsiya-politicheskogo> (дата обращения: 07.02.2017) ; Вест С., Кельнер Д. Постмодернистская политика и борьба за будущее. 3 июня 2010. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page18875.html> (дата обращения: 07.02.2017).
- ² См.: Кузнецов И. И. Так для чего нам так сегодня необходим плюрализм? // Независимая газета. 2017. 7 февр. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2017-02-07/14_6922_pluralizm.html (дата обращения: 08.02.2017).
- ³ Бехор Г. В мир возвращается правда. 7 февраля 2017. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/02/07/razvorachivaetsya-velikaya-mirovaya-revolyuciya-izrail-v-fokuse> (дата обращения: 07.02.2017).
- ⁴ См.: Малащенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект / Московский центр Карнеги. М. : Весь мир, 2006.
- ⁵ Малащенко А. Российские мусульмане в международном контексте. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Rossiiskie-musulmane-v-mezhdunarodnom-kontekste---17204> (дата обращения: 11.02.2017).
- ⁶ Хусаинов Р. Многолетняя тяжба между ЦДУМ и ДУМ РФ привела к появлению в российском сегменте ислама третьей силы. 26 ноября 2016. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=30612> (дата обращения: 11.02.2017).
- ⁷ См.: Бутайрин М. Различия мусульман России. Почему татаро-башкирская и кавказская модель исламской практики так отличаются? 05 марта 2016 г. URL: http://fnka.ru/glav_lenta/12614-razlichiya-musulman-rossii.html (дата обращения: 11.02.2017).
- ⁸ Модестов С. Зачем в Коране ищут призывы к войне. 13 янв 2017. URL: <http://www.pravda.ru/society/family/pbringing/13-01-2017/1322261-islam-0/> (дата обращения: 11.02.2017).
- ⁹ Малащенко А. Российские мусульмане в международном контексте.
- ¹⁰ Там же.

Образец для цитирования:

Мирзаханов Д. Г., Исрапилова Э. А. «Исламская мечта»: методологическое и прикладное значение теоретического концепта // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 314–319. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-314-319.

Cite this article as:

Mirzakhanov D. G., Israpilova Z. A. "Islamic Dream": Methodological and Applied Significance of this Theoretical Concept. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 314–319 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-314-319.



УДК 323.17

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. А. Вилков, Н. С. Толкунов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vil57@yandex.ru, niktolkunov@gmail.com

В статье рассматривается опыт реализации этнокультурной политики на региональном уровне на примере Саратовской области. Анализируется нормативно-правовое обеспечение этнокультурной политики в регионе. Рассматриваются вопросы реализации права на культурное самоопределение, получение этнокультурного образования и сохранение родного языка, взаимодействие с этническими общественными объединениями.

Ключевые слова: этнокультурная политика, этническая общность, программно-целевой подход, национально-культурная автономия, этнокультурное развитие, этнокультурное образование.

Ethnocultural Policy in Saratov Region: Problems and Prospects

A. A. Vilkov, N. S. Tolkunov

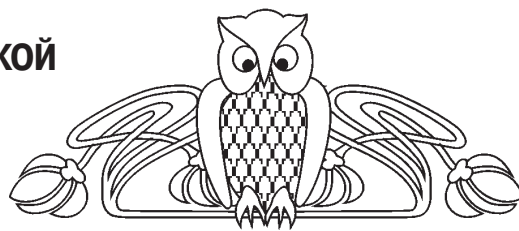
The article considers the experience of implementing ethnocultural policy at the regional level by the example of Saratov region. The author analyzes the normative-legal provision of ethnocultural policy in the region. The questions of realization of the right to cultural self-determination, receipt of ethnocultural education and the preservation of the native language, interaction with ethnic public associations.

Key words: ethnocultural policy, ethnic community, program and target approach, national-cultural autonomy, ethnocultural development, ethnocultural education.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-320-325

Проблема гармонизации этноконфессиональных отношений в регионах современной России по определению является одной из самых актуальных и политически значимых. Обусловлено это тем, что состояние данной сферы во многом является индикатором благополучия/неблагополучия экономического, социального и культурного развития конкретного субъекта Российской Федерации и важнейшим параметром эффективности политического управления в регионе.

Опыт Саратовской области в этой сфере представляет особый интерес, обусловленный, прежде всего, тем, что регион является многонациональным, поликонфессиональным территориальным образованием. Область представляет собой этноконтактную зону, на территории которой проживают: русские, татары, казахи, украинцы, немцы, армяне, мордва, белорусы, чуваша и представители многих других российских народов. Ее специфика связана также с приграничным положением и вхождением в



так называемый «миграционный коридор Восток – Запад», являющийся транзитным для представителей стран Средней Азии, Ближнего Востока. По разным подсчетам, в год через регион проезжают около 260 тыс. мигрантов, из которых около 15 тыс. остаются в регионе. В связи с этим в данной работе необходим анализ фактической реализации этнокультурной политики и законотворческой деятельности по ее реализации на политико-правовом уровне.

По своей этнической структуре Саратовская область представляет собой определенный срез Российской Федерации. На момент переписи 2010 г. в области было зарегистрировано 135 этнических групп, в то время как во время переписи 1989 г. их было 111¹. Каждая из этих групп имеет свои социокультурные особенности, традиции, которые важно учитывать при реализации этноконфессиональной политики на территории региона.

Подавляющее большинство политической элиты области представляют русские, однако такая картина не является результатом чьих-либо целенаправленных действий или проводимой политики, а связана с фактическим численным доминированием русских в населении региона. Вместе с тем различные этнические группы представлены среди глав администраций, в структурах органов власти и местного самоуправления.

Концепция государственной национальной политики в Саратовской области в определяющей степени дублирует концепцию государственной национальной политики Российской Федерации с учетом национально-культурных особенностей населения региона. Для реализации практических мер в сфере национальных отношений в области в конце 1990-х гг. была разработана и принята программа «Социальное и национально-культурное развитие народов Саратовской области на 1998–2001 годы». Принципы и цели данной концепции также полностью соответствовали принципам и целям общефедеральной концепции. Отдельный раздел был посвящен главным направлениям реализации государственной национальной политики, основным инструментом которой в регионе, как и на общефедеральном уровне, провозглашался программно-целевой подход.



К основным задачам концепции относились вопросы создания областных программ социально-экономического и национально-культурного развития народов, инициирования вопросов совершенствования законодательства области в соответствии с нормами международного права, Конституции Российской Федерации, федерального законодательства и с учетом этносоциальных и этнокультурных процессов в области. Кроме того, государственная поддержка была направлена на содействие различным формам местного самоуправления, создание условий для выражения инициативы всех групп населения области, а также учет их интересов в деятельности органов местного самоуправления. Акцент делался на необходимости выстраивания диалога между органами власти и национальными общностями. В связи с этим в концепции подчеркивалась необходимость активизации деятельности Совета по взаимодействию с национальными объединениями при губернаторе области, Ассамблеи народов области и Ассоциации национально-культурных объединений Саратовской области.

Данные направления этнополитики были подкреплены программами национально-культурного развития народов в Саратовской области на 2003–2006, 2008–2010, 2011–2013 гг. Основными задачами этих программ были обозначены: предупреждение межнациональных конфликтов, этнокультурное развитие народов Саратовской области, сохранение и приумножение культурно-исторического наследия региона, формирование установок толерантного сознания жителей области, содействие гармонизации межэтнических отношений, обеспечение интеграции иммигрантов в жизнь местных сообществ в муниципальных образованиях области, формирование на местах атмосферы сотрудничества и доверия. Также эти программы делали акцент на необходимости проведения мероприятий национально-культурных объединений, органов исполнительной власти и местного самоуправления.

Анализ данных программ позволил выявить их некоторые особенности. Например, специфика программы на 2003–2006 гг. заключалась в акценте на необходимости создания нормативно-правовой базы и информационной базы для обеспечения удовлетворения национально-культурных интересов многонационального населения области². Программа развития на 2008–2010 гг. одной из целей ставила недопущение социальной стратификации по этническому признаку, ориентировала на улучшение экономических показателей, социально-экономического климата в регионе, а также совершенствование процедуры интеграции мигрантов в жизнь местных сообществ³. Программа 2010–2013 гг. среди основных целей ставила также поддержку российского казачества⁴.

Реализация данных программ предусматривала, как правило, три этапа. Первый этап пред-

усматривал деятельность по разработке стратегии и нормативно-правовой, организационно-методической базы и базы инвестирования этнокультурных проектов в рамках реализации программы. На втором этапе предполагалась уже непосредственная реализация пилотных проектов в сфере инновационных стратегий этнокультурного развития области, формирование ресурсной базы проведения конкурсов этнокультурных проектов, организационное и нормативно-правовое обеспечение финансирования инициатив в этнокультурной сфере. На заключительном этапе реализации данных программ предусматривались мероприятия, направленные на распространение результатов, полученных на предыдущих этапах, корректировка их с учетом достигнутого⁵.

В данный момент этнополитика в регионе осуществляется на основе действия подпрограммы 13 «Гармонизация межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов Саратовской области на 2014–2020 годы» программы «Культура Саратовской области до 2020 года». Цели и принципы программы сохраняют преемственность с предшествующими программами. Отмечается необходимость обеспечения единства народов, проживающих на территории области, укрепления этноконфессионального диалога, снижения конфликтного потенциала для укрепления общественно-политической стабильности и роста инвестиционной привлекательности области. Наибольшее внимание в данном документе уделяется необходимости создания на областном и муниципальном уровнях системы мониторинга состояния этноконфессиональных отношений и необходимости интеграции ее в общефедеральную систему.

Кроме того, среди основных задач подпрограммы следует отметить противодействие любому виду экстремизма и ксенофобии на территории области. Подпрограмма важное место отводит использованию потенциала гражданского общества для улучшения состояния межнациональных отношений, укрепления роли национальных общественных объединений и национально-культурных автономий, в том числе для адаптации мигрантов.

В рамках программы предусматривается проведение ряда мероприятий. Среди них можно выделить мероприятия: по информационному сопровождению деятельности в сфере этноконфессиональных отношений; организации мониторинга в данной области; организации мероприятий, в том числе на территории этнографического комплекса «Национальная деревня народов Саратовской области», для гармонизации межнациональных отношений; организация семинаров и дополнительного образования для госслужащих, профессиональная деятельность которых лежит в сфере межнациональных отношений. Отдельно выделена необходимость популяризации наследия российского казачества⁶.



Программами предполагался переход от дотационной политики к политике финансирования этнокультурного развития через механизмы самоорганизации национально-культурных объединений. Предусматривалось развитие сети этнокультурных организаций, чья деятельность направлена на социально-экономическое развитие муниципальных образований области, активизацию процессов межрегионального этнокультурного развития.

На региональном уровне вопросы управления этноконфессиональной сферой курирует вице-губернатор области. Среди прочих его полномочий значится взаимодействие с национальными и религиозными объединениями.

Что касается непосредственно управления этнополитическими процессами, то в структуре Правительства Саратовской области есть комитет, специализирующийся на этом. 30 марта 2007 г. постановлением губернатора комитет общественных отношений был преобразован в комитет общественных связей и национальной политики Саратовской области⁷. 22 сентября 2014 г. управление внутренней политики и общественного мониторинга Правительства Саратовской области было реорганизовано и присоединено к комитету общественных связей и национальной политики области⁸. Данный комитет как орган исполнительной власти наделен рядом полномочий в сфере общественных, национальных и государственно-конфессиональных отношений⁹.

Именно комитет общественных связей и национальной политики, главным образом, ответственен за осуществление управления этнополитическими процессами. Он является исполнителем уже рассмотренной нами ранее подпрограммы 13 «Гармонизация межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов Саратовской области на 2014–2020 годы», других областных программ, действующих в данной сфере, в том числе Плана мероприятий по реализации в 2017–2019 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. на территории Саратовской области¹⁰. В плане обозначено 56 мероприятий, многие из которых проводятся ежегодно. Мероприятия разделены на 12 направлений, связанных с улучшением государственной политики в этнонациональной области, обеспечением равных прав граждан в этой сфере, поддержанием и развитием этнокультурного разнообразия, обеспечением межнационального согласия, укреплением единства российской нации. В целом можно сказать, что мероприятия, проводимые в рамках данного плана, действительно необходимы. Однако, на наш взгляд, недостаточное внимание уделено проблемам по воспитанию этнокультурной терпимости в среде молодежи.

28 ноября 2016 г. было принято положение об Общественном совете при комитете обще-

ственных связей и национальной политики Саратовской области¹¹. Совет состоит из 12 человек и является консультативно-совещательным органом. Основной его задачей является укрепление взаимодействия комитета с общественными организациями. Функционально совет обеспечивает выработку предложений по разрабатываемым планам реализации национальной политики, оказывает консультативную помощь комитету, участвует в экспертизе программ, принимаемых комитетом в этноконфессиональной сфере. На наш взгляд, инициатива создания такого совета является правильной и при должной реализации позволит укрепить связи органов власти, занимающихся реализацией национальной политики в области с гражданским обществом.

В Саратовском регионе функционирует ряд общественных консультативно-совещательных органов при губернаторе. В 2005 г. был создан совет по взаимодействию с религиозными объединениями, а в 2006-м – совет по взаимодействию с национальными объединениями. В 2014 г. эти два совета объединились в совет по взаимодействию с национальными и религиозными объединениями при губернаторе Саратовской области. Основной целью данного совета является оказание содействия областным органам исполнительной власти в осуществлении мер, направленных на «укрепление гражданского единства, межнационального и межконфессионального согласия, сохранение этнокультурного многообразия народов, проживающих на территории области, защиту прав национальных меньшинств, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов и обеспечение межнационального и межконфессионального согласия, информирование вице-губернатора области о положении дел в указанной сфере, подготовку предложений Губернатору области по вопросам, входящим в компетенцию Совета»¹².

Особую роль в регулировании этнополитических процессов играют общественные организации и структуры гражданского общества. В структуре Общественной палаты Саратовской области функционирует комиссия по взаимодействию с национальными, религиозными объединениями и миграционной политике. Данная комиссия имеет свою группу в социальной сети «ВКонтакте»¹³, однако материалы о деятельности комиссии там активно не публикуются, кроме того, она охватывает малую аудиторию. Тем не менее, публикации в региональных СМИ свидетельствуют о проведении комиссией систематической работы по обеспечению межэтнического взаимодействия.

Общественная палата часто выступает в качестве переговорной площадки для межэтнического диалога, играет немаловажную роль в адаптации мигрантов, проводит воспитательную



и разъяснительную работу в этнокультурной сфере.

Анализ показал, что основная часть полномочий в сфере управления этнополитическими процессами замыкается на органах исполнительной власти области. Представительные органы власти включены в данную область общественных отношений лишь в сфере законодательных инициатив, затрагивающих сферу этнополитики. В Саратовской областной думе существует профильная комиссия по этноконфессиональным отношениям. Основное направление ее деятельности состоит в том, чтобы следить за соответствием регионального законодательства общенациональному в сфере реализации национальной политики и не допускать ухудшения условий работы социально ориентированных организаций, в том числе национально-культурных объединений и автономий.

На местном уровне реализацию управления этноконфессиональными отношениями в области курируют специально назначенные лица из администрации муниципального образования. Кроме того, в районах функционирует система колл-центров, позволяющих представителям органов местного самоуправления своевременно получать информацию о возможных проблемах в сфере межнациональных отношений. Как правило, номер телефона колл-центра – это номер сотрудника районной администрации, ответственного за состояние межнациональных отношений.

В 2014 г. были выработаны Методические рекомендации для администраций муниципальных районов и городских округов Саратовской области по организации деятельности в сфере межнациональных отношений¹⁴. Этот документ унифицирует подходы к реализации национальной политики и дает более полное представление о реализации этнополитики в Саратовской области на местном уровне. Среди полномочий органов местной власти в данной сфере отмечены разработка и осуществление программ по обеспечению этнокультурного развития на муниципальном уровне.

Большинство этнических общностей, проживающих на территории области, имеют национальные общественные организации. Цель функционирования данных организаций – наиболее полная реализация тех интересов и потребностей, которые возникнут у представителей этнических общностей. Как правило, эти интересы лежат в области всестороннего вовлечения представителей этих групп в социокультурное пространство региона, а также сохранения культуры, языка и традиций. Данные вопросы успешно решались в рамках областных целевых программ, реализованных в 2008–2010 гг., и долгосрочной целевой программы «Развитие институтов гражданского общества и поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций Саратовской области на 2013–2015 годы».

В период реализации данных программ только с 2008 по 2012 г. число национальных общественных организаций увеличилось с 12 до 32. Было подготовлено и проведено свыше 130 мероприятий, способствующих развитию культурного многообразия этнических общностей Саратовской области, гармонизации межнациональной обстановки, а также развитию казачества (подпрограмма 13 «Гармонизация межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов Саратовской области»)¹⁵. Кроме того, областным правительством был утвержден «План мероприятий по реализации на территории Саратовской области в 2015–2017 годах Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года»¹⁶.

Что касается национальных общественных организаций, то на конец 2016 г. на территории области было зарегистрировано 33 организации. Свои национальные общественные организации имеют представители 21 национальной группы населения. Кроме этого, на конец 2016 г. в регионе зарегистрировано 16 национально-культурных автономий, шесть из которых имеют региональный статус: Немецкая, Казахская, Татарская, Азербайджанская, Чувашская, Белорусская; десять имеют местный статус: три из них образованы представителями курдской этнической общности, по две национально-культурных автономии зарегистрировано представителями немцев, казахов и евреев, одна – представителями азербайджанцев¹⁷.

Во многих регионах нашей страны осуществляют деятельность дома дружбы народов. В Саратове с 2000 г. действует муниципальное учреждение культуры «Городской дом культуры национального творчества», которое ведет активную деятельность в этнокультурной сфере. На его сайте регулярно публикуется информация о проводимых мероприятиях (так, за 2014 г. было проведено 646 мероприятий, направленных как на развитие этнокультурного многообразия, так и на укрепление патриотизма в обществе)¹⁸. Однако существует проблема неудобного расположения центра и недостатка помещений. В настоящий момент постоянными кабинетами там обладают только польская, казахская и немецкая общины. Остальные национально-культурные организации в этой связи сталкиваются с проблемой отсутствия официальных помещений.

Ассоциация национально-культурных объединений Саратовской области создавалась как общественная коалиция, учрежденная следующими организациями: Курдской национально-культурной автономией, СРОО «Азербайджанское общество «Ватан»», СРОО «Грузинская община «Иверия»», СРОО «Общество представителей народов Дагестана «Дагестан»», СРОО «Армянская община «Крунк»», СРОО АВП «Саратовский источник», СРОО НКЦ народов Центральной Азии



«Евразия», Фондом Социально-правовой помощи иностранным гражданам. В настоящее время Ассоциация включает более 15 национально-культурных общественных организаций и оказывает юридическую помощь мигрантам, беженцам, вынужденным переселенцам. Она принимает активное участие в разработке региональной нормативной базы, регулирующей межнациональную сферу, в координационных советах различных уровней, проводит национальные праздники, конференции, круглые столы.

В Саратове работает татарская гимназия. Это первая гимназия, открытая за пределами Республики Татарстан, в ней обучаются около 300 детей. Инициативу при ее создании проявила татарская диаспора совместно с отделом образования Волжского района г. Саратова¹⁹. Значительную поддержку оказал и председатель Духовного управления мусульман Поволжья Мукаддас Бибарсов. Помимо этого, в регионе действует Духовное управление мусульман Саратовской области, что является, безусловно, позитивным фактором в процессе реализации этнокультурной политики и регулирования межнациональных отношений. К примеру, в Пензенской и Оренбургской областях такое управление отсутствует.

В Саратове действует этнографическая деревня, где представлены образцы быта народов, населяющих Саратовскую область. Она позволяет посетителям больше узнать об этносах, проживающих на территории области, служит своеобразной площадкой для построения межэтнического диалога. Деревня была создана в 2003 г., и на сегодняшний день на ее территории располагается 15 национальных подворий. Также в районах области создаются свои этнокультурные музеи, как правило, на базе национально-культурных организаций.

Проведенный анализ основных направлений этнокультурной политики в Саратовской области позволяет констатировать следующее. Несмотря на возросшую в последнее время миграционную активность, этнокультурный баланс в области сохраняется и находится под контролем региональных и муниципальных органов власти. Однако риск нарушения данного баланса остается и требует пристального внимания и целенаправленных последовательных управленческих действий по гармонизации межэтнических отношений и профилактике возможного роста напряженности в данной сфере.

Чаще всего при управлении этнополитическими процессами в Саратовской области используется программно-целевой подход, обусловленный государственной стратегией федерального уровня. В ее рамках принимается большое количество целевых программ и нормативно-правовых документов, регламентирующих сферу национальной и этнокультурной политики, осуществляются планы мероприятий, направленных

на реализацию стратегии национальной политики и гармонизацию межконфессиональных отношений и этнокультурное развитие народов области. В то же время важно отметить, что реализация данной государственной стратегии в регионе представляет собой не механическое воплощение спущенных сверху нормативных и административных документов, а их адаптацию к конкретным условиям региона, специфике его этноконфессионального состава и особенностям динамики миграционных процессов. После памятных событий в Пугачеве особое внимание региональной властью уделяется разработке системы мониторинга этноконфессиональных отношений, которая реализуется совместно с представителями местного самоуправления и институтами гражданского общества.

Опыт Саратовской области в реализации государственной национальной политики наглядно подтверждает необходимость взаимодействия государственной власти, власти субъекта РФ и институтов гражданского общества, в том числе национально-культурных автономий. Такое взаимодействие способствует сохранению этнокультурного многообразия, взаимообогащению данных культур, распространению знаний о культуре и истории народов, населяющих Саратовскую область и Российскую Федерацию.

В качестве одной из проблем можно отметить определенное противоречие, обусловленное тем, что кроме НКА вопросами развития культуры, сохранения самобытности и языка могут заниматься и другие общественные организации, у которых в уставе закреплены подобные цели. Такое дублирование в ряде случаев сопровождается тем, что лидеры данных организаций вступают в конкуренцию между собой за преимущественное право представлять интересы той или иной этнической группы во взаимоотношениях с региональными органами власти.

Не решена проблема с финансированием НКА, они по-прежнему финансируются по «остаточному принципу», что затрудняет их эффективную работу с населением. Кроме того, до сих пор отсутствует федеральный орган, который бы координировал деятельность национально-культурных автономий различного уровня.

Важно отметить, что большинство ведущих субъектов политики (несмотря на имеющиеся разногласия и конкуренцию в определении стратегии политического и социально-экономического развития страны и региона), тем не менее, единодушны в том, что конечной целью этнокультурной политики в Саратовской области является решение двуединой задачи: с одной стороны, обеспечение интересов и прав граждан, связанных с их этнокультурными запросами, а с другой – формирование единой гражданской нации, ориентированной на интересы и национальную безопасность страны в целом.



Примечания

- ¹ См.: Окончательные итоги Всероссийской переписи населения—2010 по Саратовской области. Первый блок. URL: http://srtv.gks.ru/VPN/vpn/itogi_1bl.pdf (дата обращения: 19.04.2017).
- ² См.: О национально-культурном развитии народов в Саратовской области : постановление Правительства Саратовской области от 30.01.2003 № 9-П (с изм. на 21 окт. 2005 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/933004840> (дата обращения: 07.05.2016).
- ³ См.: Об областной целевой программе «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» на 2008–2010 годы : закон Саратовской области от 11.09.2007 № 166 ЗСО. URL: <http://docs.cntd.ru/document/933010145> (дата обращения: 07.05.2016).
- ⁴ См.: О долгосрочной областной целевой программе «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» на 2011–2013 годы : постановление Правительства Саратовской области от 18.10.2010 № 479-П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/933015300> (дата обращения: 07.05.2016).
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: О государственной программе Саратовской области «Культура Саратовской области до 2020 года» : постановление Правительства Саратовской области от 20.11.2013 № 642-П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467701348> (дата обращения: 01.06.2016).
- ⁷ См.: О преобразовании комитета общественных отношений Саратовской области в комитет общественных связей и национальной политики Саратовской области : постановление Правительства Саратовской области от 30.03.2007 № 130-П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/933009650> (дата обращения: 01.06.2016).
- ⁸ См.: О реорганизации управления внутренней политики и общественного мониторинга Правительства Саратовской области : постановление правительства Саратовской области от 22.09.2014 № 541-П. URL: <http://rg.ru/2014/09/29/saratov-post541-reg-dok.html> (дата обращения: 01.06.2016).
- ⁹ См.: Вопросы комитета общественных связей и национальной политики Саратовской области : постановление Правительства Саратовской области от 22.09.2014 № 542-П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467703989> (дата обращения: 01.06.2016).
- ¹⁰ См.: Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2017–2019 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на территории Саратовской области : распоряжение Правительства Саратовской области от 02.02.2017 № 15-Пр. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467703253> (дата обращения: 27.05.2016).
- ¹¹ См.: Об Общественном совете при комитете общественных связей и национальной политики Саратовской области : приказ от 28.11.2016 № 30 // Правительство Саратовской области / Комитет общественных связей и национальной политики области. URL: <http://saratov.gov.ru/gov/auth/komsvyaz/> (дата обращения: 27.01.2017).
- ¹² О создании Совета по взаимодействию с национальными и религиозными объединениями при Губернаторе Саратовской области : постановление Губернатора Саратовской области от 11.04.2014 № 112. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467702852> (дата обращения: 28.01.2017).
- ¹³ См.: Комиссия по национальным отношениям. URL: <https://vk.com/op64nackomissya> (дата обращения: 28.01.2017).
- ¹⁴ См.: Методические рекомендации для администраций муниципальных районов и городских округов Саратовской области по организации деятельности в сфере межнациональных отношений // Правительство Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru/region/security/materialy/> (дата обращения: 07.05.2016).
- ¹⁵ См.: О государственной программе Саратовской области «Культура Саратовской области до 2020 года».
- ¹⁶ См.: О плане мероприятий по реализации на территории Саратовской области в 2015–2017 годах Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года» : распоряжение Правительства Саратовской области от 31.03.2015 № 48-Пр. URL: <http://saratov.regnews.org/doc/bq/ke.htm> (дата обращения: 21.04.2017).
- ¹⁷ См.: Национальные общественные объединения // Правительство Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru/region/society/national-associations/> (дата обращения: 28.01.2017).
- ¹⁸ См.: О нас – Городской дом культуры национального творчества. URL: http://gdknt.ru/o_nas/ (дата обращения: 28.01.2017).
- ¹⁹ См.: Мокин К. С. Этнокультурная ситуация в г. Балаково. Законодательство и этнокультурные мероприятия // Refdb.ru. URL: <http://refdb.ru/look/1694709-pall.html> (дата обращения: 07.05.2016).

Образец для цитирования:

Вилков А. А., Толкунов Н. С. Этнокультурная политика в Саратовской области: проблемы и перспективы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 320–325. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-320-325.

Cite this article as:

Vilkov A. A., Tolkunov N. S. Ethnocultural Policy in Saratov Region: Problems and Prospects. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 320–325 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-320-325.



УДК 352.075.1

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ДЕПУТАТОВ САРАТОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ ЧЕТВЕРТОГО СОЗЫВА И САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ ПЯТОГО СОЗЫВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ



Д. А. Аникин, А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: dandee@list.ru, aldr.kazakov@gmail.com

М. С. Козлова

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: kmargos@yandex.ru

В статье содержатся результаты исследования уровня информационной открытости городских и областных депутатов Саратова и Саратовской области. Разъясняется методология анализа, приводится сводный рейтинг парламентариев с точки зрения их открытости для общества.

Ключевые слова: информационная открытость, Саратовская городская дума, Саратовская областная дума, рейтинг, депутат.

**Information Openness of the Deputies
of the 4th Convocation Saratov City Duma
and the 5th Convocation Saratov Regional Duma:
Comparative Analysis**

D. A. Anikin, A. A. Kazakov, M. S. Kozlova

The article contains the results of exploration of Saratov city and regional deputies' information openness level. Methods of the study are illuminated, an overall rating of MP's in terms of their openness for the society is provided.

Key words: information openness, Saratov City Duma, Saratov Regional Duma, rating, deputy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-326-330

В условиях становления сетевого общества, характеристики которого были рассмотрены М. Кастельсом, информационная открытость становится одним из важнейших свойств политической системы¹. Повсеместное распространение электронных коммуникаций приводит к распространению такого явления, которое Д. Кин называет «новой публичностью». С его точки зрения, «коммуникационное изобилие вызывает споры среди граждан и их представителей об определении и этико-политическом значении разделения публичного и приватного»². Отныне любая политическая фигура перестает функционировать исключительно в контексте официальных информационных сообщений, а составными элементами складывания определенного имиджа становится обращение граждан к аккаунтам в социальных

сетях, блогам и другим формам сетевой репрезентации. В связи с этим анализ информационной открытости оказывается направленным в большей степени не на деятельность политических институтов, а на всесторонний анализ тех конкретных лиц, которые в совокупности и определяют для электората «лицо власти».

В последнее время в отечественной науке нередко предпринимаются попытки аналитической оценки степени информационной открытости конкретных политиков или органов власти³. При этом за основу берутся самые различные методики. Одни ученые измеряют степень соответствия сайтов органов государственной власти требованиям законодательства и запросам пользователей⁴, другие высчитывают коэффициенты информационной открытости как соотношение числа публикаций с прямой или косвенной речью персоны к общему числу сообщений с его упоминанием⁵, третьи оценивают характер деятельности служб общественных связей, жесткость правил аккредитации и быстроту реакции на запросы о предоставлении информации⁶ и т. д.

В этом плане настоящая статья содержит результаты экспертно-аналитического исследования, проведенного авторами в марте 2016 г. по собственной методике, сочетающей в себе элементы качественного и количественного анализа, а также экспертного опроса. Полагаем, что именно в этом – в собственной методике определения уровня информационной открытости, а также в сравнении данных показателей двух органов власти – и заключаются элементы научной новизны проведенного анализа.

По итогам исследования были составлены рейтинги информационной открытости депутатов Саратовской городской думы 4-го созыва и Саратовской областной думы 5-го созыва. Считаем, что подобный вариант ранжирования может способствовать обнаружению незадействованных личных и профессиональных ресурсов конкретных городских и областных политиков и депутатского корпуса в целом, а также стимулировать парламентариев и их помощников к более эффективному применению имеющихся информационных каналов. Кроме того, результаты проведенного исследования могут быть полезны для всесторонней диагностики управленческого потенциала действующих кадров и формирования индивидуальных траекторий развития у лиц, включенных в кадровые резервы.



Под «информационной открытостью» в настоящей статье понимается степень доступности лица, уполномоченного гражданами представлять их интересы, – а именно то, насколько легко найти общие сведения об этом человеке, выяснить позицию избранника по тому или иному вопросу, получить его комментарий, проследить за его плановой деятельностью вне зависимости от статуса интересующегося, будь то научный деятель, журналист или рядовой житель города.

Важно отметить при этом, что нами не ставилось знака равенства между «информационной открытостью» и «объемом присутствия в информационном пространстве». По этой причине не оценивались количество статей и частота упоминаний в СМИ, число ссылок на мнение человека, его цитат и размещенных им самостоятельно сюжетов. Нами была поставлена задача оценить, насколько «открыт» тот или иной городской депутат вне зависимости от его должности в думе и объема внимания, обычно уделяемого ему по тем или иным поводам журналистами.

Методика составления рейтинга

Информационная открытость в данном исследовании измерялась при помощи пяти критериев, максимальный «вес» каждого из которых составлял 10 баллов:

- 1) оперативность и качество ответа на заданный вопрос;
- 2) экспертная оценка практикующих представителей СМИ;
- 3) наличие и содержание собственного сайта;
- 4) наличие и содержание собственного блога;
- 5) представленность и характер присутствия в социальных сетях.

Таким образом, в сумме по данным критериям каждый действующий депутат мог получить 50 баллов.

В общей сложности информационная открытость замерялась применительно к 40 городским депутатам (при составлении сводного рейтинга не учитывались показатели депутата М. Козловой по причине ее участия в авторском коллективе данного исследования) и 45 областными парламентариями.

Результаты исследования

Как ни странно, наибольшие трудности у депутатов и их помощников вызвала необходимость ответа на поступивший от авторского коллектива вопрос: кого-то не устраивал формат подачи вопроса (просили продублировать его на официальном бланке), однако абсолютное большинство просто пообещало ответить, но так и не сделали этого. В результате свое мнение о том, какой должна быть региональная повестка избирательной кампании по выборам в Государствен-

ную думу, высказали всего тринадцать областных депутатов и лишь один депутат городской думы – А. Ванцов (более того, он не только изъявил желание лично пообщаться с членом авторского коллектива исследования, но и оперативно дал ответ по существу вопроса, продемонстрировав тем самым готовность к коммуникации с представителем любой категории горожан).

Эксперты⁷, формируя пятерки наиболее информационно открытых депутатов городской думы, в общей сложности назвали четырнадцать фамилий из сорока действующих депутатов (далее приведены данные по тринадцати из них – за исключением М. Козловой, показатели которой, как уже отмечалось, в рамках данной статьи в расчет не принимались) (рис. 1).

Как видим, лидером по данному критерию вполне предсказуемо оказался председатель Саратовской городской думы О. Грищенко. Чуть меньше экспертных баллов набрали активные в информационном плане в любой период electoralного цикла В. Марков и А. Ванцов.

Применительно к депутатам областной думы эксперты упомянули шестнадцать из сорока пяти действующих депутатов (рис. 2). Примечательно, что в этот список не вошел спикер парламента В. Капкаев. Лидерство по этому критерию принадлежит Л. Писному, который к тому же демонстрирует и большой отрыв от коллег в баллах, полученных от экспертов из средств массовой информации. Однако в других сегментах мониторинга Л. Писной проявил себя не столь ярко, что, собственно, и не позволило ему войти в тройку лидеров общего рейтинга. Интересно, что представители обеих входящих в облдуму оппозиционных партий – З. Самсонова и С. Афанасьев, занимают места в первой трети рейтинга. При этом можно констатировать, что большую информационную открытость удается продемонстрировать представительнице партии «Справедливая Россия», а не КПРФ. В то время как в Саратовской городской думе ситуация обратная.

В результате анализа сайтов народных избранников выяснилось, что на момент проведения исследования действующий сайт имелся лишь у одного городского депутата – А. Янкловича⁸ и одного представителя регионального парламента – М. Ткаченко⁹. Причем оба этих сайта имеют все необходимые формы и способы обратной связи с избирателями: ежегодные отчеты о деятельности, электронную приемную для обращений граждан, перечень рабочих контактов депутата и его помощников и т. д. Наивысшие оценки по этому критерию депутаты не получили лишь из-за отсутствия своевременной отчетной информации о своей работе в 2015 г.

Блогеров среди депутатов оказалось чуть больше – четверо из сорока действующих (трое из тридцати девяти включенных в рейтинг) городских депутатов и трое из сорока пяти об-

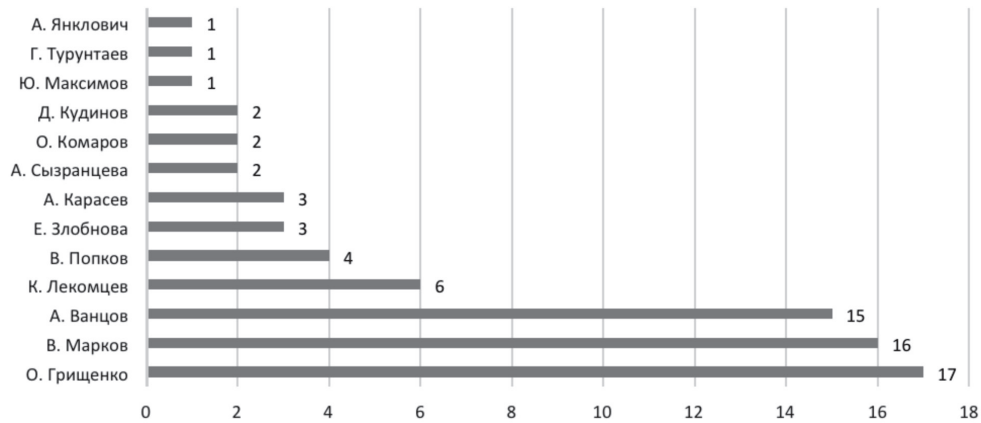


Рис. 1. Рейтинг информационной открытости городских депутатов, по мнению экспертов, баллы

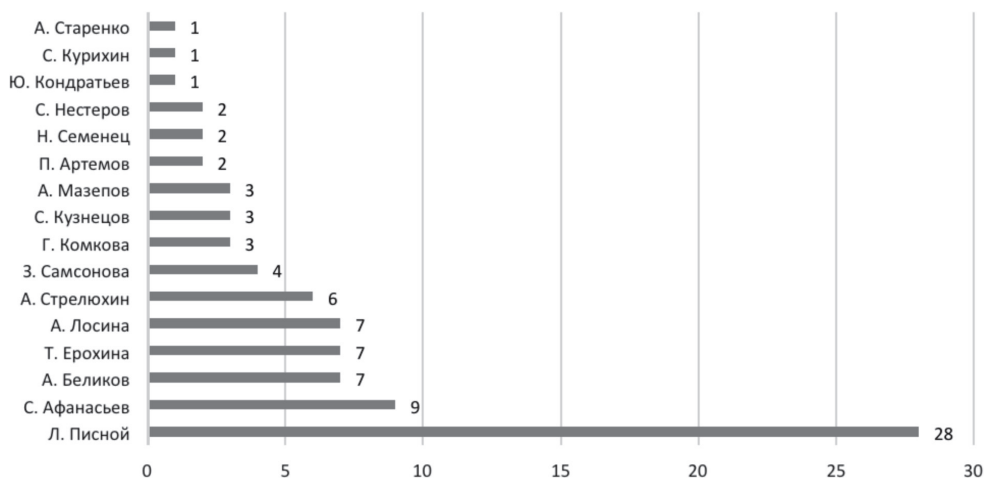


Рис. 2. Рейтинг информационной открытости областных депутатов, по мнению экспертов, баллы

ластных. Показательно, что все трое городских депутатов (О. Грищенко, А. Ванцов и К. Лекомцев) получили наивысшую оценку, что свидетельствует не только о наличии у них блогов, но и об актуальности и профильности их содержания¹⁰. Блоги же областных народных избранников (В. Писарюка, З. Самсоновой и А. Гайдука), напротив, содержали отдельные недочеты, не позволившие им получить по данному критерию максимальные баллы¹¹.

Наличие аккаунтов в социальных сетях продемонстрировало уже большее количество депутатов. Однако следует отметить, что далеко не всегда их аккаунты применяются как средство представления информации о своей работе и инструмент взаимодействия с гражданами.

Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее популярной и у городских, и у областных депутатов оказалась сеть «Facebook» (в ней зарегистрированы 18 и 10 народных избранников соответственно), и совсем не привлекла внимания «Instagram» (0). Весьма любопытно также, что «Одноклассники» (12 и 4 пользователей) оказались чуть популярнее «ВКонтакте» (10 и 3) (рис. 3). В целом же наиболее активными пользователями социальных сетей следует признать

относительно молодых по возрасту депутатов – К. Лекомцева, В. Артина и В. Писарюка.

Суммировав показатели по всем пяти критериям, мы получили сводные рейтинги городских и областных депутатов. Так, десятку наиболее информационно открытых депутатов Саратовской городской думы составили: А. Ванцов (31 балл из 50 возможных), К. Лекомцев (23), О. Грищенко (20), А. Янлович (18), В. Артин (13), В. Марков (13), Е. Злобнова (9), Г. Турунтаев (9), Ю. Максимов (7) и А. Сызранцева (7). Среди областных парламентариев в число лидеров попали: М. Ткаченко (15), Г. Комкова (13), А. Лосина (13), В. Писарюк (12), А. Стрелюхин (11), И. Титаренко (11), О. Алексеев (10), Л. Писной (10), З. Самсонова (10).

Говоря о степени информационной открытости депутатского сообщества в целом, хотелось бы отметить еще несколько моментов. Так, уровень информационной открытости лидеров сводных рейтингов – городского депутата А. Ванцова и облдепа М. Ткаченко – составил 62 и 30% соответственно. Кроме того, средний процент информационной открытости депутатов, попавших в первую десятку, у городского депутатского корпуса оказался выше – 30 против 22,8% у об-



ластных депутатов. Средний показатель информационной открытости по всему депутатскому корпусу у областной думы тоже ниже, чем у городской – 7,6 против 10,6%.

Любопытно также обратить внимание на то, насколько исчерпанными оказались четыре из пяти использованных критериев. Под исчерпанностью в данном случае мы понимаем долю баллов, набранных депутатами, от возможного максимума (рис. 4).

Как видно из рис. 4, лишь два критерия из четырех оцениваемых («социальные сети» у городских депутатов и «ответ» – у областных) были использованы на одну пятую часть от возможного. Остальные показатели не преодолели и отметки в одну десятую.

Подводя итог анализу результатов ранжирования городских и областных депутатов с точки зрения степени их информационной открытости, стоит отметить в целом недостаточное внимание депутатов и их помощников к возможностям и ресурсам Интернета, в особенности – к ресурсам социальных сетей. А тем временем современная жизнь приводит нас достаточно примеров консолидации, формирования мнений, принятия решений посредством работы в соцсетях. Плюс ко всему социальные сети являются и оперативным источником получения информации от жителей,

к которому, кстати, нередко прибегают официальные средства массовой информации, копируя оттуда публикации в свои новостные ленты. Таким образом, работа депутата в социальных сетях – это своего рода работа на опережение.

Кроме того, наличие собственных сайтов и ведение блогов может послужить дополнением, а иногда и необходимой альтернативой размещаемой в печатных СМИ информации о приемах граждан.

Весьма показательным представляется и упомянутый выше процент «исчерпанности» критериев. Полагаем, что он способен помочь каждому отдельному депутату и его помощникам сделать выводы о возможных направлениях приложения усилий по повышению степени своей информационной открытости.

В целом же полученные результаты дают нам основания считать общий уровень информационной открытости депутатов Саратовской городской думы 4-го созыва и Саратовской областной думы 5-го созыва достаточно низким. При этом мы отдаем себе отчет в том, что, коль скоро все познается в сравнении, в дальнейшем анализировавшиеся данные было бы желательно сравнить с аналогичными (полученными по схожей методике) показателями других органов власти регионального или муниципального

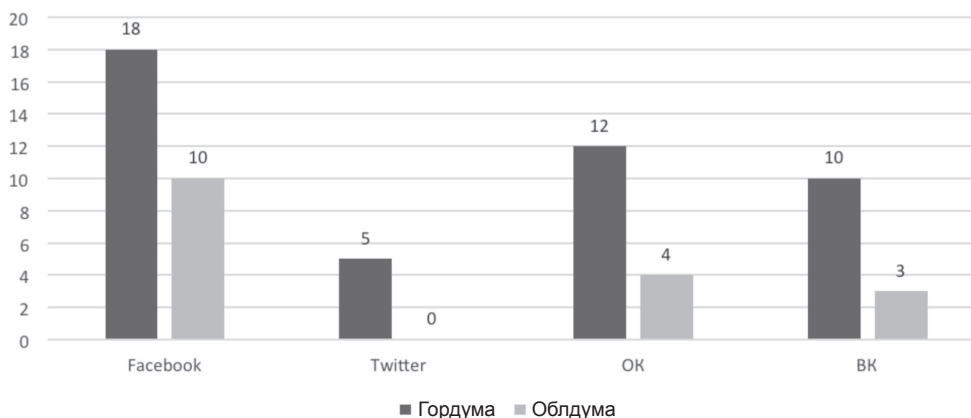


Рис. 3. Аккаунты городских и областных депутатов в социальных сетях, шт.

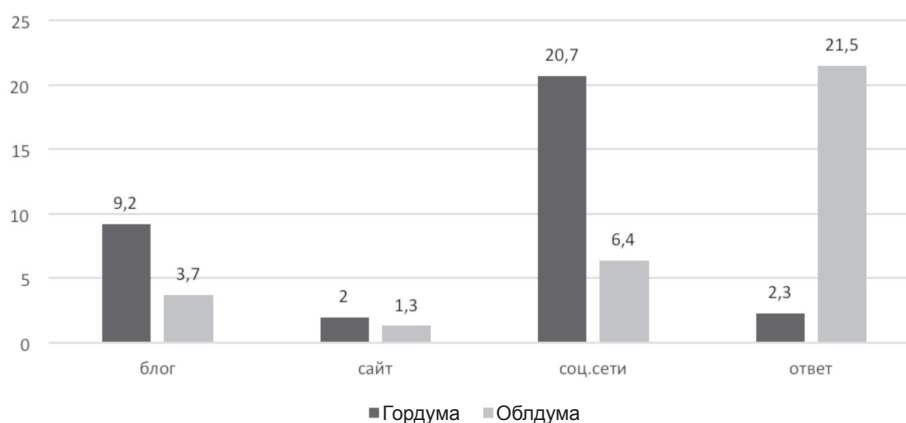


Рис. 4. Степень исчерпанности критериев рейтинга, %



уровней. Однако, несмотря на это, само по себе проведенное исследование также может представлять определенную ценность как минимум в двух отношениях. Во-первых, как апробированный на практике вариант методики измерения информационной открытости депутатов и, во-вторых, в плане сравнения показателей двух органов власти Саратовской области по данному критерию. На наш взгляд, подобные исследования вполне могут иметь как теоретическую, так и практическую пользу.

Примечания

- ¹ См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха : экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. С. 11–12.
- ² *Кин Д.* Демократия и декаданс медиа. М. : ГУ ВШЭ, 2015. С. 46.
- ³ См., например: *Девыцина В. А.* Информационная открытость как один из факторов в борьбе с коррупцией при построении информационного общества // *Вестн. Югор. гос. ун-та.* 2015. № 53–2(38). С. 193–195 ; *Дубровская Ю. В., Жаворонкова К. С.* Информационная открытость органов власти как важнейший критерий эффективности государственного и муниципального управления // *Государственное управление. Электронный вестник.* 2016. № 55. С. 58–75 ; *Кононенко П. Б.* Информационная открытость парламентов субъектов Российской Федерации : экспериментальный анализ // *Вестн. ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения.* 2015. №1. С. 99–110 ; *Огнева В. В.* Информационная открытость органов государственного управления как фактор повышения уровня компетентности государственных служащих // *Проблемы и перспективы экономики и управления.* 2012. № 2 (58). С. 285–291 ; *Цаплин А. Ю.* Информационная открытость муниципальной власти : постановка проблемы // *Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека : материалы VIII между-*

- нар. науч.-практ. конф. аспирантов, преподавателей, практических работников. Саратов, 2015. С. 214–217.
- ⁴ См., например: Рейтинг информационной открытости региональных правительств Российской Федерации. URL: <http://glasnarod.ru/vlast/21909-opublikovan-rejting-informacionnoj-otkrytosti-regionalnyx-pravitelstv-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 25.03.2017).
- ⁵ См., например: Рейтинг информационной открытости глав субъектов Российской Федерации – май 2014. URL: <http://monitornews.ru/ratings/rejting-informatsionnoy-otkrytosti-glav-subektov-rf-may-2014> (дата обращения: 25.03.2017).
- ⁶ См., например: Рейтинг информационной открытости органов государственной власти в России. URL: <http://www.transparency.org.ru/v-rossii/rejtingi-informacionnoy-otkrytosti> (дата обращения: 25.03.2017).
- ⁷ В оценке информационной открытости и городских, и областных депутатов участвовали шестеро представителей различных средств массовой информации : главный редактор ИА «СарИнформ» Денис Лебедь, главный редактор ИА «Взгляд-инфо» Николай Лыков, главный редактор ИА «Сароблньюс» Михаил Шмырев, главный редактор интернет-газеты «Глас народа» Дмитрий Олейник, шеф-редактор «Коммерсантъ – Средняя Волга», обозреватель журнала «Общественное мнение» Сергей Петунин и ведущая службы информационных программ ГТРК «Саратов» Татьяна Кожокару.
- ⁸ См.: Официальный сайт депутата Саратовской городской думы, Героя Российской Федерации А. Янкловича. URL: <http://alexandryanklovich.ru>.
- ⁹ См.: Официальный сайт депутата Саратовской областной думы М. Ткаченко. URL: <http://tkachenkomv.ru>.
- ¹⁰ См.: Блог А. Ванцова. URL: www.vzsar.ru/blogs/author/70 ; Блог О. Грищенко в Живом Журнале. URL: www.oleg-grishenko.livejournal.com ; Блог К. Лекомцева. URL: www.vzsar.ru/blogs/author/124.
- ¹¹ См.: Блог А. Гайдука. URL: <http://www.vzsar.ru/blogs/author/73> ; Блог В. Писарюка. URL: <http://www.vzsar.ru/blogs/author/75> ; Блог З. Самсоновой. URL: <http://www.vzsar.ru/blogs/author/69>.

Образец для цитирования:

Аникин Д. А., Казаков А. А., Козлова М. С. Информационная открытость депутатов Саратовской городской думы четвертого созыва и Саратовской областной думы пятого созыва: сравнительный анализ // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2017. Т. 17, вып. 3. С. 326–330. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-326-330.

Cite this article as:

Anikin D. A., Kazakov A. A., Kozlova M. S. Information Openness of the Deputies of the 4th Convocation Saratov City Duma and the 5th Convocation Saratov Regional Duma: Comparative Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 326–330 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-326-330.

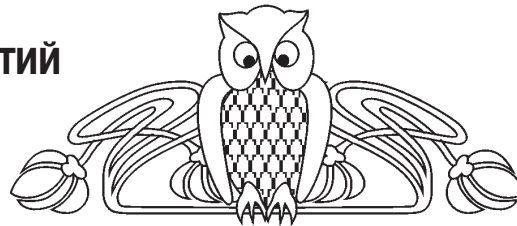


УДК 342.843.5

ПУТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. В. Россошанский, А. Ю. Цаплин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: avrossoshanskiy@mail.ru, anton.th2011@yandex.ru



В статье оценивается вероятность сценариев развития традиционной представительной демократии в информационном обществе благодаря возможностям современных информационно-коммуникативных технологий. Отмечается, что переход к механизмам прямой демократии является самым маловероятным сценарием. Он возможен только на местном уровне и напрямую связан с уровнем информатизации и развитием систем информационной безопасности. Наиболее реальным на современном этапе является развитие по пути внедрения электронных делиберативных механизмов. В этом направлении сегодня движется большинство стран, в том числе и Россия.

Ключевые слова: информационное общество, информационно-коммуникативные технологии, прямая демократия, делиберативная модель демократии, коммунитарная модель демократии.

The Development of Modern Democracies in the Information Society

A. V. Rossoshansky, A. Yu. Tsaplin

The article evaluates the likelihood scenarios of development of traditional representative democracy in the information society, thanks to the capabilities of modern information and communication technologies. It is noted that the transition to direct democracy mechanisms is the most unlikely scenario. It is only possible at the local level and directly related to the level of Informatization and development of information security systems. The most realistic at the present stage is the development towards the introduction of electronic deliberative mechanisms. In this direction today moving the majority of countries, including and Russia.

Key words: information society, information and communication technology, direct democracy, deliberative democracy, communitarian model of democracy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-331-336

Стремительное развитие коммуникативных технологий во второй половине XX в. породило массу вопросов, на многие из которых до сих пор нет четких ответов. Один из них: каким будет облик демократии в информационном обществе? Можно ли с помощью современных информационно-коммуникативных технологий изменить традиционные демократические механизмы и институты, сделать их более удобными и эффективными? Конечно, каждая демократия имеет свои особенности, определяющиеся традициями, политической культурой, институциональным дизайном и т. д., которые в определенной степени предопределяют возможные пути ее

трансформации. Тем не менее, если абстрагироваться от них, т. е. не учитывать национального контекста государства, то с разной долей вероятности можно говорить о возможных сценариях преобразования современных демократий или о возможностях использования новых информационно-коммуникативных технологий в демократических практиках управления и организации общества.

Первый путь, который можно назвать «идеалистическим» сценарием, основывается на идеях технологического детерминизма, в соответствии с которыми технологии наделяются свойствами социальных субъектов. Находясь под их влиянием, многие исследователи ожидали, что в обозримом будущем новые информационно-коммуникативные технологии трансформируют общественно-политическую систему, в корне изменят уклад социума, выведут его на новый этап развития.

Так, Р. Даль отмечал, что телекоммуникационные технологии играют ключевую роль в создании предпосылок «передового демократического общества», в котором политические решения опираются на мнения и суждения «народа»¹. Другой видный исследователь, Л. Гроссман, писал, что с развитием новых коммуникативных технологий наступает новая, третья великая эпоха демократии. Подобно тому, как в XVIII столетии представительная модель демократии пришла на смену первым опытам прямой демократии в Древней Греции, сегодня новая «электронная республика» приходит на смену модели Монтезкье, Локка, Мэддисона и их последователей².

Многим исследователям казалось, что для перерождения традиционных идей прямой демократии есть все основания. Появление радио, телевидения и особенно Интернета поменяло традиционные представления о времени и пространстве. С помощью современных информационных технологий, будучи включенным в коммуникативное пространство, можно в определенном смысле управлять временем – «останавливать» его ход, «ускоряться» либо «перемещаться» назад во временном континууме, можно в одно мгновение виртуально преодолеть любое расстояние, переместиться в любую часть земного шара. Произошло то, что Бенджамин Барбер назвал «сжатием времени и пространства»³.



В определенной степени это позволяет по-иному взглянуть на традиционные механизмы прямой демократии, в первую очередь, на институт народных собраний, которые в Афинской демократии были центральным органом власти, объединяющим весь народ.

В информационном обществе появляется возможность проводить так называемые виртуальные народные собрания, не требующие схода, присутствия всех граждан в одном месте. Людям, желающим принять участие в таком собрании, даже не обязательно покидать свои дома. С помощью Интернета, электронных средств связи они могут общаться на расстоянии, используя не только привычную вещательную коммуникационную модель, основанную на принципе «один ко многим», но и диалоговую – «многие ко многим».

Электронные народные собрания представляются как сообщества людей, общающихся в режиме реального времени и способных ментально связаться друг с другом. Поскольку необходимость в личном присутствии граждан в определенном месте и в определенное время отпадает, народные собрания могут действовать постоянно, что позволяет гражданам в любой момент включиться в непрерывный процесс принятия публично-властных решений⁴.

При этом, для того чтобы электронные народные собрания были эффективными, необходимы серьезные организационные усилия. Общение участников этих собраний должно направляться медиатором, а сами собрания проводятся согласно регламенту. Соответственно, должна быть установлена четкая процедура рассмотрения вопроса, определено время, которое может быть отведено на обсуждение различных его аспектов, детально прописаны процедуры принятия решений и проведения электронного голосования.

Однако на практике это очень сложно осуществить. У большинства рядовых граждан недостаточно знаний, отсутствует необходимая компетенция для решения такого уровня вопросов. Не случайно Аристотель и Платон относили прямую демократию к неправильным, несовершенным формам государственного устройства в силу того, что такая форма властвования крайне нестабильна и уязвима. Нет никаких гарантий, что настроениями масс не будет управлять какой-нибудь популистский лидер. Принимаемые таким образом решения могут нести угрозу для существования всей общественно-политической системы. Кроме того, собрать пусть даже виртуально большое количество людей, измеряемое тысячами, очень непросто, не говоря уже о том, чтобы их всех выслушать.

Таким образом, при всех возможностях Интернета идеи виртуальных народных собраний продуктивно могут быть реализованы только на уровне небольших муниципальных образо-

ваний, причем для решения не политических, а преимущественно хозяйственных вопросов, непосредственно затрагивающих интересы местного населения. Для России это весьма отдаленная перспектива, поскольку уровень проникновения Интернета в регионы остается достаточно низким. То же самое можно сказать и про уровень компьютерной грамотности, особенно в сельских и районных муниципальных образованиях.

Иными словами, в весьма отдаленном будущем виртуальные народные собрания могут стать всего лишь элементом традиционной системы демократического управления, но никак не заменить ее. Помимо всего прочего наделение их правом принятия управленческих решений таит в себе большие риски и неразрывно связано с решением проблем информационной безопасности, с противодействием широкому кругу информационных угроз как технического, так и социально-политического характера: хакерским атакам, «подтасовкам», затягиванию или срыву принятия важных решений, манипулированию со стороны заинтересованных лиц и т. д. Такой механизм принятия решений очень сложно сделать прозрачным, поэтому всегда могут возникнуть вопросы об его легитимности. К тому же можно предположить, что институционализация виртуальных народных собраний не решит проблемы повышения гражданской активности населения. Вряд ли люди, не проявляющие интереса к участию в общественной жизни, в том числе к решению хозяйственных вопросов, обретут его с помощью Интернета и уж тем более будут активными спикерами виртуальных народных собраний.

Куда реалистичней выглядит сценарий развития современных демократий по пути внедрения электронных делиберативных механизмов управления, которые, в принципе, не противопоставляются существующей системе представительной демократии, а логично ее дополняют и совершенствуют.

В основе концепции делиберативной демократии лежит идея о том, что решающую роль в демократии имеет не голосование и его результат, принятый большинством, а совещательный процесс, проходящий открыто и предшествующий голосованию, в качестве итога которого должен формироваться консенсус по поводу той или иной проблемы, выносимой на обсуждение. В ходе делиберативных процедур происходит обмен различными мнениями, вследствие чего участники процесса под влиянием аргументации друг друга могут корректировать и изменять свою точку зрения, что в конечном счете должно способствовать достижению консенсуса. Иными словами, основной посыл данной концепции в том, что принятию наиболее важных решений должно предшествовать широкое общественное обсуждение.



При этом в процессе принятия решений должны быть созданы возможности для диалога как граждан друг с другом, так и с представителями бюрократии⁵.

Идеальным местом для таких обсуждений, новой «публичной сферой» современного общества может стать Интернет. В большинстве стран это территория, свободная от цензуры, где свобода слова и мысли ничто не угрожает и где каждый желающий может стать не только получателем, но и распространителем массовой информации. Интернет уже давно стал неотъемлемой частью современного информационного пространства, постоянно (по мере информатизации регионов) расширяющего свои границы. В ближайшем будущем он вполне реально может стать основной площадкой для формирования и транслирования общественного мнения. Дело за внедрением механизмов делиберативной демократии в практику государственного управления, приданием им правового статуса.

Многими исследователями уже давно отмечается, что традиционные формы гражданского участия становятся все менее и менее привлекательными, поскольку не учитывают современных потребностей людей и возможностей, связанных с использованием интернет-технологий. В этой связи рядом авторов предлагается внедрять в практику общественного участия целый набор различных инструментов делиберативной демократии, которые делятся на три категории: форматы «больших групп», форматы «малых групп» и он-лайн форматы⁶. Отмечается, что многие из этих инструментов фактически используются в местных сообществах и востребованы населением, однако они остаются за рамками официальных процедур гражданского участия и правового регулирования.

Несмотря на имеющиеся примеры внедрения делиберативных процедур в практику государственного и муниципального управления, в том числе и в нашей стране, все они являются скорее инициативами и социальными инновациями, нежели сформировавшимися социальными практиками. Общая для всех стран проблема в том, что правовое регулирование и институты в сфере гражданского участия отстают от современных возможностей, а также потребностей общества в участии в решении местных дел⁷.

Позитивным зарубежным опытом следует считать то, что направленные на решение данной проблемы социальные инновации институционализируются и формализуются не на уровне общегосударственного законодательства, а путем закрепления соответствующих правил и процедур на местном уровне, что позволяет более гибко подходить к выбору форм, методов и инструментов делиберативной демократии и корректировать их, адаптируя к существующим местным особенностям. Российское

законодательство о местном самоуправлении, в принципе, позволяет муниципалитетам действовать таким же образом, внедряя инновации и закрепляя их в муниципальных правовых актах.

Делиберативный путь развития демократии является наиболее вероятным. Прежде всего потому, что он не разрушает существующей системы государственного управления (в отличие от возрождения механизмов прямой демократии), а значит, не угрожает интересам правящего класса, который мог бы потерять часть своего влияния в случае кардинальной перестройки системы управления. Делиберативные процедуры не противопоставляются механизмам представительной демократии, а фактически адаптируют их к новым современным условиям. Такой подход отвечает интересам прежде всего власти, но и общества тоже. Он позволяет вдохнуть новую жизнь в представительную демократию, которая в последние годы стремительно теряет доверие избирателей. Делиберативные процедуры легитимируют механизм принятия и сами государственные решения, повышают авторитет власти, делают ее ближе к народу. Общество же, при наличии соответствующего правового обеспечения, оказывается включенным в механизм принятия решений, получает возможность влиять на властную повестку дня и на политику в целом.

Несмотря на свою привлекательность, модель делиберативной демократии часто подвергается критике. Под вопросом оказывается эффективность совещательных процедур, возможность с их помощью прийти к единому мнению, отвечающему интересам разных социальных групп по конкретным социально-политическим проблемам. Такая критика звучит от сторонников коммунитаризма, одним из самых известных представителей которого является Амитай Этциони.

А. Этциони ставит под вопрос две фундаментальные предпосылки делиберативной модели демократии. Во-первых, это тезис о том, что базисные интересы индивидов естественным образом согласованы друг с другом, образуя скрытую (потенциальную) гармонию. И если А. Смит писал о «невидимой руке рынка», которая приводит людей с разными потребностями к взаимному обмену и в результате к процветанию, то Дж. Ролз аналогичным образом рассуждает о «завесе неведения», которая в итоге служит утверждению принципа справедливости⁸. Второй тезис делиберативных демократов, вызывающий сомнение у Этциони, заключается в убеждении, что можно организовать приемлемое для всех обсуждение политических вопросов с применением одних только логических и фактуальных аргументов, безотносительно к ценностным ориентациям участников этого обсуждения.



Сторонники делиберативной демократии указывают на «аргументированные обсуждения» как на ключевую путь, по которому граждане свободного общества приходят к смене своих суждений о том, что легитимно. Они видят это как «холодный» и рациональный процесс, который минимизирует роль эмоций и других подобных «горячих» факторов. В рамках данного подхода акцентируется внимание на обмене информацией и взвешивании доказательств, на «склонности к разумности», обоснованности аргументов, беспристрастности и просвещенности ума. Представители коммуитаризма сомневаются что такие «спокойные», рациональные размышления труднодостижимы в большинстве случаев⁹.

Этот образ общества как дискуссионного клуба с его «рассудительными диспутантами», фатально проигрывающими своим менее рассудительным, зато более убежденным оппонентам, Этциони подвергает резкой критике. По его словам, сторонники «делиберативного» понимания демократии благоволят «рациональным обсуждениям» – хладнокровным, основанным на логике и фактах, – поскольку они опасаются, что диалоги о ценностях приведут к межкультурным войнам, а затем и к реальным военным конфликтам¹⁰. Вопреки парадигме несовместимых ценностей, лежащей в основе сугубо либерального (или чисто процедурного) понимания демократического диалога, Этциони (как и многие другие коммуитаристы) утверждает, что между мировоззренческими позициями диалог возможен, причем диалог эффективный, в котором ценности не только «закаляются», но изменяются и формируются. Этот тип диалогического общения Этциони и называет «моральными диалогами», отличая их от дискуссии «рациональных обсуждений».

Отличие коммуитарной модели демократии от делиберативной не только в механизме легитимации. Сторонники коммуитаризма считают главным актором процесса легитимации не отдельных индивидов, не индивидуальное мышление, а различные общественные сообщества. Идеал коммуитарной демократии в том, что основа будущего демократического устройства должна находиться в руках не профессиональных политиков, а общин¹¹.

Коммуитарный путь эволюции современных демократий – это путь институционализации виртуальных общин, которые должны стать основой будущего демократического порядка. Со времен А. Токвиля общепризнанной считается позитивная взаимозависимость между устойчивостью, целостностью демократического процесса, с одной стороны, и способностью граждан формировать добровольные общественные ассоциации, объединяющие людей вокруг общих целей и способствующих активной вовлеченности в решение общественно-политических проблем – с другой. Общественные

ассоциации, общины являются тем нравственным компасом, который ведет людей от индивидуального самоопределения (способности осознать собственный интерес) к коллективному самоуправлению (способности участвовать и принимать ответственность за реализацию общего блага).

В современном обществе, по мнению многих исследователей, наблюдается упадок общинного духа и практики современной демократии, проявляющийся в неспособности добровольных ассоциаций формировать и поддерживать коллективную идентичность людей, населяющих единое физическое пространство. Церкви, школы, публичные библиотеки, благотворительные организации, профессиональные объединения, общественные мероприятия и общегосударственные праздники все меньше способны привлечь общественное внимание¹².

В этой связи большие надежды сторонники коммуитарной демократии возлагают на Интернет, который уже стал тем местом, где граждане намного охотнее, чем в обычной жизни, взаимодействуют друг с другом, образуя клубы по интересам. Отличительными особенностями интернет-сообществ считаются:

- регулярная посещаемость достаточно стабильными аудиториями сетевого ресурса, вокруг которого создается сообщество;
- наличие обратной связи благодаря интерактивным возможностям ресурса;
- создание собственной субкультуры со всеми обязательными атрибутами: иерархией, этическими и поведенческими нормами, ролевыми играми, совместным участием в online/offline мероприятиях¹³.

Логика коммуитарной аргументации в этом вопросе опирается на общепринятую посылку: физическая дистанция более не ограничивает возможности формирования и функционирования человеческого сообществ. Х. Рейнгольд формулирует новую парадигму так: «община» возникает, когда люди общаются друг с другом посредством Сети достаточно долго, чтобы развить устойчивые взаимоотношения, при этом Сеть освобождает этот процесс общинного строительства от ограничений географической близости. Именно это высвобождение общины из оков географических границ позволяет расширить границы локальных общин до национального и интернационального масштабов¹⁴.

Интернет может способствовать общинному строительству благодаря своим уникальным возможностям: помимо упомянутой географической дистанции, анонимный характер интернет-коммуникации позволяет преодолевать расовые, возрастные, половые и физические преграды, открывает качественно новый способ асинхронных коммуникаций, снимая, в свою очередь, ограничения временных поясов и распорядка дня и т. д.



На этих базовых тезисах строится развернутая схема дополнительных возможностей: способность взаимопониманию, толерантности и готовности принять чужие взгляды и различия; выработка общих ценностей и др.

Адепты и практики подобного применения интернет-технологий воспринимают их как практический и эффективный инструмент осуществления традиционных функций гражданского образования и муниципальной самоорганизации и активности. Другие же считают, что Интернет способен в принципе изменить структуру и формы общественной самоорганизации, заменить устаревшие, географически ограниченные общины новыми, виртуальными общинами, преодолевающими традиционные ограничения времени, пространства, государственных границ, языковых преград и т. д.

Тем не менее, существует ряд факторов, которые ограничивают коммунитарные перспективы виртуальной общины:

– анонимность (важнейший атрибут интернет-коммуникаций) по самой своей природе является неблагоприятной средой для произрастания таких общинных качеств, как взаимодоверие, взаимоуважение, взаимответственность;

– социальное давление – неосязаемый нормативный ресурс общения лицом к лицу, играющий важнейшую роль в развитии социальной солидарности и ответственности членов реальной общины; лежащие в основе этого эффекта механизмы «стремления к поощрению» и «избегания осуждения» не имеют прямой связи с содержанием информационного обмена между индивидами и носят в значительной мере иррациональный характер;

– нестабильность взаимосвязей, абсолютная легкость смены круга общения, «текучка» персонального состава виртуальных общин в противоположность реальным общинам, текучесть состава которых имеет естественные географические, институциональные ограничения¹⁵.

Некоторые из этих ограничений, в принципе, устранимы. В научном и экспертном сообществе уже давно обсуждается проблема интернет-анонимности, в которой, безусловно, кроется серьезная угроза информационной безопасности личности, общества и государства. Особенно в свете последней тенденции активизации международных террористов в Глобальной сети, которые используют ее для коммуникации, пропаганды своих идей, вербовки людей по всему миру и т. п.

Полезным может быть опыт Китая, который уже давно решил эту проблему. Для регистрации в Интернете необходимо указывать личные данные на основе реальной, задокументированной информации, проверяющейся в автоматическом режиме, что позволяет полностью идентифицировать пользователя. Думается, что

такой механизм вполне подошел бы и для российской практики, о чем сегодня говорится все чаще и чаще.

Рассмотренные пути трансформации современных демократий не являются взаимоисключающими, они могут сочетаться, логично дополняя друг друга, способствуя тем самым формированию модели электронной демократии, где современные информационные технологии используются для разработки и принятия властных решений, коммуникации власти и общества, общественной организации и формулирования и продвижения гражданских инициатив. Если же говорить о доминирующей тенденции преобразования современных демократий, то такой является внедрение делиберативных процедур, основанных на использовании современных информационно-коммуникативных технологий в демократическую практику властвования и управления обществом. Эти процедуры достаточно эффективно позволяют изменить облик современных демократических систем без изменения их существенных характеристик, без чего не обошлось бы при внедрении механизмов прямой демократии или идей коммунитаризма.

Примечания

- 1 См.: Даль Р. Демократия и ее критики / пер. с англ. под ред. М. В. Ильина. М. : РОССПЭН, 2003. С. 339.
- 2 См.: Grossman L. K. The Electronic Republic : Reshaping Democracy in America. N. Y. : Viking (20th Century Fund), 1995.
- 3 Barber B. R. Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy // Political Science Quarterly. 1998–1999. Vol. 113, № 4. P. 573–589.
- 4 См.: Руденко В. Н. Новые Афины, или Электронная республика // Полис. 2006. № 4. С. 11.
- 5 См.: Rapoport M., Stratton J. Electoral Reform and Deliberative Democracy : Can We Enrich Democracy by Joining the Two Fields? // National Civic Review. Winter 2004. P. 68–70.
- 6 См.: Making Public Participation Legal : Report, October 2013. URL: <http://www.deliberative-democracy.net/> (дата обращения: 21.01.2017).
- 7 См.: Мочалов А. Н. Делиберативная демократия в местных сообществах : российский и зарубежный опыт // 15-я Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : сб. докл. / под ред. Е. Г. Ясина. Кн. 2. М. : НИУ ВШЭ, 2015. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/> (дата обращения: 10.03.2017).
- 8 Цит. по: Поцелуев С. П. Моральные диалоги в модели «отзывчивой демократии» А. Этциони // Политическая концептология. 2010. № 4. С. 212.
- 9 См.: Etzioni A. On Communitarian and Global Sources of Legitimacy // The Review of Politics. 2011. № 73. P. 105–122.
- 10 См.: Этциони А. От империи к сообществу : новый



подход к международным отношениям / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Ладомир, 2004. С. 89.

¹¹ См.: *Etzioni A.* The Spirit of Community : Rights, Responsibilities and the Communitarian Agenda. N. Y. : Touchstone, 1993.

¹² См.: *Туронок С. Г.* Интернет и политический процесс // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 59.

¹³ См.: Виртуальные «виртуальные PR» : три сферы взаимодействия с интернет-аудиторией (сетевые сообщества, персональные коммуникации, online СМК) // *Советник*. 2001. № 2. С. 25–29.

¹⁴ См.: *Rheingold H.* A Slice of Life in my Virtual Community // *Global Networks*. Cambridge (Mass.), 1993. P. 57–80.

¹⁵ См.: *Туронок С. Г.* Указ. соч. С. 61.

Образец для цитирования:

Россошанский А. В., Цаплин А. Ю. Пути развития современных демократий в информационном обществе // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 331–336. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-331-336.

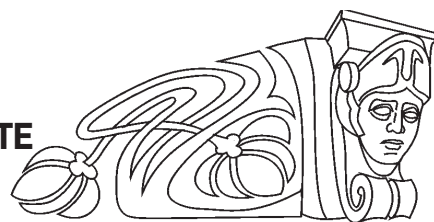
Cite this article as:

Rossoshansky A. V., Tsaplin A. Yu. The Development of Modern Democracies in the Information Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 331–336 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-331-336.



УДК 34.01

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТЕ



Ф. А. Вестов, Е. О. Глухова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vestovfa@mail.ru, Kuzminaeo@list.ru

О. Ф. Фаст

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: Fastolga@mail.ru

В статье анализируются проблемы защиты прав и свобод личности и информации о человеке в сети Интернет. Определяются признаки безопасности и ее обеспечения силовыми структурами правоохранительных органов России.

Ключевые слова: безопасность, личность, права и свободы, силовые структуры, сеть Интернет, информация правоохранительные органы.

Law Enforcement and the Political and Legal Mechanisms for the Protection of the Person in Russian Internet

F. A. Vestov, O. E. Glukhova, O. F. Fast

The article analyzes the problems of protection of the rights and freedoms of an individual, and information about an individual on the Internet. The author defines the security characteristics and its provision by the law enforcement bodies of Russia.

Keywords: security, individual rights and freedoms, law enforcement agencies, Internet, information law enforcement.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-337-340

Актуальность данной темы состоит в том что в современных условиях развития правового государства России Интернет стал неотъемлемой частью общества и человека. Люди, выставляя информацию о себе в социальных сетях, подвергаются опасности, сами того не подозревая. Этим пользуются мошенники. Поэтому в данное время очень актуальной является защита прав и свобод личности и информации о ней в Интернете силовыми структурами правоохранительных органов правового государства¹. В этой связи возникает ряд вопросов: 1) регулирование сетей – это регулирование частной сферы или публичной сферы?; 2) должно ли государство защищать присутствие гражданина в Интернете как его частную жизнь или как его публичную деятельность?; 3) кто должен отвечать за то, что обеспечивает ребенку до 14 лет свободный доступ в публичную сферу коммуникаций?; 4) в какой мере политически оправданно вмешательство правоохранительных органов в деятельность соответствующих коммуникационных

систем в целях обеспечения информационной безопасности человека?

Говоря об информационной безопасности, мы имеем в виду защиту информации от случайных или злонамеренных действий, которые могут привести к нанесению ущерба как информации так и ее владельцам.

Стандартная модель безопасности характеризуется тремя категориями:

- конфиденциальность – это состояние информации, при котором доступ к ней осуществляют только субъекты, имеющие на это право²;
- целостность – это такое размещение информации, когда исключается несанкционированная модификация информации;
- доступность – избежание временного или постоянного сокрытия информации от пользователей, получивших права доступа к ней.

Информация в Сети охватывает все стороны жизнедеятельности человека и общества. Пользователи доверяют данной форме коммуникаций себя и свою деятельность. Однако опыт работы в области компьютерных технологий полон примеров недобросовестного использования ресурсов Интернета.

Одними из условий проникновения злоумышленников в компьютерные сети является беспечность и неподготовленность пользователей сетей. Яркими примерами этого являются: вовлечение через Интернет террористами новых членов, которые переезжают в самопровозглашенное Исламское государство (запрещенное в России), а также создание сетей в Интернете по вовлечению школьников, студентов (под благовидными предложениями) для совершения самоубийств. В этой связи возникает необходимость еще в детском саду, обязательно в школе обучать пользователей Интернета обеспечению личной безопасности.

Беспечность характерна не только для рядовых пользователей, но и для части специалистов в области компьютерной безопасности. Вместе с тем причина не только в халатности, но и в сравнительно небольшом опыте специалистов по обеспечению безопасности в сфере информационных технологий. Связано это со стремительным ростом рынка сетевых технологий и самой сети Интернет в условиях глобального развития политических и иных процессов во всемирном пространстве. Неподготовленность специальных служб стран приводит к политическим катаклизмам, свержению суще-



ствующих режимов вне рамок конституционного поля этих государств, возможности вмешательства во внутривнутриполитические процессы извне, в том числе осуществлению «цветных» революций (Ирак, Ливия и др.) с использованием возможностей Интернета.

С учетом зарубежного опыта в России приняты меры институционального характера по недопущению незаконных политических преобразований с использованием возможностей Глобальной сети. Так, согласно Указу Президента РФ «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена», запрещено подключение информационных систем информационно-телекоммуникационных сетей и средств вычислительной техники, применяемых для хранения, обработки или передачи информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, или информации, владельцами которой являются госорганы и которая содержит сведения, составляющие служебную тайну, к информационно-телекоммуникационным сетям, которые могут использоваться для передачи информации через государственную границу РФ, в том числе Интернет³.

Одной из основных политических проблем в этой сфере является, на наш взгляд, безопасность персональных данных. Каждый имеет право на неприкосновенность его частной жизни, на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений.

Надо отметить, что информация о гражданах (персональные данные в настоящее время находятся в многочисленных базах государственных и частных учреждений: здравоохранения по месту жительства, банковских системах, пенсионных фондах, избирательных списках, данных правайдеров о пользователях Интернета. Эти базы данных, как правило, недостаточно защищены. К ним имеет доступ множество людей, контроль над которыми не установлен. В данном случае личность, т. е. ее персональные данные, не защищены от различных злоупотреблений. Для современных хакеров не является преградой даже хорошая защита системы, не говоря уже о конфиденциальности персональных данных в «бытовых» системах.

Вместе с тем такая информация неизбежно появляется при электронных денежных расчетах по кредитным карточкам и в особенности при онлайн-торговле. При этом интернет-сайт выполняет функцию прилавка обычного магазина, а с 1994 г., когда были изобретены cookies (специальные файлы, которые позволяют идентифицировать посетителя того или иного интернет-сайта), «продавцы» этого магазина стали различать покупателей, ранее бывших анонимными.

На начальной стадии находится в России реальная защита авторских прав на интеллектуальную собственность. Российское законодательство в сфере национальной безопасности, а в частности Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», под безопасностью понимает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В связи с этим важное политическое значение имеет правовое урегулирование защищенности указанных интересов при обмене данными в сети Интернет⁴. Это подтверждается практикой выборов в США, где в результате политического противостояния избранный президент и через сто дней не имеет возможности нормально исполнять свои обязанности.

В Интернете право на жизнь, свободу и безопасность включает в себя следующее:

– защиту от преступлений в любых формах. Каждый должен быть защищен от всех форм преступлений, в том числе и совершенных с помощью Интернета, включая преследования и злоупотребления своей цифровой идентификацией и неправомерное использование персональных данных;

– безопасность в Интернете. Каждый человек имеет право на обеспечение безопасного соединения с Интернетом и безопасную деятельность в Сети. Право на безопасное использование Интернета также следует из права на свободу выражения своего видения развития тех или иных процессов в обществе, так как полная актуализация права на выражение невозможна при небезопасном характере соединения. Такие угрозы, как распространение вирусов, кража личных данных и виртуальной идентификации и 42 другие угрозы, таким образом, должны предотвращаться правоохранительными органами⁵.

В Интернете право на неприкосновенность частной жизни включает следующее:

– национальное законодательство о неприкосновенности частной жизни;

– политика конфиденциальности в Интернете. Политика конфиденциальности и настройки всех услуг должны быть изложены четко и ясно, находиться в легкодоступном месте на ресурсах, а управление настройками конфиденциальности должно быть комплексным и удобным в использовании⁶.

Право на частную жизнь должно защищаться по стандартам конфиденциальности IT-системы, обеспечивая защиту всех элементов систем от несанкционированного доступа к IT-системам без согласия:

– право на виртуальную личность. Каждый человек имеет право на виртуальную личность: виртуальная человеческая личность неприкосновенна. Цифровые подписи, имена пользователей, пароли, PIN-коды не должны использоваться или изменяться другими лицам без согласия владельца.



– право на анонимность и использование шифрования. Каждый человек имеет право общаться анонимно в Интернете; право на использование технологии шифрования для обеспечения безопасного частного и анонимного общения;

– свобода от слежки. Каждый имеет право свободно общаться без произвольного наблюдения или перехвата информации или угрозы наблюдения или перехвата информации;

– свобода от клеветы. Интерпретируется данное ограничение следующим образом: никто не должен подвергаться незаконным посягательствам на его честь и репутацию в Интернете. Каждый человек имеет право на защиту от таких посягательств. Право на защиту частной жизни непосредственно связано с правом на защиту репутации, чести и достоинства.

Электронно-цифровая подпись обеспечивает защиту аутентификации и целостности электронных документов. Она может использоваться при необходимости контроля с целью удостоверения личности подписавшего электронный документ, а также при проверке, было ли содержание подписанного документа изменено. 10 января 2002 г. Президентом РФ был подписан Закон «Об электронной цифровой подписи». Исходя из вышеизложенного, сложно сделать вывод о том, где ответственность за сохранность сведений о частной жизни возлагается на государство в лице ответственных за это органов, а где гражданин, пользуясь сетью Интернет, становится участником публичной сферы деятельности и определяется его мера ответственности. Эти вопросы требуют теоретико-политического осмысления и правового разрешения.

Одна из самых острых и актуальных тем – защита детей от информации, могущей нанести им вред, особенно когда она распространяется по Интернету. Наиболее наглядно тема защиты детей может быть проиллюстрирована на примере порнографии. Если до интернет-эпохи порнографические материалы можно было получить только в специальных магазинах, по почте и из рук в руки, то в настоящее время эти сведения стали значительно доступнее. Характерно, что качественное увеличение степени доступности изменило характер самой порноиндустрии – она диверсифицировалась, колоссально выросла ее спецификация. Государственный контроль оборота порнографических материалов в новых условиях стал намного более сложной задачей. Однако самым неприятным феноменом стал не рост порноиндустрии как отрасли, а легкость доступности материалов для несовершеннолетних. Феномен порнографии онлайн является распространенным аргументом сторонников введения способов и процедур ограничения доступа к интернет-контенту и к самому Интернету⁷.

Эти способы включают:

1) добровольную установку самими пользователями на собственных машинах программ контент-фильтрации;

2) юридическое принуждение интернет-провайдеров устанавливать программы или специальное оборудование («железо») для фильтрации на различных узлах обработки данных;

3) классическую меру воздействия – административное и/или уголовное преследование хозяев порнопорталов, открытых в нарушение закона, регулирующего оборот порнографической продукции;

4) юридически закрепленную процедуру верификации возраста пользователя в публичных местах, интернет-кафе и публичных Wi-Fi-зонах) с целью выбора профиля фильтрации;

5) создание и пропаганду общественной системы жалоб на порнографические сайты с целью их добавления в «черные списки»;

6) глубокую фильтрацию порнографического контента на узлах сопряжения национального Интернета и Глобальной сети с целью изоляции национальной сети от зарубежного антиморального контента на основании нормативно-правовых актов различного уровня.

Использование методов (2) и (6) сопряжено с негативными эффектами, связанными с несовершенством систем фильтрации, вследствие которых неизбежны технические ошибки, из-за которых в «черные списки» попадают сайты, не содержащие порнографии. В связи с этим особое значение имеет профессиональная подготовка сотрудников специальных подразделений правоохранительных органов, которые контролируют безопасность сети Интернет, выявляют наличие в выложенной информации оснований для привлечения к уголовной⁸ или административной ответственности лиц, осуществивших несанкционированный доступ к информации. Вместе с тем значение имеет установление степени виновности собственников телекоммуникационных сетей связи, которые используются преступными сообществами, запрещенными организациями (Исламское государство и др.) в целях осуществления террористических актов (Россия, Франция, Англия и др.), склонения несовершеннолетних к самоубийству и других опасных преступлений. В данной ситуации важной становится проблема ответственности родителей или лиц, их заменяющих, которые должны осуществлять контроль за использованием возможностями Интернета детьми. В этом направлении помочь родителям может повышение их компетентности в данной сфере по ограничению доступа детей к Интернету. Помимо установления повышенной правовой ответственности взрослых за поведение детей, глубокой проработке подлежит проблема политической корректности вмешательства правоохранительных органов в сферу реализации по-



литических свобод подрастающего поколения и формирования из них ответственных граждан за свою страну.

Примечания

- ¹ См.: *Вестов Ф. А., Фаст О. Ф.* Правовое государство : теоретическое проектирование и современная политическая практика / под ред. Н. И. Шестова. М. : Проспект, 2016.
- ² См.: *Партыка Т. Л., Попов И. И.* Информационная безопасность : учеб. пособие. 3-е изд. М. : Форум, 2008.
- ³ См.: О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена : указ Президента РФ от 17 марта 2008 г. № 351 (с изм. и доп. от 21.10.2008, 14.01.2011, 25.07.2014, 22.05.2015. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» ; Положение об обеспечении безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных : утв. постановлением Правительства РФ от 17 ноября 2007 г. // Рос. газ. 2007. 21 нояб.
- ⁴ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 25.05.2017).
- ⁵ См.: *Левава И., Шуклин Г., Винник Д.* Права интернет-пользователей : Россия и мир, теория и практика / Ассоциация интернет-издателей. М. : Кабинетный ученый, 2013.
- ⁶ См.: *Безбогов А. А.* Методы и средства защиты компьютерной информации : учеб. пособие. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008.
- ⁷ См.: *Детская порнография : модель законодательства и всемирный обзор.* 2010. URL: http://sartraccs.ru/Pub_inter/kindporno.pdf (дата обращения: 25.05.2017).
- ⁸ См.: *Вестов Ф. А., Глухова Е. О.* Российское уголовное право : учеб. пособие (Общая часть, тема 1–9). Саратов : Саратовский источник, 2016.

Образец для цитирования:

Вестов Ф. А., Глухова Е. О., Фаст О. Ф. Правоохранительные органы и политико-правовые механизмы защиты личности в российском Интернете // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 337–340. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-337-340.

Cite this article as:

Vestov F. A., Glukhova O. E., Fast O. F. Law Enforcement and the Political and Legal Mechanisms for the Protection of the Person in Russian Internet. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 337–340 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-337-340.



СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 329.8; 321.022

ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ И ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Е. В. Чистякова, И. В. Яковлев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: blondinnet@mai.ru, yak-ivan@yandex.ru

В статье представлен анализ содержания программных документов политических партий и публичного дискурса о гражданском контроле. На примере партий, входящих в состав Государственной думы Федерального собрания РФ, дается характеристика основных целей и задач политических партий, совпадающих с целями и задачами институтов гражданского контроля. В качестве заключения делается вывод о высоком уровне внимания политических партий к проблеме осуществления гражданского контроля в России и возможной адаптации политических партий к изменяющимся условиям политического пространства страны через активизацию функции гражданского контроля политическими партиями.

Ключевые слова: гражданский контроль, гражданское общество, публичная политика, политические партии.

Civilian Control in Policy Documents and Public Discourse of Political Parties

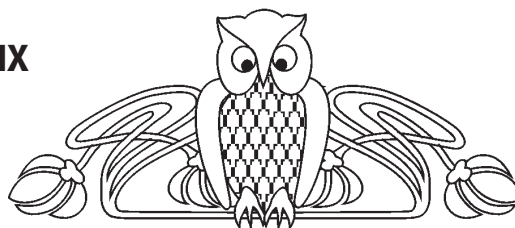
E. V. Chistyakova, I. V. Yakovlev

The article presents an analysis of the documents of political parties and public discourse on civil control. On the example of parties belonging to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the characteristics of the main goals and tasks of political parties coinciding with the goals and tasks of civil control institutions are given. As a conclusion, a conclusion is made about the high level of attention of political parties to the problem of exercising civil control in Russia, and the possible adaptation of political parties to the changing conditions of the country's political space, by activating the function of civil control by political parties.

Key words: civilian control, civil society, public policy, political parties.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-341-344

Политические партии и институты гражданского контроля тесно связаны рядом функций между собой. С одной стороны, для решения острых социальных проблем политические партии являются важными субъектами политической жизни общества, поскольку обладают рядом существенных полномочий (в сравнении с некоммерческими объединениями и иными субъектами гражданского контроля). При этом политические партии обладают важными ресурсами материально-технического и имиджевого



характера¹. С другой стороны, политические партии, по мнению ряда исследователей, тяжело проходят через процесс приспособления в условиях увеличения субъектов политики – политических акторов. Все большее значение в публичной политике приобретают коммерческие и некоммерческие организации, группы давления и лоббирования, ассоциации и т. д., что ставит перед политическими партиями задачу координации с институтами гражданского общества². Во многом схожие субъекты публичной политики (политические партии и институты гражданского контроля) тесно связаны в политическом дискурсе, однако есть и некоторые противоречия, сказывающиеся на представлении о гражданском контроле. Рассмотрим данные противоречия несколько детальнее.

Политические партии и некоммерческий сектор схожи в определении своих задач. Согласно Федеральному закону «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³, можно выделить следующие задачи общественного контроля, объединяющие политические партии и гражданское общество:

- 1) повышение уровня доверия граждан к деятельности государства и институтам государства;
- 2) реализация гражданских инициатив, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина;
- 3) обеспечение открытости и повышение эффективности деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и иных органов и организаций, связанных с осуществлением государственных функций⁴.

Обозначенный список задач не исчерпывающий, поскольку политические партии и субъекты гражданского контроля вправе самостоятельно формулировать частные задачи, безусловно, в рамках законодательства.

Основной задачей общественных объединений, осуществляющих гражданский контроль, в политическом контексте можно считать обеспечение взаимодействия государства и граждан. Однако, согласно указанному выше нормативному правовому акту, оговариваются недопустимость вмешательства институтов гражданского контроля в сферу деятельности политических партий и соблюдение нейтральности субъекта-



ми общественного контроля, исключающей возможность влияния политических партий на осуществление контроля.

Акцентируя внимание на целях и задачах, прописанных в уставах политических партий, существующих в партийном поле страны, можно говорить о совпадении задач институтов гражданского контроля и политических партий. Например, «Единая Россия» в уставе партии ставит перед собой важные цели: доведение мнений граждан до органов государственной власти и органов местного самоуправления, формирование общественного мнения, политическое образование и воспитание граждан⁵. КППРФ определяет в качестве приоритетов схожие с приоритетами институтов гражданского контроля задачи: политическое образование и воспитание граждан, выражение позиций граждан и доведение мнений до органов государственной власти и органов местного самоуправления⁶. С аналогичных позиций описывает свои цели и задачи и ЛДПР⁷. «Справедливая Россия» несколько иначе подходит к определению своих задач. Так, в качестве приоритетов партия выдвигает необходимость участия в формировании ответственного перед народом государственного аппарата, формирования институтов гражданского общества и культуры гражданственности, доведения до органов государственной власти и органов местного самоуправления позиции граждан по важным аспектам жизни социума⁸.

Без реализации выделенных целей и задач политических партий фактически невозможно построение взаимосвязи партии и граждан, а соответственно, невозможен процесс мобилизации электората. Следовательно, можно говорить об особом значении функций политических партий, тесно связанных с гражданским контролем. Обозначив главные цели и задачи функционирования основных политических партий российской публичной политики, следует дополнить, что с подобных позиций описывает свои цели и задачи большинство политических партий страны.

Однако круг субъектов гражданского контроля существенно ограничен законодателем и включает такие структуры, как: общественные палаты различных территориально-административных образований; общественные советы при федеральных органах исполнительной и законодательной власти; общественные советы органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Ограничение законодателем круга субъектов гражданского контроля выделенными институтами во многом можно объяснить стремлением оградить органы государственной власти от возможного влияния политических и коммерческих организаций. Однако, на наш взгляд, ограничение субъектов гражданского контроля, при фактическом отсутствии прописанной в законодательстве возможности полноценного контроля со стороны независимых некоммерческих

организаций, ставит перед обществом вопрос о качестве контроля работы органов государственной власти. При этом политические партии, обладающие материально-техническими ресурсами, опытом работы в публичной политике и возможностями донесения до органов государственной власти позиции граждан, представляются нам как одни из важнейших организаций в сфере гражданского контроля. Учитывая цели и задачи политических партий, описанные выше, следует детальнее рассмотреть представления о гражданском контроле в публичном дискурсе и программных документах политических партий.

«Единая Россия» обозначила в качестве приоритетов в программе политической партии, написанной еще в 2001 г., следующие аспекты: проведение административной реформы; совершенствование системы государственного управления; повышение политической ответственности депутатов всех уровней. Все это во многом коррелирует с политическими задачами гражданского общества и его функцией – гражданским контролем. Отдельно следует выделить обозначенные в качестве приоритетов повышение доверия граждан к государству, формирование прозрачной и понятной государственной политики⁹.

Ставя особый акцент на развивающемся гражданском обществе, «Единая Россия» заявляет о необходимости участия граждан в управлении общественными делами, контроля над деятельностью властей. Вопросы общественного устройства, по мнению партии, должны решаться представителями граждан или непосредственно гражданами.

Вместе с этим «Единая Россия» в пространстве публичной политики заявляет о необходимости развития гражданского общества. Учитывая специфику партийной деятельности, партийцы говорят о первостепенной необходимости работы со средствами массовой информации и общественными объединениями социального характера¹⁰. Одним из девизов в рамках выдвижения партии на выборах в Государственную думу Федерального собрания VII созыва стал слоган: «Слышим людей – сможем сделать»¹¹.

КППРФ в достижении целей активно апеллирует к своим «соратникам», к которым относит «профсоюзы, рабочие, крестьянские, женские, ветеранские, молодёжные, религиозные, просветительские, творческие, экологические, антиглобалистские и иные общественные организации»¹². При этом такие важные составляющие гражданского общества, как профсоюзы и иные некоммерческие объединения, не рассматриваются коммунистами в совокупности. Однако в текущей деятельности внимание вопросам гражданского общества партия все-таки уделяет.

Один из шагов на пути развития гражданского общества КППРФ сделала, создав совещательный орган при фракции КППРФ в Государствен-



ной думе. Привлекая представителей партии из регионов и специалистов в отдельных вопросах функционирования социума, не связанных с организаторской деятельностью в отделениях партии, КПРФ стремится к активизации участия населения в обсуждении проблем социума и государства¹³. Партийные функционеры отмечают высокое значение гражданского общества как для политической системы страны в целом, так и регионов в частности¹⁴.

ЛДПР смотрит на развитое гражданское общество как на важную составляющую национальной идеи, декларируемой партией. Среди предложений партии фигурирует пункт о необходимости самым активным образом развивать местное самоуправление и местное сообщество, так как на низовых уровнях кооперации граждане формируют важнейшие политические институты страны. Активно используя идею контроля над органами государственной власти со стороны оппозиционных партий и неправительственных общественных объединений в большинстве сфер жизни социума, партия, тем не менее, не конкретизирует механизмов развития или поддержания институтов гражданского контроля в рамках программных документов¹⁵. Региональные отделения политической партии в публичной политике активно работают со сферой гражданского контроля. Привлекая внимание к проблемам гражданских политических прав избирателей и помогая в решении социальных проблем регионов, ЛДПР выстраивает политику поддержки рядового избирателя. При этом использует максимально возможное количество инструментов, доступных партии (средства массовой информации, депутатские запросы), оказывая прямую финансовую и юридическую помощь гражданам¹⁶.

«Справедливая Россия» – наиболее последовательная парламентская политическая партия в отношении конкретизации своих задач в части определения вектора и способов развития гражданского контроля. Делая особый акцент на культуре гражданственности, партия последовательно выступает за развитие гражданских инициатив и внедрение практик гражданского контроля в административную систему РФ¹⁷. Объединяя основной электорат вокруг экономически активных и политически социализированных граждан, партия поддерживает свою риторику в публичной политике, в том числе и в сфере протестных обсуждений¹⁸.

Оппозиционные политические партии, не представленные в законодательном органе страны, еще более последовательны в определении отношения к функционированию институтов гражданского контроля. Так, к политическим партиям с особым интересом к гражданскому контролю, выраженному в программных документах, можно отнести «Яблоко», «Патриоты России», «Партия за справедливость», «Российская партия пенсионеров за справедливость»,

«Партия ветеранов России», «Демократическая правовая Россия», «Народ против коррупции», «Гражданская сила», «Демократический выбор» и т. д. Данный факт обусловлен особым вниманием оппозиционных политических движений к гражданской активности населения, прежде всего, к той части населения, которое характеризуется протестной формой поведения и голосования. В то же время такие политические партии, как «Партия народной свободы» (ПАРНАС), «Партия Великое Отечество», «Гражданская платформа», активно апеллирующие к ресурсам и идеям гражданского общества, практически не затрагивают проблематики гражданского контроля в программных документах.

Таким образом, опираясь на представленный выше материал, можно сделать следующие выводы. Во-первых, на основании анализа программных документов и публичного дискурса политических партий можно говорить о том, что партии являются не столько связующим звеном между государством и гражданским обществом, сколько институтом гражданского общества, исполняющим функции гражданского контроля. Во-вторых, задачи и цели, прописанные в уставах политических партий, тесно граничащие с функциями и задачами институтов гражданского контроля, позволяют реализовывать ряд функций гражданского контроля. А поскольку политические партии обладают существенно большими ресурсами, чем значительная часть некоммерческих организаций, можно говорить о качественно ином подходе к осуществлению гражданского контроля политическими партиями. В-третьих, на основе анализа программных документов и публичного дискурса политических партий можно сделать вывод о высокой степени готовности политических партий к осуществлению функций гражданского контроля. Что на фоне активизации участия институтов гражданского общества в политических практиках (шествиях, митингах и выступлениях) позволит адаптироваться к изменяющимся политическим реалиям в России.

Примечания

- 1 См.: Яковлев И. В., Чистякова Е. В. Особенности использования функций гражданского контроля политическими партиями // Модернизация современного общества: инновации, управление, совершенствование. Экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные закономерности и тенденции: материалы междунар. науч.-практ. конф. Армавир; Новосибирск; Саратов, 2015. С. 125–127.
- 2 См., например: Кольсариева Н. Ш. Политические партии как ключевой элемент гражданского общества // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2 (4). С. 178–181; Дагбаева Э. Д. Политические партии в формировании и развитии гражданского общества // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2014. № 14 (2). С. 70–74.



- ³ См.: Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Рос. газ. 2017. 23 июля.
- ⁴ Там же. Пункт 2 ст. 5.
- ⁵ См.: Устав политической партии «Единая Россия». URL: <http://er.ru/party/rules/#23> (дата обращения: 20.03.2017).
- ⁶ См.: Устав политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». URL: <https://kprf.ru/party/charter> (дата обращения: 20.03.2017).
- ⁷ См.: Устав политической партии «Либерально-демократическая партия России». URL: <https://ldpr.ru/party/ustav/> (дата обращения: 12.02.2017).
- ⁸ См.: Устав политической партии «Справедливая Россия». URL: http://www.spravedlivo.ru/5_52571.html (дата обращения: 01.04.2017).
- ⁹ См.: Программа ВПП «Единая Россия» // Министерство юстиции Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://minjust.ru/ru/press/news/programma-i-ustav-vserossiyskoj-politicheskoy-partii-edinaja-rossiya> (дата обращения: 12.03.2017).
- ¹⁰ См.: Программа Партии направлена на развитие гражданского общества во всех сферах жизни // «Единая Россия». Официальный сайт партии. URL: <https://er.ru/news/143613/> (дата обращения: 12.03.2017).
- ¹¹ См.: Предвыборная программа Партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва // «Единая Россия». Официальный сайт партии. URL: <http://er.ru/party/program/> (дата обращения: 14.03.2017).
- ¹² Программа партии // Коммунистическая партия Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 20.02.2017).
- ¹³ См.: Гражданский Совет при фракции КППФ в Государственной Думе. Народная инициатива. URL: <http://ni.kprf.ru/sovets/> (дата обращения: 27.03.2017).
- ¹⁴ См., например: Гражданское общество могут строить только левые организации. URL: <https://kprf.ru/personal/ponomarev/ipereports/28064.html> (дата обращения: 12.02.2017) ; Интервью с Председателем комитета Ивановской областной Думы по взаимодействию с институтами гражданского общества, заместителем руководителя фракции КППФ Н. Л. Ковалевой. URL: https://kprf.ru/gus_soc/80358.html (дата обращения: 12.02.2017) ; Что значит развивать гражданское общество в России. URL: http://www.kprfvoronezh.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1800:2012-09-10-04-59-26&catid=20:2010-01-15-08-39-14&Itemid=45 (дата обращения: 12.02.2017) ; Гражданское общество набирает силу. URL: <http://mkkprf.ru/12272-grazhdanskoe-obschestvo-nabiraet-silu.html> (дата обращения: 12.02.2017).
- ¹⁵ См.: Программа ЛДПР. URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения: 20.03.2017).
- ¹⁶ См., например: ЛДПР за гражданский контроль на дорогах. URL: https://ldpr.ru/ldpr_talks/liberal_democratic_party_in_action/liberal_democratic_party_of_civilian_control_on_the_road_240915/ (дата обращения: 12.03.2017) ; ЛДПР за гражданский контроль выборов в Кузбассе. URL: <https://vk.com/event31555075> (дата обращения: 20.03.2017) ; Гражданский контроль / ЛДПР ТВ : Полиция! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=y6L0o1f1Vj0> (дата обращения: 20.03.2017).
- ¹⁷ См.: «Справедливая Россия». Программа партии. М. : ИД «Ключ-С», 2011. С. 5.
- ¹⁸ См.: Зорько И. С. Политическая партия «Справедливая Россия» как субъект оппозиции и гражданского общества // Государственное и муниципальное управление. Учен. зап. СКАГС. 2013. № 4. С. 222–226.

Образец для цитирования:

Чистякова Е. В., Яковлев И. В. Гражданский контроль в программных документах и публичном дискурсе политических партий // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 341–344. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-341-344.

Cite this article as:

Chistyakova E. V., Yakovlev I. V. Civilian Control in Policy Documents and Public Discourse of Political Parties. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 341–344 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-341-344.



УДК 321.6/8

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ОСНОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Е. Г. Зорина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: z-surfer@mail.ru

Статья посвящена исследованию понятия «информационный суверенитет» и основных средств его обеспечения. В статье раскрываются причины, обострившие потребность государства в формировании информационного суверенитета, выявляются основные составляющие последнего. Анализируются и концептуализируются понятия политики «информационного щита» и политики «информационного меча», рассматриваются различия между ними, ресурсы, необходимые для их проведения.

Ключевые слова: информационный суверенитет, информационный щит, информационный меч, информационное противостояние, СМИ, постинформационное общество.

Informational Sovereignty of Contemporary State and the Main Instruments of its Ensuring

E. G. Zorina

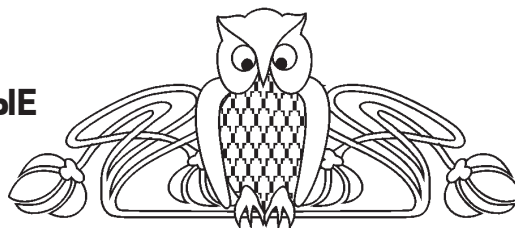
The article is devoted to the study of the concept of “information sovereignty” and the basic means of its implementation. The article reveals the reasons that have aggravated the demand of the state for the construction of information sovereignty. Moreover, the paper reveals the main components of it. Further in the item, the concepts of the “information shield” policy and the “information sword” policy are analyzed and conceptualized. The differences between them are detected, the resources necessary for their realization are analyzed.

Key words: informational sovereignty, informational shield, informational sword, informational confrontation, mass media, postinformational society.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-345-348

Начиная с 1991 г. как в публицистике, так и в научной литературе всё чаще поднимается проблема информационных войн, в особенности их идеологических и психологических составляющих¹. Актуализация методов таких войн, по нашему мнению, произошла в конце XX – начале XXI вв. по трём основным причинам.

Так, своеобразные информационные атаки применялись еще в Древнем мире², однако современную форму они приобрели в XX–XXI вв. под напавшим страхом перед последствиями применения ядерного оружия. Использование последнего даже одной стороной в прямой «горячей» войне может стать причиной уничтожения не только человеческой цивилизации, но и всего живого на планете. Так, страх перед «ядерным апокалипсисом» стал первой причиной трансформации «горячих» прямых военных столкновений между империями в



состоянии скрытого противостояния, в том числе информационного.

Вторая причина высокой популярности методов информационных противоборств кроется в основных чертах пост-информационного общества, таких как всеобщая электронизация и компьютеризация, распространение сети Интернет по всему миру, маргинализация научного знания, выход на первый план индустрии развлечений, религии и паранауки, появление новых ценных информационных ресурсов. Они буквально произвели революцию в области доступа к информации, кардинально изменили отношение к ней и создали благоприятные условия для применения технологичейшего информационного противоборства³.

Третья причина заключается в том, что информационные войны менее ресурсозатратны. При относительно малых вложениях в информационную кампанию агрессор может получить достаточно высокий результат. Для сравнения, военные расходы РФ в 2016 г. составили 63,7 млрд долл.⁴. Зарплаты так называемых «ботов», работающих в составе около шестидесяти человек и осуществляющих пропагандистскую пророссийскую деятельность в Интернете, по некоторым данным, не превышают 44 тыс. руб.⁵. Таким образом, сумма, необходимая для содержания команды «ботов», составляет примерно 32 млн руб., что несопоставимо с вышеуказанной суммой военных расходов.

Эти три аспекта являются стимулами для широкого распространения и постоянного совершенствования технологий информационной агрессии, в результате чего у государства обостряется потребность в обеспечении своей информационной безопасности. В современных условиях обеспечить эту безопасность способно лишь то государство, которое обладает информационным суверенитетом или, по крайней мере, теми или иными его признаками.

Одним из первых исследователей понятия «информационный суверенитет» стал руководитель управления Федеральной службы по техническому и экспортному контролю М. М. Кучерявый. Он выводит достаточно широкое определение: «...информационный суверенитет – это верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве»⁶. Согласно данному определению, «информационный суверенитет» включает в себя любые компоненты, связанные с информационной сферой государства. На наш



взгляд, такое определение достаточно точно описывает природу этого понятия.

Другой исследователь проблемы «информационного суверенитета», российский предприниматель в сфере информационных технологий И. С. Ашманов, определил «информационный суверенитет» как устойчивость государства к информационной войне в любых её проявлениях. Другими словами, он приводит достаточно узкое определение «информационного суверенитета» и сводит его характеристики лишь к инструментам ведения информационного противоборства. Также, по его мнению, «информационный суверенитет» наравне с «электронным» (техническим) является составляющей «цифрового суверенитета»⁷. Фактически, И. С. Ашманов понимает под «цифровым суверенитетом» то же самое, что мы понимаем под «информационным суверенитетом».

Таким образом, понятие «информационный суверенитет» характеризуется как минимум двумя аспектами: техническим и идеологическим. Технический аспект включает в себя наличие национального программного обеспечения, собственных социальных сетей, поисковиков, национальную электронную платёжную систему и т. д. Идеологический аспект включает в себя такие компоненты, как наличие официальной идеологии или национальной идеи, высокого уровня популярной массовой культуры, развитой системы пропаганды, а также усовершенствованного законодательства в области информации и т. д.

Изучив сущность понятия «информационный суверенитет», перейдём к рассмотрению основных методов его обеспечения. Для этого государство в своей информационной политике должно грамотно сочетать методы «информационного щита» и «информационного меча». Понятия эти на данный момент также плохо изучены и почти не концептуализированы.

И. С. Ашманов понимает под «информационным щитом» совокупность технических, коммуникативных, идейных и культурных средств, используемых для перехвата и нейтрализации невыгодной государству информации, противодействия попыткам хищения стратегически важной информации и личной информации каждого гражданина, охраны национальных платёжных систем и т. д. Соответственно, под «информационным мечом» – совокупность методов и конкретных действий, направленных на подрыв информационного суверенитета противника⁸. Таким образом, под «информационным щитом» понимаются пассивные элементы системы и реактивные защитные меры, а под «информационным мечом» – атакующие, активные, превентивные или трансформационные инструменты.

Можно сказать, что фундаментом государственного информационного суверенитета является крепкий «информационный щит» государства. Также без него затруднительна или даже невозможна реализация политики «информационного

меча». Как мы уже выяснили, к основным инструментам реализации политики «информационного щита» относятся пассивные элементы системы, либо реактивные меры. Рассмотрим основные из них.

Первый элемент – это высокий уровень компьютеризации государства и его обеспеченности коммуникационными системами. В случае если государство обладает низким уровнем информационной обеспеченности и информационно-коммуникационного оборота, то информация обладает в нём далеко не первой значимостью, а информационному суверенитету не на чем основываться.

Второй элемент – собственные программное обеспечение, национальные антивирусы и системы защиты данных. Так, информационный суверенитет крайне слаб, если государство не в состоянии защитить свои данные и данные своих граждан от киберпреступников. Если же оно зависит в техническом плане от внешних игроков, то и его информационный суверенитет находится в зависимости от внешнего производителя, что ставит его под угрозу.

Третий элемент – сильный положительный внутренний и внешний имидж государства⁹. Это один из важнейших компонентов информационного суверенитета государства: от него зависит как уважение к государству со стороны иностранных акторов, так и собственных граждан. Имиджевый ресурс легко конвертируется в материальные виды ресурсов, положительный имидж способен приносить государству экономические, политические и прочие преимущества¹⁰. Так, государство с сильным положительным имиджем привлекательно для квалифицированных мигрантов, внутренних и внешних инвесторов, туристов и т. д.

Четвёртым элементом выступает чёткая национальная идея или идеология. Так, существование группы людей невозможно без объединяющей их идеи. Причем чем больше группа, тем идея становится абстрактнее, но тем она необходимее. Особенно когда речь идёт о такой большой группе, как нация. Для её существования необходима сильная национальная идеология по нескольким причинам. Так, по мнению, В. Н. Шилова, идеология или национальная идея выполняет важнейшие функции постановки целей существования государства (целеполагания), интеграции общества и мобилизации населения¹¹. Более того, в случае её отсутствия идейное поле заполняют иностранные, иногда разрушительные для нации идеи: информационный суверенитет пошатывается и разрушается.

Пятый элемент – наличие собственной интернет-инфраструктуры: поисковиков, социальных сетей. Наличие развитой интернет-инфраструктуры даёт возможность государству в той или иной степени контролировать сетевое пространство, национальные интернет-компании получают возможность конкурировать с иностранными ком-



паниями. Также интернет-инфраструктура может стать частью положительного имиджа государства, как внутреннего, так и внешнего.

Шестая составляющая «информационного щита» – это совершенная правовая база в информационном поле, являющаяся основой для обеспечения информационного суверенитета¹². В информационном поле, недостаточно регулируемом законодательством, велика возможность зарождения информационной энтропии, информационных преступлений как против государства, так и против личности (кража данных, выкладывание в Сеть компрометирующей и провокационной информации, сетевой stalking и т. д.). При этом у государства будет отсутствовать возможность пресекать такие преступления и наказывать информационных преступников.

Последней, седьмой составляющей «информационного щита» является такой технический фактор, как наличие собственной платёжной системы, существование которой гарантирует независимость государства, делает нечувствительным к политическому давлению извне. Так, прекращение работы платёжных систем Visa Mastercard в Крыму после его присоединения к России привело к образованию множества финансовых трудностей на полуострове¹³. В случае наличия у России собственной платёжной системы, работающей по всему миру, их количество можно было сократить или даже вообще избежать.

Подробно изучив структуру «информационного щита» как комплекса мер по обеспечению информационного суверенитета, перейдём к исследованию феномена политики «информационного меча». Так, государственная политика «информационного меча» может осуществляться в тех же информационных сферах, что и политика «информационного щита», но при помощи атакующих, активных, превентивных или трансформационных мер. Рассмотрим наиболее важные из них.

Первый момент – это развитая система пропаганды, в том числе и развитая система СМИ, которая должна включать в себя каналы внешней коммуникации – государственные каналы, осуществляющие вещание за рубежом (CNN, Russia Today). Их цель состоит в донесении необходимой государству информации до внутренней и иностранной аудитории: ознакомление с официальной позицией страны по тому или иному вопросу, собственной интерпретации событий и т. д. Необходимо отметить, что именно СМИ задают повестку дня как в традиционных моделях коммуникации, так и в новых интернет-коммуникациях. СМИ сообщают о событиях, происходящих в мире, частично дают им оценку, в то время как другая часть событий замалчивается. Так, например, официальные новостные ресурсы отказались от трансляции новостей об антикоррупционных митингах в Москве, проведённых 26 марта 2017 г. Информация о них также не попала в топ «Яндекса», в то время как новостные ленты социальных сетей были перепол-

нены информацией об этом¹⁴. Таким образом, можно утверждать, что всё наше представление о мире политического построено СМИ. Именно поэтому без собственной вещательной интерпретационной машины невозможно проводить внутреннюю и внешнюю пропагандистскую политику. Более того, именно СМИ своим быстрым прогрессом в последние два столетия вывели информационную составляющую политического и правового суверенитета на первый план, в то время как информационные технологии технически обеспечили ее сегодняшнее устойчивое состояние¹⁵.

Вторым атакующим методом являются производство и популяризация национальных культурных продуктов. Речь идет о фильмах, музыке, национальных брендах, при помощи которых возможно проведение сразу нескольких государственных информационных политик: по формированию общего положительного впечатления о стране в сознании иностранцев; по популяризации национальных ценностей и идей среди внутренней и иностранной аудиторий и даже по подрыву легитимности государственной власти в тех или иных странах, например, при помощи распространения роликов, документальных и псевдодокументальных фильмов о высших должностных лицах государства.

Третье – это распространение необходимых государству идей в интернет-пространстве (социальных сетях, видеохостингах, «Википедии»). Например, выкладывание видеороликов, содержащих просветительскую или пропагандистскую информацию, выгодную государству, нейтрализация ангажированной негативной информации в «Википедии», перевод статей о национальных ценностях на иностранные языки. «Википедия» обладает мощнейшим потенциалом для воздействия на массовое сознание¹⁶, поэтому с её помощью возможны трансляция национальных ценностей и идей, интерпретации событий, элементы имиджа государства в массовое сознание.

Четвертый метод – продвижение сильного положительного имиджа государства, в том числе через интернет-пространство и массовую культуру. Занимаясь продвижением имиджа своей страны, возможно сконструировать общее положительное впечатление о ней на мировой арене, привлечь экономических партнёров и геополитических союзников, квалифицированные кадры, инвестиции. Одновременно в рамках проведения политики «информационного меча» возможно негативизировать имиджи государств-противников, подрывать их международный авторитет и привлекательность в глазах тех же инвесторов и торговых партнёров.

Пятый – институционализация информационной сферы, т. е. создание в государстве соответствующих институтов с чётко обозначенными иерархией обязанностями: министерств, ведомств, кибервойск и т. д. Они являются своеобразными рычагами проведения государственной информационной политики, устраняют институциональ-



ный хаос, неясности в разграничении полномочий в информационной сфере и т. д. Опять-таки отсутствие в государстве «информационных» министерств, ведомств и служб характеризует низкую информационную культуру государства. В таких условиях само существование информационного суверенитета находится под сомнением.

Шестой компонент: совершенная правовая база в информационном поле, которая может выполнять не только защитные функции, как было указано выше, но и быть ресурсом активных действий государства, позволяет своевременно и адекватно реагировать на внутренние попытки нарушения информационного суверенитета. Речь идет о применении правовых санкций против хакеров, зачинщиков «цветных» революций, сетевых сталкеров, ограничении распространения невыгодного государству контента и т. д.

В качестве седьмого метода «информационного меча» можно назвать осуществление прямого давления на зависимых от информационных продуктов игроков. Например, при помощи отключения государства или региона от электронной платёжной системы, ограничения работы той или иной социальной сети на его территории, прекращения поставок информационной техники и т. д. Необходимо отметить, что этот инструмент можно лишь косвенно отнести к политике «информационного меча».

Итак, в современных условиях у государства возникла острая потребность в формировании и обеспечении собственного информационного суверенитета, под которым понимается полная самостоятельность государства при проведении внутренней или внешней государственной информационной политики. Информационный суверенитет основывается как на технических моментах (программное обеспечение, интернет-инфраструктура), так и на идеологических (система пропаганды, национальная идея, массовое искусство). Для его обеспечения государству необходимо грамотно сочетать в своей информационной политике инструменты «информационного щита» и «информационного меча».

Примечания

- 1 См.: Крынина О. Ю. Дефиниции понятия «информационная война»: анализ российского и зарубежного опыта // Новые технологии. 2009. № 3. С. 68–70.
- 2 См.: Остроухов В. В. Информационная безопасность. URL: <https://uchebnikonline.coam/politologia/>

Образец для цитирования:

Зорина Е. Г. Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 345–348. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-345-348.

Cite this article as:

Zorina E. G. Informational Sovereignty of Contemporary State and the Main Instruments of its Ensuring. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 345–348 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-345-348.

informatiynaya_bezpeka_-_ostrouhov_vv/istoriya_informatiyno-psihologichnogo_protiborstva.htm (дата обращения: 16.04.2017).

- 3 См.: Зорина Е. Г. Концептуализация понятия «постинформационного общества» и влияние его характеристик на политическую сферу // Информационные войны. 2017. № 2 (39). С. 34–37.
- 4 См.: Рейтинг стран по военным расходам за 2016 год. Инфографика // Аргументы и факты. URL: http://www.aif.ru/dontknows/infographics/rejting_stran_po_voennym_rashodam_za_2016_god_infografika (дата обращения: 16.06.2017).
- 5 См.: Из жизни кремлеботов. Разоблачения и списки // Grimmir74. Lifejournal. URL: <http://grimmir74.livejournal.com/4462399.html> (дата обращения: 16.04.2017).
- 6 Кучерявый М. М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2014. Вып. 9 (69). С. 12.
- 7 См.: Ашманов И. С. Информационный суверенитет. URL: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/ashmanov.pdf> (дата обращения: 16.04.2017).
- 8 Там же.
- 9 См.: Пупкова А. Международный имидж страны: теоретические аспекты. URL: <http://lawinrussia.ru/content/mezhdunarodnyu-imidzh-strany-teoreticheskie-aspekty> (дата обращения: 22.04.2017).
- 10 См.: Гавра Д. П., Савицкая А. С., Шишкин Д. П. Внешний имидж государства в медиапространстве // Вестн. СПбГУ. 2011. Вып. 3. С. 187.
- 11 См.: Шилов В. Н. Идеология для современной России: необходимость и предпосылки // Научные ведомости. 2015. Вып. 34. С. 183–189.
- 12 См.: Слесарчук О. М. Современное состояние информационной сферы России // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 93. С. 145.
- 13 См.: Игра в карты. Как Крым живет без международных платежных систем // Аргументы и факты. URL: <http://www.krym.aif.ru/money/details/1431249> (дата обращения: 16.04.2017).
- 14 См.: Кремль ответил на вопрос об отказе телеканалов освещать акции протеста // РБК. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/58d8ef529a7947cb693fed03> (дата обращения: 16.04.2017).
- 15 См.: Россюанский А. В. Информационная составляющая политического суверенитета // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 91.
- 16 См.: Зорина Е. Г. Искажение значений и смыслов политико-исторических событий в разноязычных версиях статей «Википедии» // Власть. 2017. Т. 25, № 3. С. 211–214.

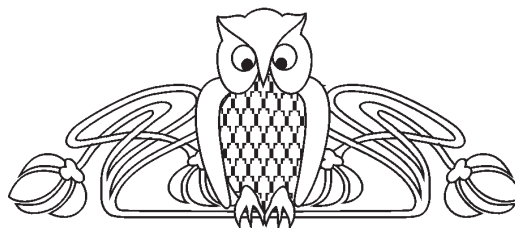


УДК 070(4/5)

ТИПЫ ИМИДЖА РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН-ПАРЛАМЕНТАРИЕВ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

О. В. Токарева

Казанский национальный исследовательский технологический университет
E-mail: olgato@mail.ru



Исследованы типы имиджей российских женщин-парламентариев в условиях кризиса 2013–2017 гг. Дано авторское определение понятия «имидж женщин-парламентариев». Замечено, что в исторических условиях, связанных с кризисом на Украине, через каналы СМИ запоминаются имиджи женщин-парламентариев, которые отстаивают государственную позицию Российской Федерации по вопросам национальных интересов. Определены два «кризисных» типа имиджа женщин-парламентариев: «государственник» и «борец за порядок».

Ключевые слова: имидж, женщина-парламентарий, кризис.

Types of Image of Russian Women-Parliamentarians under Conditions of Crisis

O. V. Tokareva

The types of images of Russian women parliamentarians in the context of the crisis of 2013–2017 are investigated. The author's definition of the image of women parliamentarians is given. It is noticed that in historical conditions connected with the crisis in Ukraine, through the media channels, the images of women parliamentarians who defend the state position of the Russian Federation on issues of national interests are remembered. Two "crisis" types of image of women parliamentarians are defined: "statist" and "fighter for the orderliness".

Key words: image, female parliamentarian, crisis.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-349-353

Время обострения кризиса 2013–2017 гг., начиная с событий «Евромайдана» и февральского переворота 2014 г. на Украине, а вслед за тем возврата Крыма в Россию, становится началом новой турбулентности мировой расстановки геополитических сил, в котором Россия отстаивает свои государственные интересы наравне с основными мировыми игроками. В информационных войнах в борьбе за сознание электоральных групп все больше используются конструкции имиджевых технологий, когда СМИ все сильнее играют ведущую роль в формировании политических имиджей.

Интерес к политическому имиджу женщин возрос, потому что политические процессы последних лет как внутри России, так и за ее пределами обращают внимание общественности на активное участие в этих процессах женщин. Евразийский женский форум в Санкт-Петербурге осенью 2015 г., где обсуждалась роль женщин в экономике, политике, социальной сфере, показал волю и консолидацию женщин в решении са-

мых наиболее мировых проблем. Речь шла и об усилении роли женщин в политических процессах. В медийном пространстве современной России формируются и становятся все более заметными имиджи российских женщин-парламентариев, которые отстаивают государственную позицию Российской Федерации по вопросам национальных интересов. Их выступления касаются урегулирования украинского кризиса, предотвращения террористических атак, а также защиты духовных и моральных ценностей граждан России. У современных российских женщин появилась стратегия, инициатором которой стала известная женщина-парламентарий председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко. Итогом реализации стратегии должна стать сформированная система мер, когда предполагается увеличение доли женщин в законодательной власти России до 30%¹. Интерес к имиджу женщин-парламентариев обусловлен их значимой ролью в процессах законотворчества для развития демократии и всеобщего блага российского общества в целом.

На наш взгляд, *политический имидж женщины-парламентария – это образ, представление о ней, который сконструирован в сознании трех основных аудиторий: членов парламента, электоральной аудитории, а также журналистов, посредством кого транслируется имиджформирующая информация, окрашенная гендерными характеристиками, отличными от характеристик политиков мужчин: визуальными, вербальными, кинетическими. Женщины-парламентарии имеют особый менталитет, необходимый для парламентской деятельности; обладают организаторскими и ораторскими способностями, артистизмом; умеют выступать публично, владеют мастерством парламентской риторики, выдерживают большие нагрузки на голос. Это аналитики и прогнозисты, генераторы идей с быстрой реакцией, высокой адаптивностью, эмоционально-рациональным поведением. Женщина-парламентарий – это профессиональный коммуникатор, умеющий общаться со своими избирателями, с коллегами по законотворчеству, с журналистами, профессионально ведут себя на радио и ТВ.*

Любой политический имидж конструируется на основе структуры, которая включает в



себя составляющие внешнего облика, публичной риторики, кинетики, среды окружения, а также репутации, которая опирается на деятельность объекта имиджа. По мнению специалистов в области политической имиджологии, политический имидж высокого ранга определяется тремя группами основных факторов: личностью политика; тем, как его представляют СМИ; историческими событиями, на фоне которых имидж формируется².

Типы политического имиджа женщин-парламентариев, о которых пойдет речь, сформированы на фоне исторических событий, связанных с обострением украинского кризиса, отделением Крыма от Украины, событиями на Донбассе, угрозой терроризма и участием России в урегулировании гражданского конфликта в Сирии. Телевизионные передачи федеральных каналов («Специальный корреспондент», «Вечер с Владимиром Соловьевым» ГТРК «Россия 1», «Право голоса» ТВЦ) транслируют имиджи женщин-парламентариев, законодательная инициатива и публичная риторика которых продиктованы проблемами, связанными с кризисом последних лет. По этой причине типы этих женщин-парламентариев мы предлагаем относить к категории «кризисных».

В мировой истории известны «кризисные» сценарии вхождения женщин во власть: когда трудности в стране или правящей партии нарастают, встает проблема смены лидера, в этом случае принимается нестандартное решение – избрать на этот пост женщину. Так, в Израиле в 1969 г. премьер-министром стала Голда Меир; в Японии в 1987 г. Токано Дон была продвинута в парламент от партии социалистов; в Польше в 1992 г. премьер-министром стала Ханна Сухоцка; в Турции в 1993 г. Таннсу Чиллер; в Либерии в 2006 г. в сложных экономических условиях стала президентом экономист по образованию Элен Джонсон-Серлиф. В Великобритании сложная ситуация партии тори нормализовалась с избранием на пост премьер-министра лидера партии консерваторов Маргарет Тетчер в 1979 г. В современной Британии в нестандартной ситуации выхода страны из ЕС на пост премьер-министра опять пришла женщина – Тереза Мэй.

В информационном пространстве современной России периода кризиса 2013–2017 гг. выделяются и становятся узнаваемы женщины-парламентарии, занимающие видные политические позиции, имидж которых окрашивается определенными характеристиками, направленными на укрепление институтов государства. Мы выделяем два «кризисных» типа имиджа женщин-парламентариев: «государственник» и «борец за порядок».

Тип «государственник» принадлежит женщинам-политикам, которые с учетом своего индивидуального стиля и убеждений в условиях кризиса выступают за позиции сильного, спра-

ведливого государства, способного противостоять внешним угрозам и навести порядок внутри страны (В. Матвиенко, И. Хакамада).

Другой тип – «борец за порядок» – появился в российском парламенте в последнее десятилетие, прежде всего, относится к женщинам-парламентариям, которые в ходе законодательства выдвигают законы, регламентирующие моральные права и обязанности граждан России и, как правило, укрепляют контролирующие функции государства, но вызывают неоднозначную реакцию со стороны определенной группы общественности, в частности либеральной (И. Яровая, Е. Мизулина).

Председатель Совета Федерального собрания Российской Федерации В. Матвиенко в политике постсоветской России наиболее успешна, во власти, как исполнительная, так и законодательная, находится достаточно продолжительное время. После февральских событий 2014 г. на Украине в медийном пространстве становятся заметными не одно ее выступление, направленное на защиту позиций Российского государства, способного противостоять внешним угрозам и навести порядок внутри страны. РИА «Новости» 3 апреля 2015 г. публикует заявление политика, в котором она говорит, что такие решения, как продление американских санкций в отношении России, подтверждают, что «кризис на Украине – это лишь повод, чтобы иметь рычаг давления на Россию, экономически ее ослабить, оторвать от нее Украину и вовлечь ее в сферу своего влияния». В. Матвиенко критикует позицию США в отношении Украины: «Вашингтон не заинтересован в стабильности на Украине. Как только начиналось перемирие, из Вашингтона сразу слышались заявления, не способствующие примирению». Политик выразила надежду в том, что «другого пути нет, кроме как последовательно выполнять минскую дорожную карту»³.

В сентябре 2015 г. Председатель Совета Федерального собрания Российской Федерации выступает на Евразийском женском форуме в Санкт-Петербурге, который собрал более 700 участниц делегаций из 85 стран мира, и говорит о необходимости консолидации, усилении роли женщин в общественной жизни, экономике, политике. Внутри России в условиях кризиса В. Матвиенко стремится укрепить слабое звено в российской политической реальности – положение женщин. На государственном уровне она последовательно продвигает «систему поддерживающих действий» со стороны государства, направленную на поддержку прав российских женщин во многих сферах общественной жизни России. В начале марта 2017 г. по инициативе В. Матвиенко принята «Национальная стратегия действий в интересах женщин», рассчитанная на 2017–2022 гг. Стратегия основана на Конвенции Генассамблеи ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Итогом



реализации Стратегии должна стать сформированная к 2022 г. система мер, направленных на обеспечение равных прав и равных возможностей женщин во всех сферах жизни, повышение их экономической независимости, политической активности и самореализации личности⁴.

Исследователь О. В. Попова относит В. Матвиенко к типу имиджа «деятель советского образца – умеренно строгий чиновник, четкий функционер, умеющий играть по заданным правилам»⁵. Мы полагаем, что тип имиджа, к которому относит автор типологии эту женщину-парламентария, недостаточно емкий. Не вызывает сомнения, что В. Матвиенко – «строгий чиновник и четкий функционер, умеющий играть по заданным правилам». Однако есть признаки, которые не входят в рамки этого типа имиджа, и он становится тесен, невыразителен для нее. Внешний облик политика – со специфическим «державным шиком»: деловые костюмы ярких цветов, шелковые платки с русским узором, разнообразные шубы. В Санкт-Петербурге, где политик работала губернатором, граждане ее называют «женщиной-праздником». По опросам «ВЦИОМ-Спутник» от 2–3 марта 2017 г., россияне назвали В. Матвиенко одной из самых умных женщин России⁶. Она человек власти, в ней сочетаются яркая внешность, ум, организаторские способности, дальновидность, направленные на развитие и укрепление государственных институтов. Имидж этой женщины-парламентария в большей степени относится к предложенному нами типу «государственник», который вмещает большое количество признаков, описанных выше.

Опросы «ВЦИОМ-Спутник» от 2–3 марта 2017 г. показали также, что одной из умных российских женщин-политиков россияне называют сторонницу демократических ценностей депутата Государственной думы I созыва, члена Совета при Президенте России по вопросам развития гражданского общества И. Хакамаду⁷. В типологии О. В. Поповой, И. Хакамада отнесена к типу имиджа «деловая женщина»⁸, что не вызывает сомнения, однако риторика и поведение политика, которые транслируют в последние годы СМИ, дают нам повод относить ее сразу к нескольким типам женского политического имиджа. В том числе и к «кризисному» типу «государственник», который мы предлагаем рассмотреть.

В программе «Поединок» ГТРК «Россия 1» В. Соловьева в прямом эфире 3 декабря 2013 г. она появляется в тельняшке, тем самым подчеркивая некий ореол стиля революции; с раскованной кинетикой, экспрессивной революционной риторикой политик призывает: «Кто выбирает свободу, голосуйте за меня!». Впечатление от этого выступления создают ассоциации с образом революционного «комиссара», по классификации Е. Шерман⁹. В этот период И. Хакамада

выступает с поддержкой «Евромайдана», будучи адвокатом украинского народного протеста. Далее в интервью «Обозреватель» 30 декабря 2013 г. она призывает Майдан распустить и готовиться к выборам; обращается к украинским элитам с призывом «лоббировать изменения в Конституции через парламент», выдвинуть своего кандидата, а также «убрать антирусскую карту»¹⁰. И. Хакамада поддерживает демократическое устремление Украины в Европу и в то же время призывает соблюдать интересы России. Верная своим демократическим идеалам и патриотическому настрою российского общества, И. Хакамада поддержала выбор народа Крыма. Однако в вопросе признания его частью России отличилась независимой позицией. В интервью «Новой газете» 31 июля 2016 г. вновь предложила заплатить контрибуцию Украине за присоединение полуострова; провести еще один референдум под эгидой ОБСЕ, полагая, что такой шаг поможет удостовериться в том, что крымское население невозможно уговорить вернуться обратно¹¹. Противоречива и независима позиция И. Хакамады относительно ситуации на Донбассе. В эфире радиостанции «Эхо Москвы» 25 апреля 2014 г. она высказывалась о том, что гражданская война на Украине нужна российской политической элите и непосредственно президенту Путину для «поддержания рейтинга»¹². Затем во время телемоста между российским «Дождем» и киевским телеканалом «112 Украина» 27 мая 2014 г. в качестве эксперта заявила: «Сегодня не в интересах России дальнейшее раскручивание конфликта и гражданской войны в Украине, и прежде всего в Донецкой и Луганской областях. Это уже России совершенно не выгодно...»¹³

Более поздняя риторика И. Хакамады отличается достаточной гибкостью и европейской толерантностью. 12 апреля 2015 г. в интервью с редактором сайта РСМД Марией Смекаловой политик предложила свой сценарий урегулирования украинского кризиса: «Донецкая и Луганская области должны стать автономными республиками в составе Украины. <...> Русскоязычное население должно чувствовать себя в безопасности, иметь возможность говорить на своем языке, смотреть украинские и российские каналы. Если нормандские соглашения будут реализованы до конца, то политической воли хватит на то, чтобы положить конец происходящему»¹⁴. Таким образом, И. Хакамада призывает к выполнению минских соглашений. С начала украинского кризиса риторика Хакамады противоречива, что отражается на состоянии ее имиджа. Как показывает мониторинг СМИ, ее позиция по вопросам украинского кризиса меняется от призыва к «свободе» во время «Евромайдана», до призыва к примирению воюющих сторон украинского общества на Донбассе. Габитарный имидж меняется от революционной тельняшки



до привычного делового костюма, высказывания – от радикального либерализма до умеренного консерватизма, однако неизменными остаются независимая позиция и верность истинным демократическим ценностям, а также интересам Российского государства, с ее точки зрения. Противоречия и сложность имиджа И. Хакамады повлияли на результат ее предвыборного марафона кандидата в депутаты Государственной думы РФ VII созыва от «Партии Роста». Несмотря на известность и узнаваемость имиджа, выборы ею проиграны.

Более успешной в предвыборном марафоне оказалась женщина-парламентарий, вновь вошедшая в Государственную думу РФ VII созыва от партии «Единая Россия», председатель комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции И. Яровая. На фоне украинского кризиса и борьбы с терроризмом депутат становится узнаваем благодаря появлению на федеральных каналах СМИ. Всегда сдержанная кинетика, опрятный внешний облик И. Яровой (шелковые блузы нежных оттенков с крахмаленными воротничками, строгие голубые костюмы) вызывают, как правило, положительные отзывы, но запоминается депутат благодаря законодательной инициативе, направленной на защиту консервативных ценностей, а также наведение порядка внутри России, и вербальным составляющим ее имиджа. В силу этих особенностей И. Яровой свойственна характеристика типа имиджа «борец за порядок».

2 декабря 2015 г. на передаче «Вечер с Владимиром Соловьевым» на ГТРК «Россия 1» депутат использовала патриотическую риторику, направленную на защиту государственных интересов. И. Яровая представила свою позицию относительно основных причин кризиса в России: «Кризис – это то, когда “довели страну”, – говорит она. – Но ведь сегодня этого нет. А есть неправомерные действия западных стран, направленные на то, чтобы понудить нашу страну сделать выгодные Западу шаги. Это попытка ограничить развитие России и подорвать ее суверенитет. А Россия сегодня – главный субъект международного права, который честно говорит о преступлениях на Украине. Оказывает гуманитарную помощь тем украинским гражданам, которые защищают свои фундаментальные права. Для несистемной оппозиции права человека давно стали спекулятивным лозунгом, реальную же защиту прав русскоговорящего населения Украины сегодня помогает отстаивать Россия»¹⁵.

РИА «Новости» от 9 июля 2015 г. публикует мнение Яровой по вопросам международной безопасности. Она называет США «беспилотником, который управляется издалека и угрожает всем, ничем не рискуя, но жертвы их обмана и прямой агрессии всегда реальны». По мнению депутата, «в системе глобальной безопасности для наших европейских партнеров очень важно

не стать жертвами манипуляций заокеанских “дронов”, для которых благополучие Европы, к сожалению, не имеет даже виртуальной ценности»¹⁶. Стал широко известен антитеррористический пакет И. Яровой, который она готовила совместно с сенатором В. Озеровым. Инициатива законодателей была продиктована условиями угрозы терроризма и стала своевременной реакцией законодателей на присутствующую реальную опасность. Однако данная инициатива была воспринята различными аудиториями общества неоднозначно, новый закон не возмутил сенаторов, но вызвал массу нареканий общественности, следовательно, нуждался в поправках.

Вызывает нарекания определенной группы общественности законодательная деятельность депутата Государственной думы РФ со II по VI созыв от партии «Справедливая Россия», сенатора верхней палаты парламента России Е. Мизулиной, которую автор предлагает относить к «кризисному» типу имиджа «борец за порядок». Проведенный нами контент-анализ СМИ показывает, что эта женщина-парламентарий обладает достаточной степенью узнаваемости, известности. Однако данный пример говорит о том, что степень узнаваемости политического имиджа женщины-парламентария не всегда свидетельствует о его успешности и универсальности.

Как правило, СМИ не фиксируют своего внимания на внешнем облике депутата Е. Мизулиной. Интерес представляет ее законодательная инициатива. Будучи председателем комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей, политик стала известна как «борец за порядок», как автор и соавтор резонансных инициатив и законопроектов, вызвавших неоднозначную общественную реакцию, сопровождающихся скандалами. Среди них – борьба с гей-пропагандой, матом в Сети, разводами и иностранными усыновителями российских сирот. Например, Е. Мизулина предложила внести в преамбулу Конституции утверждение о том, что православие является основой национальной и культурной самобытности России, что вызвало негативное отношение в комментариях блогосферы, поскольку Россия является страной многих конфессий. Депутат Е. Мизулина предложила запретить высшее образование для нерожавших девушек, а также запретить суррогатное материнство, что ограничивает права и свободы граждан РФ.

По мнению либеральной общественности, различные законы, инициированные Е. Мизулиной, законодательно оформляют вещи, которые должны являться вопросом личного выбора. Политолог М. Урнова считает, что «законы, инициированные Е. Мизулиной, разнообразны. Но они имеют одну очень специфическую черту – они сеют нетерпимость. Они просто вы-



ражают в юридической форме ту установку на нетерпимость и подавление всего, что не соответствует твоим личным представлениям о том, что есть правильно, а что неправильно»¹⁷. По мнению писателя Дмитрия Быкова, Е. Мизулина постоянно предлагает «законодательно оформить вещи, которые должны являться вопросом личного выбора, и это гораздо опасней, чем любой гей-парад»¹⁸. Журналист Мария Гессен считает инициативы Мизулиной «вмешательством в чужую личную жизнь»¹⁹. Законодательные инициативы и высказывания Елены Мизулиной вызвали распространение в Интернете многочисленных карикатур на депутата, «демотиваторов», пародий, тем самым женщина-парламентарий запомнилась как персонаж нарицательный. Имидж ее нельзя назвать успешным в глазах либеральной общественности, несмотря на то что узнаваемость повысилась. Тем не менее, в глазах элит имидж депутата Е. Мизулиной достаточно успешный. Она продвигается в коридорах власти последовательно вверх. С 23 сентября 2015 г. Е. Мизулина – член Совета Федерации, представитель от исполнительной власти Омской области.

Всех описанных в статье российских женщин-парламентариев, разных по своим позициям в российской политике, политическим взглядам, различных по типам «кризисного» имиджа, объединяют высокий профессионализм, патриотическая риторика в отстаивании государственных интересов по острым вопросам сложных исторических условий современной России. Кризис способствовал активизации их деятельности, направленной, с их точки зрения, на развитие и гармонизацию общественного пространства РФ, сохранение национальных ценностей внутри страны, урегулирование международных конфликтов, защиту государства и его граждан

от неблагоприятного воздействия внешних и внутренних сил, стремящихся к его разрушению.

Примечания

- 1 См.: Проект Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 2 См.: *Богданов Е. Н., Зазыкин В. Г.* Психологические основы «ПАБЛИК РИЛЕЙШЕНЗ». СПб. : Питер, 2003. С. 67.
- 3 РИА «Новости». 2015. 3 апр.
- 4 См.: Проект Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.
- 5 См.: Политическая имиджология / под общ. науч. ред. Л. Г. Лаптева и Е. А. Петрова. М. : РИЦ АИМ, 2006. С. 249.
- 6 См.: Всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» от 2–3 марта 2017 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116100> (дата обращения: 18.04.2017).
- 7 Там же.
- 8 См.: Политическая имиджология. С. 249.
- 9 См.: *Шерман Е.* Политика женского рода // Русский журнал. 1997. URL: <http://www.russ.ru> (дата обращения: 18.04.2017).
- 10 Обозреватель. 2013. 30 дек.
- 11 Нов. газ. 2016. 31 июля.
- 12 Эхо Москвы. 2014. 25 апр.
- 13 112 Украина. 2014. 27 мая.
- 14 URL: <https://aftershock.news/?q=node/301380&full> (дата обращения: 18.04.2017).
- 15 Вечер с Владимиром Соловьевым // ГТРК «Россия 1». 2015. 2 дек.
- 16 РИА «Новости». 2015. 9 июля.
- 17 Свобода. 2013. 2 авг.
- 18 Собеседник. 2013. 1 авг.
- 19 Colta.ru. 2013. 20 нояб.

Образец для цитирования:

Токарева О. В. Типы имиджа российских женщин-парламентариев в условиях кризиса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 349–353. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-349-353.

Cite this article as:

Tokarev O. V. Types of Image of Russian Women-Parliamentarians under Conditions of Crisis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 349–353 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-349-353.



УДК 321.02

ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ

А. О. Селиванова

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград
E-mail: anselivanova2015@mail.ru

В статье рассматривается авторская типология форм политического участия и гражданской активности М. Барретта и Б. Зани, основанная на анализе предыдущих теоретических концепций политического участия. Объясняются различия между традиционными формами политического участия и менее прямыми «новыми» или «латентными» формами политического участия.

Ключевые слова: политическое участие, гражданская активность, социальная активность, формы политического участия молодежи.

Forms of Political Participation: the Problem of Typology

A. O. Selivanova

This article offers a new typology of forms of political participation and civic engagement by Martyn Barrett and Bruna Zani based on the analysis of previous theoretical concepts of political participation. In particular, it makes a distinction between traditional forms of political participation and less direct new or latent forms of political participation.

Key words: political participation, civic engagement, social involvement, forms of political participation among the youth.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-354-357

На современном этапе развития российского общества, в условиях напряженной внешне-политической ситуации, ухудшения социально-экономического положения, затянувшихся трансформационных и модернизационных процессов, особенно остро проявляются проблемы молодого поколения в сфере политического участия. Уровень социально-политической активности молодежи сейчас оставляет желать лучшего по сравнению с развитыми демократическими государствами:

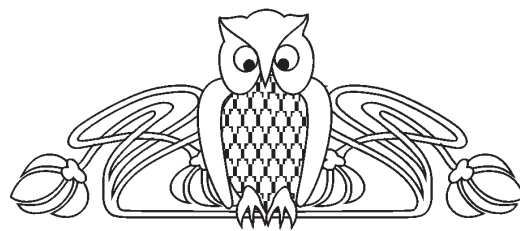
- наблюдается снижение доверия к эффективности работы основных демократических институтов России;

- растет уровень абсентеизма и правового нигилизма среди молодежи;

- повышается вероятность массового возникновения нелегитимных форм политического участия;

- увеличивается риск расширения экстремизма в молодежной среде.

Наряду с этим мы наблюдаем растущий научный и общественный интерес к политическому участию молодежи. Такой интерес вызван вполне оправданным беспокойством по поводу низкой явки избирателей, снижения уровня



гражданской активности, низким уровнем доверия к институтам представительной демократии и других признаков скептицизма, апатии, цинизма, общей усталости и отсутствия доверия к политикам и политическим институтам.

В постиндустриальных обществах молодые люди становятся все более отстраненными от традиционных форм политического и гражданского участия¹. Дискуссия об отстраненности от традиционных каналов участия, вызванная книгой Роберта Патнэма «Боулинг в одиночку»² и рядом других трудов³, оказала глубокое влияние на научно-исследовательское поле политического участия и гражданской активности Запада. Однако это не столько продемонстрировало научному сообществу снижение участия и активности, сколько подняло вопрос о концепциях, используемых учеными для отслеживания изменений в политической активности и гражданском участии молодежи.

Цель статьи состоит не в оценке богатого наследия литературы по данной тематике, а в попытке преодолеть концептуальную путаницу вокруг понятия «политическое участие» и пренебрежения современными реалиями, где молодежь, возможно, проявляет политическую или гражданскую активность, но не в традиционных формах, которые привычно изучаются. Такая ситуация, в свою очередь, не может дать более адекватное истолкование происходящим процессам и повод думать о том, почему молодые люди не заинтересованы в политической и гражданской жизни своей страны.

В политологии исследования политического участия граждан традиционно ориентировались на участие в выборах. Долгое время голосование воспринималось как основной способ для гражданина быть услышанным элитами, и явка на выборы была наиболее часто используемым показателем политической активности граждан. В послевоенное время западные политологи и социологи писали о политическом участии как о деятельности, нацеленной повлиять на политические решения: «...участие означает действия, посредством которых рядовые члены политической системы влияют или пытаются повлиять на ее результаты», – утверждает Дж. Нагель⁴.

Часто цитируемые другие определения второй половины XX в. весьма схожи. Так, Г. Перри



под политическим участием понимал «участие в формировании и/или исполнении государственной политики», фокусируя внимание на конвенциональной форме политического процесса⁵; Л. Пай и С. Верба обращают внимание на обязательные критерии политического участия – легитимность и легальность, включая в область исследования политический абсентеизм. Также выделяют формы участия, в основном связанные с выборами: участие в выборах; участие в предвыборной борьбе; групповая активность; отдельные политические контакты; неучастие в выборах⁶. Такие подходы к определению политического участия и выделенные формы, по меньшей мере, не явно открывают для анализа деятельность, связанную не только с голосованием, но и, например, с формами протестного поведения (демонстрации, забастовки и т. д.). Данная мысль возникла в тот же период времени. Так, М. Кааза создает новую структуру политического участия и добавляет неконвенциональные формы: участие в выборах; участие в решении специфической проблемы; участие в партийной деятельности; гражданское неповиновение; насилие⁷.

А. Марш и М. Кааза к конвенциональным формам политического участия относили участие, обеспечивающее устойчивость и функционирование политической системы, а также требования, предъявляемые к ней, выраженные в законных формах, а к неконвенциональным – несанкционированные действия, связанные с выражением требований или направлений против политической системы⁸. Следовательно, действия, направленные против всех политических субъектов, могут быть проанализированы как «политическое участие». Таким образом, попытка дать более широкое определение политического участия фокусирует внимание на ограниченном наборе деятельности гражданина.

Поздние попытки дать определение политическому участию в более полной мере описывают данный термин. Например, шведский политолог Я. Теорелл предлагает пять измерений политического участия: участие в выборах, политическое потребление, членство или активное участие в политических институтах, протестная активность, контактная деятельность (контактирование с государственными служащими)⁹.

В отечественной литературе наблюдаются те же тенденции. Д. Ольшанский социально-политическую активность определяет как деятельность социальных групп или индивидов, связанная с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со стремлением изменить существующий политический или социально-экономический порядок и соответствующие политические институты¹⁰.

О. Карпенко и И. Ломанов выделяют коллективный и индивидуальный уровень политической активности. В свою очередь, коллективный

уровень состоит из группового, организационного и массового. Сама политическая активность состоит из пяти элементов: мыслительная, электоральная, стихийно-массовая, структурная, профессиональная¹¹.

В. Петухов выделяет вербально-эмоциональный и инструментальный уровни политического участия. Эмоциональный уровень определяется им как степень общего интереса, проявляемого субъектами политического процесса по отношению к его содержанию, степень информированности о нем и наличие субъективной соотнесенности с политическим процессом или ее отсутствие. Под инструментальным уровнем политического участия в этом случае понимается совокупность и характер конкретных действий субъектов политики, направленных на защиту своих интересов путем воздействия на определенные политические институты¹².

По мнению О. Щениной, политическое участие можно охарактеризовать как любую активность индивидов и общностей в сфере политики¹³. С. Захаров рассматривает политическое участие как элемент политической культуры, как явление, обусловленное уровнем экономического развития и состоянием (стабильность, переходность, кризис) общества¹⁴. Д. Коннычев рассматривает политическое участие как свободную активность граждан, прямо или опосредованно влияющую на принятие тех или иных вариантов или альтернатив на различных уровнях политической системы¹⁵. А. А. Вилков, изучая возможности политического участия беспартийных граждан в условиях пропорциональной избирательной системы на выборах в Государственную думу, акцент делал на формализации защиты конституционных избирательных прав граждан «без четкой регламентации обеспечения равных условий их реальных конкурентных возможностей, по сравнению с другими участниками избирательного процесса»¹⁶.

Однако все перечисленные определения не учитывают «новых»/«скрытых» форм политического участия, которые можно расценить как «дополнительные» или «ожидания». Понятие новых форм (латентности) основывается на результатах включенного наблюдения: что многие элементы активности не могут прямо и однозначно классифицироваться как «политическое участие», но в то же время могут иметь большое значение для будущей политической мобилизации молодежи. Если мы заинтересованы в изучении уровня политического участия, то не следует забывать о следующих формах участия: люди склонны обсуждать политику, потреблять политические новости через телевидение или Интернет, говорить о социальных проблемах и осознавать глобальные проблемы, выражать свои мнения он-лайн (блоги, паблики), участвовать во флеш-мобах и т. д. Все эти формы исключаются из типологий, разработанных в XX в. Кроме того, если мы заинтере-



сованы в объяснении различных форм участия в политической жизни молодежи, то не можем себе позволить игнорировать эти аспекты.

Таким образом, стандартные определения политического участия описывают конвенциональные и неконвенциональные формы политического участия, исключая гражданскую активность как переходный этап к политической вовлеченности. Так, необходимо расширить понимание обсуждаемых проблем снижения уровня политической активности путем поиска новой типологии форм как политического, так и дополнительного участия.

К данной проблематике обратились М. Барретт и Б. Зани в рамках мультидисциплинарного исследовательского проекта «Процессы, влияющие на причастность и участие в демократических течениях (Processes Influencing Democratic Ownership and Participation 2009–2012)». Проект был основан Европейским союзом по Седьмой Рамочной Программе и направлен на изучение политической и гражданской активности (вовлеченности) и политического и гражданского участия в девяти европейских странах: Бельгии, Чехии, Англии, Германии, Италии, Великобритании, Португалии, Швеции и Турции.

В результате научно-исследовательского проекта была разработана многоуровневая модель процесса гражданского и политического участия, опубликованная в книге «Политическая и гражданская вовлеченность» под редакцией М. Барретта и Б. Зани. Так, Мартин Барретт подчеркивал различие между политическим и гражданским участием:

– политическое участие – деятельность, имеющая намерение или эффект влияния на муниципальный, региональный или федеральный уровень управления, либо непосредственно путем воздействия на создание и реализацию государственной политики, а также косвенным путем оказания влияния на выбор людей, которые осуществляют политику;

– гражданское участие – добровольная деятельность, сосредоточенная на оказании помощи другим, достижении общественного блага или решения проблемы сообщества, осуществляемая самостоятельно либо в сотрудничестве с другими и направленная на достижение необходимых изменений¹⁷.

Еще одно концептуальное различие состояло в терминах «участие» (participation) и «активность/вовлеченность» (engagement). Участие рассматривается М. Барреттом и Б. Зани в поведенческом аспекте, и этот термин относится к поведению участников. Вовлеченность отличается от участия, даже если эти термины взаимосвязаны, и рассматривается в психологическом аспекте, подразумевая под собой проявление интереса, внимания, знания, убеждения, мнения, отношения или чувства к политическим или гражданским делам. Так, активность/вовлечен-

ность может быть измерена различными индикаторами, например, через уровень политического и гражданского знания, уровень внимания к газетам, телевизионным новостям, новостям в Интернете, через индивидуальные обсуждения политики или гражданских вопросов с семьей, друзьями и т. д.

Классификация форм политического участия проходила по нескольким признакам. Первый признак можно охарактеризовать как степень вовлеченности в политическое участие, при этом выделяя три формы: неучастие, гражданское участие, само политическое участие. Каждая из трех форм подразделяется на формы индивидуального участия и формы коллективного участия по признаку количества вовлеченных. Неучастие, в свою очередь, подразделяется на активную и пассивную формы, гражданское участие – на социальную вовлеченность и социальную активность, политическое участие – на формальное политическое участие и политический активизм (внепарламентское политическое участие, которое, в свою очередь, может быть легальным или иллегальным).

Так, участие в политической жизни принимает целый ряд форм, в том числе как конвенциональные, которые включают в себя избирательные процессы (голосование, предвыборная агитация и т. д.), так и неконвенциональные, происходящие за пределами избирательных процессов (подписание петиций, участие в политических демонстрациях и т. д.). Гражданское участие также проявляется в различных видах деятельности: коллективное решение проблем сообщества; членство в общественных организациях; занятия благотворительностью и т. д. Наряду с этим политическая активность (вовлеченность) включает в себя внимание к СМИ (газеты, журналы, телевидение, радио, Интернет), политические и гражданские убеждения, ценности и т. д. Определение социальной активности как скрытой формы политического участия является важным вкладом М. Барретта в новую типологию форм политического участия.

Таким образом, предложенная типология стремится охватить все формы поведенческих установок и поведения, измеряет участие как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Также проводит различия между латентными (скрытыми) и не скрытыми формами политического участия, где под первыми подразумевается социальная активность граждан, включает в себя категорию неучастия, дополнительно для проведения различия между аполитичным и антиполитичным неучастием. Следует отметить, что затронутый психологический аспект свидетельствует о необходимости выхода за пределы фактического поведенческого участия (или отсутствия ожидаемого поведенческого участия) для того, чтобы раскрыть роль таких факторов, как ценности, субъективные смыслы и представле-



ния. Такой подход в классификации в конечном итоге раскрывает ранее не изучаемые формы политического участия и гражданской активности.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что существует, по крайней мере, два объяснения феномена низкого уровня политического участия как среди молодежи, так и применительно к другим социальным группам. Первое объяснение заключается в констатации фактов политической апатии и отчуждения в изучении традиционных форм политического участия. Второе объясняется трансформацией традиционных форм политического участия в стихийные и менее традиционные (прямые) формы участия, с применением новых средств социально-политической коммуникации. На наш взгляд, второе объяснение наилучшим образом характеризует современные реалии в отношении политического участия среди молодежи. Так, при изучении форм социальной активности молодежи под «политическим участием» следует понимать конкретные поведенческие и психологические аспекты, такие как проявление интереса, внимание, знания, убеждения, мнения, отношение или чувства к политическим или гражданским делам. Такой подход позволяет отнести к политическому участию не только политически значимые действия, но и готовность к таким действиям, проявляемый интерес к политике, а также оценку политической реальности и дает возможность изучить обусловленность политического участия через смыслы и мотивации. Ввиду чего изучение ценностного фактора обусловленности политического участия является наиболее перспективным для дальнейших исследований форм политического участия молодежи.

Примечания

- ¹ См.: *Norris P. (ed.)*. *Critical Citizens. Global Support for Democratic Governance*. Oxford : Oxford University Press, 1999.
- ² См.: *Putnam R. D.* *Bowling Alone : The Collapse and Revival of American Community*. N. Y. : Simon & Schuster, 2000.
- ³ См., например: *Norris P.* *Democratic Phoenix : Reinventing Political Activism*. Cambridge : Cambridge University Press, 2002.
- ⁴ *Nagel J.* *Participation*. L. : Prentice-Hall, 1987. P. 1.
- ⁵ *Parry G. (ed.)*. *Participation in Politics*. Manchester : Manchester University Press, 1972. P. 39.
- ⁶ См.: *Pye L., Verba S. (eds.)*. *Political Culture and Political Development*. Princeton : Princeton University Press, 1965.
- ⁷ См.: *Kaase M.* *Партиципация // Политология. Краткий тематический словарь : пер. с нем. и англ. / отв. ред. Г. И. Иванов. Вып. 3. М., 1993. С. 43–44.*
- ⁸ См.: *Marsh A.* *Political Action : A Theoretical Perspective // Barnes S. H., Kaase M. [et al.]. Political Action : Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, CA : Sage Publications, 1979.
- ⁹ См.: *Teorell J., Torcal M., Montero J. R.* *Political Participation : Mapping the Terrain // Deth J. W. van, Montero J. R., Westholm A. (eds.)*. *Citizenship and Involvement in European Democracies : A Comparative Analysis*. L. ; N. Y. : Routledge, 2007. P. 334–357.
- ¹⁰ См.: *Ольшанский Д. В.* *Политико-психологический словарь*. М. : Академический Проект, 2002.
- ¹¹ См.: *Карпенко О. М., Ламанов И. А.* *Молодежь в современном политическом процессе в России*. М. : СГУ, 2006.
- ¹² См.: *Петухов В. В.* *Политическое участие россиян : характер, формы, основные тенденции. // Российское общество : становление демократических ценностей : сб. ст. / под ред. М. Макфола, А. Рябова. М. : Гендальф, 1999. С. 200.*
- ¹³ См.: *Щенина О. Г.* *Формы участия молодежи в политическом процессе современной России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005.*
- ¹⁴ См.: *Захаров С. Н.* *Политическое участие молодежи в условиях модернизации российского общества : дис. ... канд. полит. наук. М., 2001.*
- ¹⁵ См.: *Коньчев Д. В.* *Политическое участие. На примере российского регионального процесса : дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2000.*
- ¹⁶ *Вилков А. А.* *Особенности реализации беспартийными гражданами пассивного избирательного права на выборах в Государственную думу в постсоветской России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 65.*
- ¹⁷ См.: *Barrett M., Brunton-Smith I.* *Political and Civic Engagement and Participation : Towards an Integrative Perspective // Journal of Civil Society. 2014. 10 (1). P. 5–28.*

Образец для цитирования:

Селиванова А. О. Формы политического участия: проблема типологизации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 354–357. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-354-357.

Cite this article as:

Selivanova A. O. Forms of Political Participation: the Problem of Typology. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 354–357 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-354-357.



УДК [32.019.51]

МЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВЛИЯНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ

Б. Н. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: bord64@gmail.com

В статье анализируются особенности влияния СМИ на политическую культуру в обществе. Рассматриваются возможности применения медийных теорий к исследованию политической культуры.

Ключевые слова: политическая культура, общественное мнение, информационная повестка дня, фрейминг.

Media Technologies of Influence on Political Culture

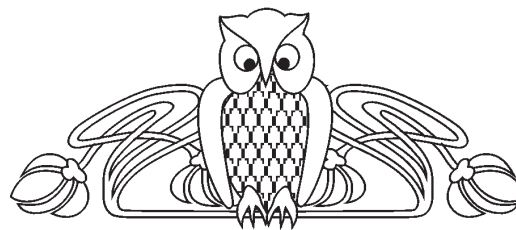
B. N. Shestov

The article analyzes the peculiarities of media influence on political culture in the society. The possibilities of applying media theories to the study of political culture are considered.

Key words: political culture, public opinion, media agenda, framing.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-358-364

Отечественная политическая наука в условиях текущего нестабильного положения на мировой арене обладает потребностью в совершенствовании теоретического инструментария политической науки, применяемого для изучения современных политико-культурных процессов. Инструментарий этот складывался в течение более чем полутора столетий развития «западной» и отечественной науки, особенно интенсивно во второй половине XX в., и сегодня обнаруживает свою недостаточность. В частности, тогда, когда речь идет об изучении влияния на динамику политической культуры современных обществ и элит глобализационных процессов и новых коммуникационных технологий, в особенности технологий, активно используемых сегодня СМИ для манипулирования массовым сознанием. Влияние текущей политической повестки дня, формируемой СМИ посредством широкого применения манипулятивных технологий, на становление политической культуры сегодня стало вполне сравнимым с влиянием на этот процесс исторических традиций государств и народов, особенностей социальной ментальности и конфессиональных ориентаций больших масс населения. Вследствие этого изменились структура и динамика пространства политико-культурных отношений. Политическая культура современных обществ стала более открытой к манипулятивным воздействиям извне и изнутри их пространства политических коммуникаций¹. Соответственно, политико-культурные процес-



сы приобрели большую, в сравнении с прежним временем, неустойчивость и рискогенность. В направлении приспособления к этим новым реалиям имеет смысл, на наш взгляд, совершенствовать теоретические подходы и конкретные исследовательские методики, связанные с изучением политико-культурных процессов. В частности, те методики, которые позволяют осуществлять системный мониторинг манипулятивного воздействия СМИ на массовое сознание в целях изменения свойств политической культуры.

Вопросами методологии изучения воздействия СМИ на массовое сознание занимались еще в советское время. Для этих нужд приспособили марксистское и особенно ленинское теоретизирование на тему «коммунистического воспитания трудящихся», «совершенствования коммунистической агитации и пропаганды», идею «партийной газеты как коллективного организатора, агитатора и пропагандиста». Это была разработка теоретических подходов к изучению вопросов манипулятивного воздействия СМИ на массовое сознание в достаточно узком, идеологически детерминированном, русле. Тем не менее, именно советские исследователи детально и с опорой на обширную фактуру изучили различные, как спонтанно складывающиеся в современных обществах, так и целенаправленно создаваемые акторами политики, механизмы и технологии воздействия СМИ на массовое сознание и на его политико-культурные установки². В начале XXI в. основные теоретические достижения отечественной науки в изучении воздействия СМИ на политическую культуру были зафиксированы в исследованиях Р. П. Овсепян³.

По нашему мнению, изменение динамики современных политико-культурных процессов требует расширения и «настройки» теоретического инструментария, посредством которого политическая наука эти процессы изучает. В современном мире возрастает роль СМИ в формировании разного рода мотиваций людей к политическому участию. Это дает основание предположить, что совершенствование теоретического инструментария изучения политико-культурных процессов может быть осуществлено в направлении адаптации теорий фрейминга и повестки дня для нужд исследований политической культуры современных обществ.



Вначале стоит сказать, что в политической науке сегодня имеется достаточно много определений политической культуры⁴. Большинство из них подразумевают, что политическая культура является совокупным результатом действия долгосрочных, устойчивых факторов политического процесса, таких, например, как историческая традиция, ценностные и идейные предпочтения субъектов политики, их правосознание и экономические противоречия между ними. Значительно меньше в этих определениях выражена связь динамики и качественных характеристик политической культуры с тем, что можно было бы назвать неустойчивыми факторами ее формирования. Теми факторами, влияние которых на состояние политической культуры по ходу политики то возрастает, то снижается и определяет неустойчивость характеристик политической культуры разных субъектов политики даже в пределах одной социально-политической системы – российской например.

Факторами, определяющими неустойчивость пространства политической культуры современного социума, являются среди прочего образовательные программы и технологии. С одной стороны, они сегодня активно способствуют распространению по всему миру тех идей, ценностей и традиций, которые имеют статус «общечеловеческих». Политика распространения «западных» моделей образовательной политики на весь мир вдохновляется идеей, что такими средствами может быть достигнута относительная унификация основных характеристик политической культуры в большинстве современных обществ и государств. А это значит, как надеются идеологи современной глобализации, что в мире произойдет стабилизация политико-культурных процессов на уровне тех стандартов, которые для политической культуры в теории и на практике заданы «западным» либерализмом.

Вместе с тем по ходу роста влияния образования на умы современных людей обнаруживается тенденция противоположного свойства. Большее или меньшее (в зависимости от стратегии и тактики образовательной политики) число граждан начинают рационально и критически подходить к тем идеям, ценностям и традициям, которые прежде были для них аксиомами, неизблемыми основаниями их отношения к миру политики. То, что прежде было предметом веры, теперь становится формулой задачи, которую гражданин или группа граждан должны решать каждый раз, как только меняются динамика политического процесса и условия их участия в нем.

Особенно заметно в качестве фактора, определяющего неустойчивость пространства политической культуры, образовательная политика выступает сегодня в странах бывшего «третьего мира». Причастность к светскому или религиозному образованию, к «западной» или местной

системе идей, ценностей и традиций сегодня служит своеобразной линией социокультурного раскола даже в таких крупных странах, как Индия, Иран, Пакистан, Египет, Турция, а также США, Франция, Германия, Великобритания, Венгрия.

Одним из важнейших факторов неустойчивости современной политической культуры для большинства современных обществ с более или менее развитой системой массовых информационных коммуникаций является также информационная повестка дня. Ее формируют традиционные и новые СМИ в режиме постоянного реагирования на заказ ведущих субъектов современной политики (государственных институтов, политических партий и даже «обывателей») на практически полезную и выгодную им в данный момент политического процесса информацию – политическую в первую очередь. Для повышения оперативности решения СМИ этой задачи по приданию политической информации «полезных» потребительских качеств созданы соответствующие медийные технологии.

Весь этот процесс формирования «информационной повестки дня», его смысл и технологии давно являются предметом отечественных и зарубежных научных исследований. Сформировался ряд научных подходов к объяснению того, как и зачем формируется информационная повестка дня и каким образом она находит свое практическое применение в системе современных политических коммуникаций. Однако заметим, что большинству из них свойственно стремление дистанцировать информационную повестку дня как научный предмет от проблематики современной политической культуры.

Все предшествующее время усилия исследователей были направлены на то, чтобы доказать, что применительно к политике о формировании информационной повестки дня можно говорить преимущественно как о специфической и самодостаточной медийной и манипулятивной технологии. Технологии, в значительной мере искусственно сконструированной специалистами по массовым коммуникациям, движимыми не самым лучшим намерением манипулировать массовым сознанием и добиваться нужных его реакций на политические события и проблемы вопреки его базовым политико-культурным установкам, а потому технологии, находящейся в оппозиции к тому комплексу «естественных» технологических решений, который мы называем политической культурой.

Анализ подходов отечественных и зарубежных исследователей к проблеме информационной повестки выявляет определенную тенденцию. Она состоит в том, что основные усилия исследователей сосредоточены на доказательстве, что технология формирования информационной повестки представляет собой исключительно манипулятивную технологию и мало



определяет динамику политико-культурного процесса.

Такая ситуация заставляет говорить о парадоксе. С одной стороны, исследователи настаивают на определенной независимости технологий формирования информационной повестки от тех технологий, посредством которых общество формирует комплекс своих политико-культурных установок. С другой стороны, те же исследователи фиксируют расширение сферы действия технологий формирования информационной повестки до таких масштабов и значений, при которых атрибуты повесток начинают теснить в сознании людей ценностные, идейные и даже просто рациональные мотивации к политическому мышлению и участию. Иначе говоря, не прямо, но исследователи на теоретическом уровне обосновывают возможность понимания проблемы информационной повестки как проблемы большей, чем манипулятивно-технологической, как проблемы политико-культурной. А именно как проблемы появления в пространстве современной политики факторов, способных не только влиять на динамику политической культуры в направлении ее большей устойчивости или неустойчивости, но и менять саму структуру ее пространства.

Общее состояние подходов к изучению информационной повестки таково, что позволяет уже сегодня ставить вопрос о возможности рассматривать технологии формирования информационной повестки дня как базовые технологии формирования политической культуры (особенно демократической) на достаточно длительную перспективу ее развития, а результаты действия этих технологий – как новый важный структурный элемент пространства политической культуры «информационных» обществ, во многом определяющий состояние связей между «классическими» элементами этого пространства (идеями, ценностями, традициями).

В этом случае имеет смысл изменить и отношение к теории фрейминга. У этой теории появляются новые методологические возможности. Она, если рассматривать ее как способ описания процесса генезиса новых структурных элементов в пространстве политической культуры, может работать уже не на дистанцирование исследователя информационной повестки от проблем политической культуры, а, напротив, на приближение его к этим проблемам, на расширение его предметного поля исследования до масштаба этих общих проблем современного политического процесса.

Возможность быть постоянным неустойчивым фактором политико-культурного процесса определяется для информационных повесток существованием особого порядка актуализации и распространения политической информации субъектами современной политики. Этот порядок имеет наименование, устоявшееся в политологических исследованиях и работах специалистов по медийным коммуникациям.

логических исследованиях и работах специалистов по медийным коммуникациям. Чаще всего для обозначения этого порядка применяют понятие «фрейм».

К настоящему времени объем теоретических и прикладных разработок по этой проблематике таков, что специалисты оперируют понятием «теория фрейминга». В нашем исследовании «фреймы» и «фрейминг» представляют интерес в качестве источника информации о тех новых для современной политической культуры процессах и тенденциях, которые исследователи фиксируют, но не связывают с общей динамикой политико-культурных процессов в обществах с высоким уровнем информатизированности политической сферы. Для нас суждения специалистов о фреймах и фрейминге – это аргументы «за» и «против» того, чтобы понимать фреймы не только как условные описательные теоретические модели, но и как важную субъективную реальность.

С точки зрения политической культуры, теория фрейминга интересна, возможно, даже больше, чем теория установления повестки дня, так как ее аналитический потенциал применительно к исследованию возможных манипулятивных схем, применяемых в массмедиа, может быть гораздо большим за счет большей многогранности как самого понятия фрейминга, так и входящих в него понятий фреймов, когнитивных схем и т. д. Ведь, по мнению многих ответственных ученых, средства массовой информации, обладая огромным потенциалом воздействия на общественное мнение, иногда становятся инструментом в руках различных групп интересов и, как следствие, пусть и опосредованно, но влияют на характер преобладающей в обществе политической культуры.

Хотя свободные и демократические СМИ и являются инструментом контроля за государственной властью, а также неотъемлемым атрибутом гражданского общества, их политическая ангажированность может сыграть еще большую роль в формировании общественного мнения. Так, например, В. А. Зимин в своей работе «Роль СМИ в формировании политической культуры и развитии институтов гражданского общества в России» пишет: «Перед средствами массовой информации стоит задача дальнейшего формирования политической и гражданской культуры, которая позволила бы нашему обществу выйти на новый уровень развития и помогла бы укоренению демократических ценностей, стать центром общественного и гражданского согласия»⁵. В то же самое время он подтверждает наши опасения касательно манипулятивного потенциала СМИ: «Сознательная односторонняя заинтересованность в подаче материала на социально значимую тему в пользу одного из субъектов политики тормозит развитие демократической политической культуры. Опасно также



манипулирование массовым сознанием и поведением населения. Сбалансированная полная и объективная информация о разных сторонах общественной жизни является важным условием совершенствования политической культуры россиян. Функции средств массовой информации должны состоять в информировании населения; мобилизации и формировании общественного мнения; содействии политическому образованию, воспитанию, политической социализации граждан; возможности артикуляции разных общественных интересов; контроле и критике государственных и местных органов власти, интегрировании субъектов политики»⁶.

Исследование тех сторон функционирования фреймов, которые обычно в качестве ключевых выделяют отечественные и зарубежные специалисты, привело нас к ряду выводов.

В политической науке фреймы изначально были понятием, отражающим стремление исследователей создать теоретическую модель для описания информационных процессов. На наш взгляд, к настоящему времени научное понимание фрейма, нашедшее отражение в теории фрейминга, нуждается в расширении. Более целесообразно определять фреймы как реально существующие и активно функционирующие структурные элементы современных политико-культурных пространств, обладающие способностью мотивировать мышление и поведение субъектов политики.

Такое использование исследователем модели фреймов позволяет более четко понять взаимосвязь естественных и технологических предпосылок для нарастания неустойчивости в пространствах политической культуры современных обществ. Модель фрейма как модель переменного фактора развития политической культуры дает исследователю возможность представить масштаб такой неустойчивости, а в некоторых случаях даже измерить его количественно. Данная модель позволяет также прогнозировать вероятную дальнейшую динамику этой неустойчивости в связи с той или иной информационной повесткой дня и интересом различных субъектов политики эту повестку актуализировать либо, напротив, противодействовать такой актуализации.

Фреймы, если их представлять уже не как модель, а как реально функционирующий элемент политико-культурного пространства, обладают разными длительностями и интенсивностями существования. Длительность и интенсивность выполнения фреймами роли ориентиров для массового и индивидуального сознаний при осуществлении ими политического выбора непосредственно связаны с интересами различных субъектов политики использовать информацию как ресурс влияния на массовое сознание.

Важное свойство фрейма, образно выражаясь, как «новой переменной» в структуре поли-

тической культуры современных высокоинформатизированных обществ состоит в том, что, в отличие от «классических» идей, ценностей и традиций, они обладают постоянно меняющимися длительностями и интенсивностями функционирования в качестве ориентиров для массового сознания при осуществлении им политического выбора. Такая переменная длительность и интенсивность выполнения фреймами роли фактора политико-культурного процесса позволяет им группироваться вокруг определенных информационных повесток, иногда даже становиться их смысловым и организационным ядром и образовывать в пространстве политической культуры вполне самостоятельные «зоны неустойчивости». В таких зонах прежде устойчивые («классические») смыслы важных для данного общества идей, ценностей и традиций начинают варьировать в зависимости от интересов того субъекта политики, иначе говоря, в зависимости от того, как данный конкретный субъект намерен их использовать при решении своих конкурентных задач.

В свете теории фрейминга могут быть рационально объяснены некоторые принципиальные свойства современных политико-культурных процессов в обществах с развитой системой информационных коммуникаций. В роли фактора современного политико-культурного процесса фреймы становятся еще и фактором проявления в этих процессах «множественности стандартов» в отношении людей к пониманию и пользованию идеями, ценностями и традициями. Важной тенденцией современной политики, обнаруживаемой посредством изучения фреймов, является образование так называемых «двойных стандартов» не только в самих процессах политических коммуникаций внутривнутриполитического и внешнеполитического уровня, но и в сфере политико-культурных мотиваций этих процессов.

Для современной науки актуальна традиция, согласно которой для выявления динамики и тенденций политико-культурного процесса актуальны методы качественного исследования. Это естественно, поскольку само понятие «политическая культура» изначально было предназначено для выявления именно качественной стороны функционирования политических систем, их режимных свойств. Сложившиеся качественные подходы к изучению политической культуры современных обществ и элит могут быть дополнены, на наш взгляд, количественными подходами.

В пользу необходимости такого дополнения можно привести следующие аргументы. Преимущество подходов, основанных на выявлении качественных сдвигов в политических идеях, ценностях и других структурных элементах политико-культурного процесса, особенно заметны тогда, когда надо исследовать трансформации политической культуры на больших отрезках времени и в целом, по всему спектру политических



проблем, традиционно составляющих повестку коммуникаций общества и государства. На относительно небольших отрезках времени (если, конечно, речь не идет о периодах политических кризисов) и применительно к отдельным идеям, ценностям и практикам, по поводу которых коммуницируют общество и власть, средствами качественного исследования трудно выявить какую-либо смену политико-культурных трендов. Дело в том, что на актуализацию в политическом процессе тех или иных идей и практик, на появление новых интерпретаций политических ценностей массовое сознание современных обществ реагирует не всегда так, как этого можно было бы ожидать, если исходить из его базовых качественных характеристик.

Ценности гуманизма, человеческого достоинства, например, актуальны для массового сознания современного российского общества. Но то, как в СМИ и во всей системе массовых коммуникаций сегодня представлена проблематика уголовной преступности и террористических угроз, побуждает граждан отступать от этих базовых основ своей политической культуры⁷. Это, несомненно, политико-культурный тренд. Он значим для текущей российской политики. Тем не менее, он является следствием некоего фундаментального качества политической культуры российских граждан и не влияет на ее сущность. Это тренд, значимость и направленность которого полностью определяются форматом и направленностью развития повестки дня, как ее формируют массовые коммуникации. И этот тренд может в любой момент смениться на противоположный, при смене повестки, как неустойчивого структурного элемента политической культуры современных обществ. Это «переменный» тренд политической культуры, для исследования которого применим больше количественный, чем качественный подход. Особенно, если таких «переменных» политико-культурных трендов в данный момент политического процесса образуется много и их развитие происходит несогласованно и в разных направлениях. Последнее свойственно большинству современных модернизирующихся социально-политических систем. Примером может служить современная Россия, в развитии политической культуры которой сегодня существуют и конкурируют либеральные, консервативные и социалистические, почвеннические и западнические тренды. И существенный вклад в эту конкуренцию вносят СМИ, определяющие для коммуникаций граждан и элит либеральную и консервативную, почвенническую и западническую повестки.

Количественных подходов, реализуемых социологическими исследованиями, недостаточно для решения задачи выявления переменных политико-культурных трендов в развитии современной политической культуры. Особенно культуры либерально-демократической и особенно в

современных обществах с развитыми массовыми коммуникациями, в которых такие переменные тренды сегодня образуются с возрастающей частотой. В нашей стране постоянно проводятся различные социологические мониторинги общественного мнения. Среди них многие нацелены на выявление отношения российских граждан к идейным и ценностным основаниям политики. Они, тем не менее, в большинстве случаев дают представление лишь о состоявшемся результате политико-культурных коммуникаций в социуме, о сложившейся в массовом сознании картине политики и об определенном порядке смены таких картин, но не позволяют понять механизм и ситуативную мотивацию такой смены, а также такую смену прогнозировать. Мотивации образования и быстрой смены трендов часто формируются в русле фреймов, создаваемых усилиями СМИ в пространстве политических коммуникаций, и могут быть изучены в рамках соответствующей теории.

В свете этой теории деятельность СМИ по формированию политической повестки служит достаточно четким индикатором тех направлений, по которым происходит или в ближайшее время будет происходить изменение «спроса» массового сознания граждан на определенные ценности и идеи и на их интерпретации в политических коммуникациях.

Анализ различных методик выявления фреймов и способов их количественных замеров позволяет заключить, что ошибки в оценке динамики политико-культурных трендов вероятны. Но вероятность таких ошибок не критична, когда речь идет о количественных замерах. У исследователя существует возможность относительно быстро восполнить нехватку количественных параметров либо совместить в одном исследовании разные методики анализа, не прибегая к переосмыслению и переоценке сути политико-культурного процесса. Критичный характер ошибки в оценке динамики переменных политико-культурных трендов приобретают, на наш взгляд, тогда, когда происходит абсолютизация исследователями «своего» способа количественного замера того или иного тренда. Политической повестке дня как элементу политико-культурного пространства свойственна стерескопичность. Одни и те же идеи и ценности существуют в разных форматах и актуализируются общественным сознанием в контексте самых разных проблем. Это означает, на наш взгляд, что ни один из способов выявления политико-культурных трендов не может претендовать на роль «последнего решения». Но и все вместе эти способы дают слишком большой разброс в оценках и прогнозах.

Оптимальным решением, на наш взгляд, с точки зрения совершенствования теории политико-культурных процессов могло бы стать разделение всех методик на две группы: те, при



помощи которых мы анализируем повестку как естественный процесс развития политической культуры, и те, которые позволяют представить ее как технологию манипуляции массовым сознанием. Это дало бы возможность в теории современной политической культуры выделить количественно измеряемый рубеж устойчивости и неустойчивости политико-культурных процессов. На такой рубеж исследователям можно было бы ориентироваться при прогнозировании динамики политико-культурных процессов. Такое решение позволило бы создать два полноценных ракурса политико-культурных процессов в современном мире.

Вышесказанное позволяет говорить о сложившихся технологиях изменения «кода» политической культуры современных обществ. В этих технологиях акценты при актуализации политической информации заметно смещены в сторону эмоциональных реакций массового сознания на устойчивость и неустойчивость политических повесток, на преобладание в них эмоциональных позитива либо негатива.

В этом случае можно говорить о тенденции трансформации традиционных, классических медийных технологий, основанных на применении для мобилизации массового сознания активного и содержательно рационального информирования о политических событиях, в технологии, по сути, лингвистического программирования массового и индивидуального сознания. В таких технологиях программирования на первом плане находится нравственная либо функциональная (правда – ложь, важно – не важно) оценка политической информации, а не ее конкретное и рациональное содержание, на основании которого человек и общество могли бы самостоятельно сформулировать оценку.

Механизм формирования политической повестки посредством СМИ сегодня таков, что он превращает оценку политического события или процесса, актуализированную в СМИ, во вполне самостоятельный элемент политической культуры современных обществ и элит. Порой эта оценка даже не связана с теми реальными свойствами политики, к которым она применяется СМИ, а вслед за ними и общественным сознанием. В этом смысле это уже не совсем медийные технологии, а в большей мере технологии психологического воздействия на общества и отдельных людей. Именно это их новое, психологически программирующее качество позволяет современным политическим элитам разных государств, разным обществам в зависимости от решаемых ими задач производить перестановку в нужном им направлении политико-культурных ориентиров развития политических процессов. Появляется возможность за счет подмены базовых ориентиров развития политических процессов политическими повестками «отвязать» процесс формирования политико-культурного

тренда от исторически сложившейся динамики политических процессов в данном обществе и государстве. Политический процесс становится более открытым для манипулирования и управления. У субъектов политики, имеющих доступ к использованию СМИ, появляется возможность выдвигать на первый план современных политических процессов именно те «переменные» политико-культурные тренды, которые нужны им именно сегодня, в том числе нужны для стимулирования либо предотвращения политико-культурных и практически политических конфликтов межобщественного и межгосударственного уровней, как это можно наблюдать сегодня на примере медийных коммуникаций России и США.

В том политико-культурном тренде, который мы обозначили понятием «переменный тренд», по необходимости существуют константы. Они придают этому тренду относительную устойчивость в общем пространстве политической культуры современных обществ, позволяют ему раз за разом воспроизводиться в своем «переменном» обличье в определенных границах и формах. В роли таких констант чаще всего выступают устойчивые оценки политических явлений и процессов, которые формируются и воспроизводятся СМИ и на которые ориентируется массовое сознание современных людей как на наиболее «естественные» границы рационального восприятия окружающей политической реальности. Существуют определенные механизмы и технологии воспроизводства этих констант в «переменных» политико-культурных трендах, в частности, медийные механизмы и технологии.

Исследователи СМИ часто говорят о высокой способности массмедиа влиять на ход политических процессов и состояние политической культуры, даже называют их «четвертой властью» в современной системе разделения демократических властей. Это вполне, на наш взгляд, справедливое наблюдение. Но необходимо вместе с тем ответить на вопрос: что вызывает у современных людей, способных к критическому мышлению о политике и самостоятельному политическому выбору, потребность согласовывать свое мнение о политике с оценками, даваемыми ей СМИ?

Сознание современных людей, как нам представляется, реагирует на потребность приспособиться к ускоряющемуся в современном мире процессу формирования и смены «переменных» политико-культурных трендов, на потребность обрести в этом калейдоскопе изменений некие опорные точки, некие «границы разумного», ориентируясь на которые, современный человек мог бы себя чувствовать сознательным участником политики, а не ее жертвой, не способной ориентироваться в потоке политических событий. Необходимо, иначе говоря, представление о том устойчиво «хорошем» и том устойчиво «пло-



хом» в политическом процессе, в границах чего человек, осуществляющий свой выбор в пользу политических идей, ценностей, идеологических проектов и т. д., мог бы быть уверен, что он совершает рациональный и оптимальный выбор.

Эти границы выбора между «хорошим» и «плохим» создают для современного человека СМИ, и в этом, на наш взгляд, источник их способности решающим образом влиять на состояние сознания современных людей и на политическую культуру современных обществ. В течение последнего столетия постепенно сложились механизмы и технологии производства СМИ тех оценочных констант, на которые ориентируются современное массовое и индивидуальное сознание людей в тех случаях, когда сталкиваются с необходимостью приспособиться к быстрым структурным и качественным изменениям в пространстве политической культуры демократических социально-политических систем.

Вместе с тем наглядно можно представить, как посредством включения в медийную повестку оценочных характеристик политических явлений и процессов осуществляется управление формированием того «переменного» политико-культурного тренда, который, как паровоз, тянет за собой весь состав политической культуры данного общества в направлении, выгодном политической элите либо контрэлите. В результате не конфликтующие между собой прямо на уровне ключевых ценностей демократические политические культуры (как российская и американская) в результате действий такого «паровоза» в определенный момент приходят в состояние жесткой конфронтации и воспринимаются нами в качестве антиподов.

Примечания

- 1 См.: *Вилков А. А.* Избирательные технологии : проблема эффективности и политических последствий // *Власть*. 2003. № 4. С. 17–18.
- 2 См.: *Пихоя Л. Г.* Деятельность партийных организаций Урала по повышению роли партийной и советской печати в коммунистическом воспитании трудящихся в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1965 // *disserCat* – электронная библиотека диссертаций. URL: <http://www.dissercat.com/content/deyatelnost-partiinykh-organizatsii-urala-po-povysheniyu-rol-i-partiinoi-i-sovetskoi-pechati-#ixzz4kX49nFwp> (дата обращения: 10.06.2017).
- 3 См.: *Овсяян Р. П.* В лабиринтах истории отечественной журналистики. Век XX. М., 2001. (Практическая журналистика); *Его же.* История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов). 2-е изд., доп. М., 1999.
- 4 См.: *Фомин О. Н.* Политическая культура как фактор политического процесса // *Власть*. 2012. № 3. С. 86–89; *Зевина О. Г., Макаренко Б. И.* Об особенностях политической культуры современной России // *Полис*. 2010. № 3. С. 114–131; *Гаман-Голутвина О. В.* Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли // *ПОЛИТЕКС*. Вып. 2. СПб., 2005. С. 38–49.
- 5 *Зимин В. А.* Роль СМИ в формировании политической культуры и развитии институтов гражданского общества в России // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 94.
- 6 Там же.
- 7 См.: *Алехина М.* До 73% россиян назвали пытки и насилие приемлемыми в отдельных случаях. URL: <http://www.rbc.ru/society/22/05/2017/591ec22c9a79470661721126> (дата обращения: 22.05.2017).

Образец для цитирования:

Шестов Б. Н. Медийные технологии влияния на политическую культуру // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 358–364. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-358-364.

Cite this article as:

Shestov B. N. Media Technologies of Influence on Political Culture. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 358–364 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-358-364.



СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникин Д. А. – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: dandee@list.ru

Быченко Ю. Г. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации. E-mail: bychenkoug@gmail.com

Вестов Ф. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vestovfa@mail.ru

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vil57@yandex.ru

Волкова О. А. – доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: volkovaoa@rambler.ru

Глухова Е. О. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Kuzminaeo@list.ru

Ершов В. В. – адъюнкт, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации. E-mail: strelok-6622@yandex.ru

Загирова Э. М. – аспирант, Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН, Махачкала. E-mail: elvira.2005@inbox.ru

Зорина Е. Г. – студентка магистратуры факультета политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. E-mail: z-surfer@mail.ru

Исрапилова З. А. – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала. E-mail: Israpilova1966@mail.ru

Казakov А. А. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: aldr.kazakov@gmail.com.

Козлова М. С. – кандидат социологических наук, директор Центра подготовки резерва управленческих кадров Поволжского института управления имени П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: kmargos@yandex.ru

Кулабухов Д. А. – магистрант кафедры социальной работы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: volkovaoa@rambler.ru

Макеев Ф. А. – аспирант кафедры социологии и социальной политики, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: fmakeev@bk.ru

Мирзаханов Дж. Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала. E-mail: mirzakhonov1962@mail.ru

Могилевич Б. Р. – доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: mogilevich@sgu.ru

Мозговая Е. И. – магистрант кафедры социальной работы, Бел-

городский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: volkovaoa@rambler.ru

Оставная А. Н. – старший преподаватель кафедры социологии, Институт истории и государственного управления Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко, Тирасполь. E-mail: alaost@rambler.ru

Рассадина Т. А. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы, Ульяновский государственный университет. E-mail: contact@ulsu.ru

Россосанский А. В. – кандидат политических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: avrossoshanskiy@mail.ru

Сайганова Е. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Селиванова А. О. – аспирант, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград. E-mail: anselivanova2015@mail.ru

Степанов С. В. – аспирант кафедры социальной работы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: volkovaoa@rambler.ru

Токарева О. В. – соискатель степени кандидата политических наук, Казанский национальный исследовательский технологический университет. E-mail: olgato@mail.ru

Толкунов Н. С. – студент магистратуры юридического факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: niktolkunov@gmail.com

Уфимцева Е. И. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ufim75@mail.ru

Фаст О. Ф. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и семейного права, Саратовская государственная юридическая академия. E-mail: fastolga@meil.ru

Цаплин А. Ю. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: can2002@yandex.ru

Чистякова Е. В. – студентка магистратуры юридического факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: blondinnet@mail.ru

Шахбанова М. М. – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала. E-mail: madina2405@mail.ru

Шестов Б. Н. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: bord64@gmail.com

Шестов Н. И. – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: nikshestov@mail.ru

Яковлев И. В. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: yak-ivan@yandex.ru



INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anikin D. A. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University. E-mail: dandee@list.ru

Bychenko Yu. G. – Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Saratov Military Order of the Red Banner Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation. E-mail: bychenkoug@gmail.com

Chistyakova E. V. – Student of Magistracy of the Law Faculty, Saratov State University. E-mail: blondinnet@mail.ru

Ershov V. V. – Adjunct, Saratov Military Order of the Red Banner Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation. E-mail: strelok-6622@yandex.ru

Fast O. F. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil and Family Law, Saratov State Law Academy. E-mail: fastolga@mail.ru

Glukhova E. O. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal, Criminal and Executive Law and Criminology, Saratov State University. E-mail: Kuzminaeo@list.ru

Israpilova Z. A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Philosophy, Dagestan State Technical University, Makhachkala. E-mail: Israpilova1966@mail.ru

Kazakov A. A. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, Saratov State University. E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

Kozlova M. S. – Candidate of Sociology, Head of the Center for Training of Senior Executives' Reserve, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov. E-mail: kmargos@yandex.ru

Kulabukhov D. A. – Master of the Department of Social Work, Belgorod State National Research University. E-mail: volkovaoa@rambler.ru

Makeev F. A. – Postgraduate Student of the Department of Sociology and Social Policy, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov. E-mail: fmakeev@bk.ru

Mirzakhanov Dzh. G. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Dagestan State Technical University, Makhachkala. E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

Mogilevich B. P. – Doctor of Sociology, Professor of the Department of English Language for Humanitarian Directions and Specialties, Saratov State University. E-mail: mogilevich@sgu.ru

Mozgovaya E. I. – Master of the Department of Social Work, Belgorod State National Research University. E-mail: volkovaoa@rambler.ru

Ostavnaya A. N. – Senior Lecturer of the Department of Sociology, Institute of History and Public Administration of the Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko, Tiraspol. E-mail: alaost@rambler.ru

Rassadina T. A. – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor

of the Department of Public Relations and Advertising, Ulyanovsk State University. E-mail: contact@ulsu.ru

Rossoshansky A. V. – Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Sciences, Saratov State University. E-mail: avrossoshanskiy@mail.ru

Saiganova E. V. – Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Youth, Saratov State University. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Selivanova A. O. – Postgraduate Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad. E-mail: anselivanova2015@mail.ru

Shakhbanova M. M. – Doctor of Sociology, Leading Researcher of the Department of Sociology, Regional Center of Ethno-Political Research of the Dagestan Scientific Center RAS, Makhachkala. E-mail: madina2405@mail.ru

Shestov B. N. – Graduate Student of the Department of Political Sciences, Saratov State University. E-mail: bord64@gmail.com

Shestov N. I. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Sciences, Saratov State University. E-mail: nikshestov@mail.ru

Stepanov S. V. – Postgraduate Student of the Department of Social Work, Belgorod State National Research University. E-mail: volkovaoa@rambler.ru

Tokareva O. V. – Applicant of Degree of the Candidate of Political Sciences, Kazan National Research Technological University. E-mail: olgato@mail.ru.ru

Tolkunov N. S. – Student of Magistracy of the Law Faculty, Saratov State University, E-mail: niktolkunov@gmail.com

Tsaplin A. Yu. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Sciences, Saratov State University. E-mail: anton.th2011@yandex.ru

Ufimtseva E. I. – Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Social Work, Saratov State University. E-mail: ufim75@mail.ru

Vestov F. A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal, Criminal and Executive Law and Criminology, Saratov State University. E-mail: vestovfa@mail.ru

Vilkov A. A. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Sciences, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

Volkova O. A. – Doctor of Sociology, Professor of the Department of Social Work, Belgorod State National Research University. E-mail: volkovaoa@rambler.ru

Yakovlev I. V. – Postgraduate Student of the Department of Political Sciences, Saratov State University. E-mail: yak-ivan@yandex.ru

Zagirova E. M. – Postgraduate Student, Regional Center of Ethno-Political Research of the Dagestan Scientific Center RAS, Makhachkala. E-mail: elvira.2005@inbox.ru

Zorina E. G. – Student of Magistracy of the Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University. E-mail: z-surfer@mail.ru